

Мириам Стулберг

Волшебный фонарь
Москва
2014

Мириам Стулберг

Бог
зовёт
меня
Мириам

*Духовное путешествие
американской еврейки,
христианки и члена
общины «Дом Мадонны»,
которая жила
в Магадане
и училась там любить.*

Несколько слов о книге про католических сестёр в Магадане

Книга, предлагаемая уважаемому читателю, рассказывает о жизни в Магадане в середине «лихих девяностых» нескольких католических мирянок из общины «Madonna House» (Дом Мадонны) в Канаде. В тот период многие зарубежные миссионеры в основном из самых искренних побуждений приезжали в Россию, чтобы оказать духовную и материальную помощь русским людям. Это был очень трудный период перехода от рухнувшего советского уклада жизни к новой рыночной экономике. Американки, привыкшие к обустроенной цивилизованной жизни, оказались в условиях хозяйственной разрухи бывшей «столицы Колымского края».

«Люди нам помогали, — пишет Мириам своему русскому издателю. — Мы удивлялись их щедрости, их способности „любить, не считаясь с ценой“. Мы у них учились, как любить.

Конечно, мы в основном общались с верующими людьми. И нам напоминали: „Вы знаете только хороших людей“. Но именно эти люди сильно и окончательно повлияли на нашу жизнь. Можно сказать, что цель книги — свидетельствовать об этом».

Духовная поддержка священников и практика ежедневной молитвы были для канадских христианок источником, из которого они черпали необходимые благодать, мудрость и силу.

Православному читателю будет интересно и полезно узнать об этом важном опыте служения, который приобрели католические сёстры в своём стремлении помочь нашим соотечественникам.

Протоиерей Александр Борисов,
настоятель храма святых бессребреников
Космы и Дамиана в Шубине

Москва
15 июня 2012

От автора

Я родилась в Америке в еврейской семье и приняла крещение уже взрослой в «Доме Мадонны» — католической общине мирян, мужчин и женщин, и священников, центр которой находится в Комбермере (Канада, Онтарио).

Когда я крестилась, я думала, что самое великое приключение моей жизни завершено. Оказалось всё наоборот. На протяжении сорока лет это путешествие, этот поиск «жизни с избытком» (Ин. 10:10), обещанной нам Христом, никогда не прекращались, но, на фоне всех неожиданных зигзагов и поворотов, становились всё глубже и богаче. Это путешествие протекало в рамках моего призвания в «Доме Мадонны» и духовного наследия нашей основательницы Екатерины де Гук Дохерти, которое кратко выражено в так называемой «Маленькой заповеди».

В 1992 году Бог привёл меня в Россию — в страну, история которой сформирована Крестом и Воскресением Иисуса Христа. На следующий год мы открыли в Магадане дом общения и молитвы, где на протяжении двенадцати лет моими учителями были люди, души которых очищены в горниле страданий. Они ввели меня в новый для меня мир и навсегда изменили моё восприятие реальности. Именно благодаря им, когда в 1998 году у меня нашли множественный рассеянный склероз, этот, казалось бы, сокрушительный удар судьбы стал для меня новым и более глубоким этапом моего духовного путешествия.

В этой книге я старалась рассказать о том, чему меня научили русские, особенно те, кто выжил в лагерях. Это знак благодарности за дар дружбы, доверия и любви, которые получала я вместе с другими членами общины «Дом Мадонны».

Для настоящего издания я внесла незначительные изменения в английскую версию книги, вышедшую в 2009 году. В основном были сокращены разъяснения, которые не понадобятся русскому читателю. Все герои данной книги — подлинные люди, хотя мне пришлось изменить большинство имён.

Я хочу посвятить эту книгу Рае Гершзон, её мужу Володе Ерохину и моей прекрасной крестнице и тёзке Мириам. Когда я вместе с ними, уже нет русских и американцев, есть только *родные*.

Мириам Стулберг

Сентябрь 2011

Маленькая заповедь*

Встань – и иди! Продай всё, что имеешь.

Сам отдай всё нищим.

Возьми Мой крест (их крест)

и следуй за Мной:

иди к бедным, будь бедным,

будь в единстве с ними,

в единстве со Мной.

Будь мал, всегда будь мал!

Будь прост, беден, как ребёнок.

Проповедуй Евангелие своей жизнью,

без компромиссов!

Прислушивайся к Духу.

Он будет вести тебя.

Делай малые дела как можно лучше

из любви ко Мне.

Люби, люби, люби,

не считаясь с ценой.

Иди в мир и будь со Мной.

Молись и постись.

Молись непрестанно. Постись.

Будь незаметен. Стань светом у стоп

твоего ближнего. Без страха входи

в глубины человеческих сердец.

Я буду с тобой.

Молись непрестанно.

Я буду твоей опорой.

* Слова, кратко выражающие дух общины «Дом Мадонны», которые Екатерина Дохерти, как она верила, получила от Христа.

Глава первая

Бог зовёт меня Мириам

Однажды вечером в самом начале 1990-х, когда я жила в общине «Дома Мадонны» в Париже, пожилая французенка пригласила нас на обед. Когда мы закончили десерт, она предложила нам посмотреть её библиотеку, пока она готовит кофе на кухне. Я всегда обожала книги, и это предложение было для меня весьма заманчивым. Просмотрев корешки книг на полках, я увидела там старый географический атлас, изданный, как оказалось, в начале двадцатого века. Я с волнением перелистывала его страницы, пока не нашла то, что хотела:

Радзивилов: город в европейской части России (Волынь), расположен в 37 км к северо-западу от Кременца на реке Словне неподалёку от границы с Австрией, проходящей через город Броды (Галиция); 7350 жителей, преимущественно евреев. Важный таможенный пункт.

Впервые в жизни я увидела письменное упоминание о месте происхождения моей семьи. В 1908 году мой дедушка Залман Стулберг вместе со своим отцом и старшим братом отправился из Радзивилова в Америку, убегая от еврейских погромов. Позже они перевезли сюда оставшихся родственников.

Я всегда жалела, что не успела расспросить дедушку о его детстве, пока его память ему ещё не изменяла. Я помню лишь один-единственный разговор на эту тему, когда мне было шестнадцать лет и мои дедушка и бабушка приехали в Детройт из Миннесоты, где они жили, с ежегодным семейным визитом.

Я поставила запись народных песен еврейского певца, родившегося в России, и оказалось, что дедушка способен понимать украинский язык. После этого он рассказал мне о Радзивилове.

Я не могла найти этот городок на картах. Я даже не могла понять, на территории какой страны он находился. Это не удивительно: тот район, где находился Радзивилов, на протяжении веков переходил от одной страны к другой, как футбольный мячик. Когда там жили мои дедушки и бабушки, он принадлежал Российской империи. После Первой мировой войны он перешёл к Польше, во время Второй мировой его заняли немцы, затем его освободили Советы, и он оказался в составе СССР. Сегодня он находится на территории независимой Украины.

Второй раз я увидела упоминание о Радзивилове в маленьком рассказе Исаака Бабеля «Смерть Долгушова», который входит в книгу «Конармия». Там на середине первой страницы говорится: «Радзивилов в огне».

Может быть, от него ничего не осталось — и потому я не могу найти его на картах? Нет, он до сих пор существует, как сказал мне украинский епископ, которого я встретила позже в Сибири. Я сказала ему, что мои предки родились на территории его нынешней епархии и что я могу найти на карте соседний город Броды, но не Радзивилов. Епископ предположил, что город был переименован.

Все четверо моих дедушек и бабушек переселились в США из Восточной Европы в начале двадцатого века. Жена Залмана, моя бабушка Мэри (в детстве её звали Мириам) прибыла сюда ребёнком из Литвы. Моя бабушка по матери Мэри Элизабет родилась в Румынии, и её имя изначально было тоже Мириам. Она умерла до моего рождения, и меня назвали в её честь Мэри Бет.

Отец моей матери Карл Данциг также был литовским евреем. Тринадцатилетним подростком он был вынужден покинуть дом, чтобы не попасть в русскую армию. Военская повинность в те времена означала двадцать лет принудительной службы, и большинство этих несчастных, которых забирали в армию, уже не возвращались. Старший брат, которым Карл

восхищался, исчез несколько раньше, чтобы избежать призыва. Никто не знал, где он, а ожидание становилось рискованным, так что Карл отправился в Гамбург, где сел на корабль, отплывающий в Нью-Йорк — там уже жил его дядя. Во время плавания кто-то сказал Карлу, что на корабле есть ещё один юноша, говорящий на его языке. Когда мой дедушка нашёл этого юношу, он увидел, что это его пропавший без вести брат!

Поселившись в Америке, мои предки, подобно многим другим эмигрантам первого поколения той эпохи, постарались забыть о прошлом и принялись осваивать новый образ жизни. Мои дедушки и бабушки посещали синагогу, где молитва шла на английском и иврите и где ритуальные требования не входили в конфликт с жизнью в плюралистическом обществе. В тринадцать лет и мой отец, и его младший брат прошли церемонию *бар-мицвы*, которая знаменовала переход еврейского мальчика к зрелости, после чего он может принимать полноценное участие в жизни синагоги. Тем не менее, став взрослыми, оба они оставили религиозные обряды.

Дома мои дедушки и бабушки говорили на идише только в одном случае — когда хотели, чтобы дети не могли их понять, — и, похоже, они не замечали, что детей удивляет их странное произношение, когда они говорили по-английски. Как и в большинстве еврейских семей, они в первую очередь стремились дать детям хорошее образование. Мои родители закончили университеты, а мой отец и дядя имели степени докторов наук.

Когда мне было два с половиной года, а моя сестра Пэгги была совсем младенцем, мой отец занял пост микробиолога в Мичиганском исследовательском центре, и мы переехали в Детройт. На протяжении первых пяти лет мы снимали дома в разных частях города, но в 1954 году, вскоре после рождения моего брата, родители купили дом близ Ок-Парка. Они выбрали это место отчасти потому, что в Ок-Парке жило много еврейских семей, а они не хотели, чтобы их дети сталкивались с антисемитизмом, который они сами слишком хорошо знали.

Мы с Пэгги получили довольно скромное религиозное образование. В течение нескольких месяцев мы посещали религиозные занятия в либеральной синагоге, но родители забрали

нас оттуда, как только мы начали задавать вопросы, почему в нашей семье не соблюдают субботу и едят свинину. В детстве на Рождество мои родители ставили ёлку и клали подарки нам в носки, чтобы мы не слишком сильно отличались от наших соседей и друзей, придерживающихся христианской традиции. Позже мы праздновали и Рождество, и Хануку (иудейский Праздник света, который также празднуют в декабре), а затем, после переезда в Ок-Парк, только Хануку.

Мы всегда в первый вечер еврейской Пасхи устраивали традиционный седер, где мы ели мацу — сухой хлеб без дрожжей, хотя одновременно продолжали есть обычный хлеб в эти праздничные дни. На осенние праздники — на еврейский Новый год и в День искупления — вся семья посещала детские службы в либеральной синагоге в городе, пока мы с сестрой не стали слишком большими для этого. В те годы, когда еврейские семьи стремились уехать из города и поселиться в пригороде, быть членом синагоги означало делать существенные денежные вклады на строительство, но у моих родителей не было таких средств.

Иудаизм не просто вера, но определённый образ жизни и общая история, и мои родители думали, что могут передать нам своим собственным примером те ценности, которые, как они думали, составляли суть иудейской традиции. Это им удалось осуществить только отчасти. Для них иудаизм был вопросом идентичности, но не личной веры, и это никогда не могло утолить мой духовный голод. Мне нужен был такой Бог, который станет моим Отцом. Мне нужен был Тот, кто спасает. Мне нужен был такой Бог, который сам бы был ответом на мои вопросы.

Брак родителей. 1944 г.

*Пэгги, дедушка Карл Данциг,
Мэри Бет (Мириам)*

Поиск

В 1960 году, когда Джон Кеннеди стал президентом, а мне исполнилось тринадцать, я стала вести дневник, куда записывала свои мысли и отчёт о моей внутренней жизни. Я всегда осознавала, что в сердцевине всего лежит тайна, и мои представления о мире, питаемые книгами, которые я поглощала, были достаточно широки. Моя духовность включала в себя элементы как иудаизма, так и христианства, почерпнутые из чтения. В старших классах школы я столкнулась с воин-

ствующим атеизмом моей одноклассницы и без особой борьбы оставила религиозное мировоззрение, которое было скорее теорией, чем глубоко укоренённой верой. Потеряв Бога, я почувствовала пустоту и тревогу в сердце, и это подтолкнуло меня к новым поискам.

Мне нужно было найти смысл жизни, и потому, поступив в Мичиганский государственный университет, я выбирала предметы и преподавателей, руководствуясь этим поиском. К моему счастью, эта смесь из литературы, иностранных языков и социологии укладывалась в рамки требований, предъявляемых к специализации по гуманитарным наукам.

Я металась между интеллектуальными занятиями и романтическими приключениями, а также участвовала в социальных движениях 1960-х. У меня сохранились близкие отношения с моей школьной учительницей английского — пожилой дамой по имени Конни Янг. Она была католичкой и принимала сердечное участие в своих учениках. Всякий раз, приезжая домой на каникулы, я заходила к Конни, и она безмолвно выслушивала мою новую философию жизни. Её внимание словно бы возвращало меня к самому главному во мне. Конни никогда не пропо-

ведовала и не навязывала своих мнений. Но жила в осмысленной вселенной и вселила в меня убеждение, что я смогу это открыть.

Меня всегда привлекало христианство, и каждый раз, когда я заходила в католический храм, я ощущала какое-то особое присутствие, которого я не чувствовала в других местах. Где-то в середине учёбы в университете я провела лето с двоюродным братом моей матери в Мехико. Исследуя столицу Мексики и её окрестности, я постоянно заходила в церкви, тайна которых притягивала меня к себе. Я не пыталась исследовать или объяснить себе загадку такой притягательности. Жизнь открывала передо мной очень много возможностей, я чувствовала, что связана со всеми и со всем на свете.

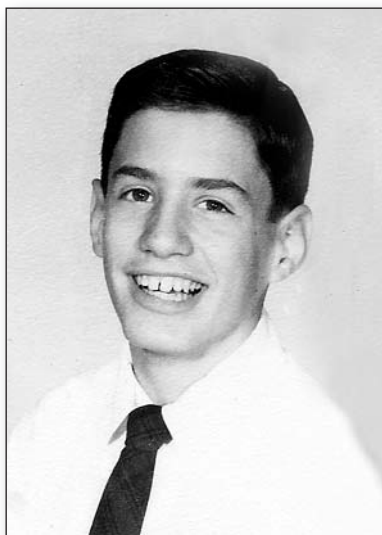
В аллее теней

За одиннадцать лет до этого у моего отца обнаружили рассеянный склероз — болезнь нервной системы, которую лечить не умели. По мере своего прогрессирования эта болезнь отнимала у него одну возможность за другой, но он не хотел сдаваться. Используя кресло с электрическим двигателем для перемещений, он продолжал заниматься медицинскими исследованиями.

Мои родители стремились сделать всё возможное, чтобы его болезнь не омрачала жизни детей. Они старались сделать как лучше, однако Пэгги, Марк и я чувствовали напряжение, которое трудно было назвать словами и о котором невозможно было поговорить. Это мешало нам справляться и с нашими собственными чувствами, касающимися болезни отца.

Когда я училась на третьем курсе университета, у моего брата, которому тогда было тринадцать, нашли рак кости. В ноябре 1966 ему ампутировали левую ногу на уровне бедра. Несмотря на химиотерапию, у него обнаружили метастазы в лёгких. Он умер дома на руках моей матери 22 июня 1967 года.

Когда мы приехали и увидели тело Марка в похоронном зале, я сразу инстинктивно почувствовала: *это не мой брат*. То, что делало его именно «Марком», исчезло, осталась одна пустая оболочка. Так я впервые столкнулась с представлением о душе.

*Марк
(1967 – последний год его жизни)*

В те трудные времена мне пришлось подавлять свои эмоции, чтобы оказывать поддержку родителям. В то лето после смерти Марка я чувствовала замешательство: папа с мамой научились играть в бридж, чтобы отвлечься от горя, и когда мы с Пэгги сидели вместе с ними вечерами в опустелом и печальном доме, я осознавала, как меня засасывает пучина тоски моих родителей. Мне хотелось вырваться на свободу из этого мира глубокой скорби моей семьи. Мне хотелось покинуть Мичиган и отправиться в Нью-Йорк, чтобы там начать новую жизнь, но мои родители были бы не в силах вы-

нести новую утрату. В конечном итоге я приняла решение не причинять им излишней боли.

Конни Янг познакомила меня со своим духовным наставником – преподавателем детройтской семинарии и духовным писателем отцом Эдвардом Фарреллом. Впервые в жизни мне пришлось общаться со священником, и я не знала, как с ним нужно разговаривать. Его тепло и открытость меня обезоружили, так что я начала говорить с ним о том, что лежало у меня на сердце. Он просто слушал, не давая советов, и моё эмоциональное состояние постепенно отступало.

Накануне моего возвращения в университет осенью отец Эдуард служил заупокойную мессу о моём брате. Я ничего не понимала, но, когда он поднял освященный хлеб, на дискос упал луч света, прошедший через окно с витражами, и я подумала: *вот он, самый центр вселенной*. Впервые в моей жизни Бог обратился напрямую к моему сердцу, как это случалось потом не раз.

К чему или к Кому?

В последний год учёбы в Мичиганском госуниверситете я стала посещать мессы в студенческом католическом центре

и даже записалась на курс для тех, кто интересовался католицизмом. Однако на меня не произвели впечатления доказательства существования Божия Фомы Аквинского, о которых нам рассказывал священник:

— Просто на тот случай, если у кого-то ещё остаются сомнения... — любил повторять он.

Аргументы Фомы меня не убедили, так что я перестала ходить и на мессы, и на эти занятия.

В зимнем семестре я записалась на спецкурс по Шекспиру. Меня самоё удивил тот факт, что моя студенческая работа на эту тему стала духовными изъяснениями. Я всегда чувствовала себя неуютно в мире религиозных терминов, которые не пробуждали у меня никаких особых ассоциаций, но затем, когда я прошла курс современного богословия и прочла труды Пауля Тиллиха и Николая Бердяева, такие слова, как «творение», «грех» и «искупление», постепенно стали наполняться смыслом. Я начала понимать, что вера относится не к чему-то «потустороннему», но к тому, что потенциально живёт внутри нас.

Я всё ещё не понимала, чему должна посвятить свою жизнь, и чувствовала, что ещё не готова принять такое решение. Незадолго до окончания учёбы я сказала одному из друзей:

— На самом деле я не стремлюсь делать карьеру или стать профессионалом. Я хочу найти смысл жизни и жить в соответствии с ним.

Закончив университет, я решила перебраться в Бостон и найти там работу. Бостон представлялся не столь опасным, как Нью-Йорк, и к тому же имел богатую историю и культуру, в нём располагались университеты. Там уже жила моя бывшая одноклассница-атеистка, которая пыталась зарабатывать живописью, так что я могла остановиться у неё, пока не подыщу себе отдельное жильё. Хотя я попросила родителей купить мне билет на самолёт, мне не пришло в голову посоветоваться с ними о своём решении. Наконец-то я начала строить мою собственную жизнь, но при этом я чувствовала неуверенность, так что могла только лишь шагнуть вперёд с закрытыми глазами. Чувствовала, что найду нужные ответы в своём сердце, и надеялась, что новая, незнакомая обстановка мне в этом поможет.

После нескольких месяцев на временной работе в офисе я устроилась социальным работником в Массачусетское отделение Министерства социального обеспечения. Для этого было достаточно предъявить мой университетский диплом и убедиться в том, что на рентгене мои лёгкие выглядят здоровыми. Поскольку я владела испанским, мне поручили заниматься эмигрантами из Пуэрто-Рико и Кубы, а заодно и несколькими семьями ирландского происхождения.

Среди переселенцев многие семьи в течение нескольких поколений существовали за счёт государственного пособия.

— Что могу я, двадцатидвухлетняя выпускница университета, дать этим людям? — спрашивала я себя. — Поскольку я не могу притворяться профессионалом, на чём должны строиться мои отношения с ними?

В течение трёх дней, когда я знакомилась с новой работой, я подружилась с молодой женщиной по имени Энн, которая недавно оставила монашеский орден и вместе с пятью другими бывшими монахинями жила в общине мирян в неблагополучном районе города. Я начала проводить выходные в этой общине: мы вместе ходили на мессы и я знакомилась с новыми друзьями. Они стремились воплотить Евангелие, живя среди обитателей трущоб, и для меня это имело смысл. Поскольку я не получила специальной подготовки для социальной работы, стала опираться на христианство (как я его на тот момент понимала).

Я увидела, что мои начальники свысока смотрят на семьи, живущие на пособие, и решительно отвергла подобные установки. Мне казалось, что я могу по-настоящему служить этим семьям только как их ближний, используя мой пост и знания, чтобы играть для них роль посредника. Если Иисус Сын Божий, думала я, то я действительно их сестрой. Это не просто давало мне право им помогать, но и накладывало на меня определённую ответственность.

Если Иисус Сын Божий...

Передо мной стояло множество всяких «если». Если существует Бог как личность и если его сущность — любовь, то, естественно (казалось мне), этот Бог должен был захотеть из любви разделить условия жизни своего творения. Воплощение Иисуса,

рождение от Девы и воскресение из мёртвых никогда не были для меня проблемой, поскольку, если Бог существует, он может делать, что пожелает и как пожелает.

Бостон был очагом политического радикализма, так что Энн и её друзья всё больше вовлекались в движение протеста против войны во Вьетнаме. Они пригласили меня в свой дом на неформальную встречу со священником из группы «Милуоки 14». Члены этой группы, служители церкви и миряне, взломали офис призывной комиссии, выкрали оттуда списки призывников и публично предали их огню в знак протеста против войны. Их готовность сесть в тюрьму за свои убеждения показала мне силу самопожертвования. Я увидела в этом отражение христианской парадигмы смерти и воскресения.

Эта встреча должна была состояться в пятницу вечером в начале марта. Когда мой рабочий день подходил к концу, к нам в офис пришла знакомая мне семья пуэрториканцев. На улице стояла холодная погода и дул ветер. Пуэрториканцы в своей ненадёжной одежде и дырявых ботинках тряслись от холода. Они сказали, что у них отключили отопление, потому что они не могли за него платить.

В таких случаях Министерство социального обеспечения работало по своим инструкциям. Поскольку оставлять людей без тепла и электричества бесчеловечно, социальный работник писал обращение, которое по телефону передавали в соответствующую компанию, чтобы та снова включила отопление. Я объяснила всё это семье и добавила, что, к сожалению, поскольку сегодня пятница и рабочий день кончается, проблему можно будет решить лишь после выходных.

— Но мы мёрзнем, — с грустью сказал отец.

Мне было их искренне жаль, но что я могла поделать?

Я пошла на встречу в общину и слушала, как священник рассказывает о протесте христиан. После этого мы сели за импровизированный ужин. В комнате было много народу, так что мне пришлось снять свой джемпер. И тут внезапно я вспомнила о пуэрториканцах, дрожащих от холода.

«Но мы мёрзнем».

«Мне вас искренне жаль, но я ничего не могу сделать до понедельника. Правда — ничего не могу сделать».

Когда мой брат страдает, имею ли я право говорить, что ничего не могу сделать?

Я рассказала об этом Энн. Она собрала какие-то запасные одеяла, и кто-то одолжил нам свою машину. Я знала, как найти моих пуэрториканцев. Было уже около одиннадцати вечера, когда мы постучались в их жилище. Отец открыл нам дверь в одних пижамных штанах, очевидно, мы подняли его из постели. Я увидела открытую дверь кухни, где горела электрическая плита — они использовали её для обогрева. В комнате было душно. Я была смущена нелепостью ситуации, и потому, быстро передав отцу одеяла, пробормотала невнятное извинение и быстро удалилась.

Но с моим сердцем произошло нечто важное, и я никогда не забуду об этом событии. *«Когда мой брат страдает...»*

Вскоре после этого случая я пошла на выступление отца Даниила Берригана, известного писателя и противника войны. Слушая его, я неожиданно поняла одну вещь: в мире не будет социальной справедливости до тех пор, пока те, кто «имеет», не пожертвуют частью своего имущества ради тех, кто «не имеет».

Из этого следовало много вещей, выходящих за рамки экономики. Именно это стояло и за действиями группы «Милуоки 14», и за многочисленными актами самопожертвования и добровольной бедностью многих верующих в истории. Это означало, что мой образ жизни и мои решения влияют на судьбу всего мира.

Я искала правду внутри самой себя, но теперь поняла, что смысл моей жизни неразрывно связан с моими братьями и сёстрами. Я ещё не понимала, что из этого следует. Мои друзья рассуждали о том, что лучше: революция или путь медленных социальных преобразований, — а я слушала их и молчала. А когда я возвращалась в свою крохотную квартиру и оставалась одна, мне было стыдно из-за того, что я не умею мыслить независимо.

— С чего следует начать? — спрашивала я себя. — Нужно сначала найти истину — или посвятить себя такому делу, которое позволяет жить истиной? И чему я должна посвятить себя? Или на самом деле мне следует спросить — Кому?

Когда женщины, борющиеся за права семей, живущих на пособие, той весной заходили в наш офис, они часто улыбались мне и тепло меня приветствовали, поскольку я пользовалась доброй славой у местных бедняков. Однако мне было грустно смотреть на то, что поляризация позиций всё больше усиливалась, а борцы за права бедных всё больше думали о политике.

Как-то раз один из их руководителей пригласил меня на обед и предложил мне передать документы, касающиеся моих подопечных, их группе. И тут я поняла, что не могу оставаться по обе стороны баррикад.

Я уволилась с работы и полтора месяца жила на свои скудные сбережения, размышляя о том, что мне делать дальше.

Четвёртого июля, в День независимости, я присоединилась к нескольким сотням демонстрантов, которые собрались на огромной площади в центре города, чтобы в течение двадцати четырёх часов читать список имён погибших во Вьетнаме. И когда приехали агенты ФБР с фотокамерами и стали снимать протестующих, я поняла: пора решить, во что я верю и чего на самом деле хочу.

Я знала, что Конни Янг, которая преподавала мне английский в старших классах и оставалась моей наставницей, каждое лето проводила какое-то время в Канаде в месте под названием «Дом Мадонны» в Онтарио. Я смутно помнила её рассказы о том, что эту общину основала русская баронесса, и что она со своим вторым мужем живёт как сестра с братом. Немного позже я начала читать «Семиярусную гору» Томаса Мертона и поняла, что упомянутая там баронесса Екатерина де Гук, с которой Мертон встречался в Гарлеме, и есть та самая Екатерина, которой так восхищалась Конни.

Кроме того, Конни рассказывала о молодых людях, вступивших в эту общину, которые всегда поражали её тем, что они так счастливы. Я бы не назвала «счастливыми» никого из моих бостонских молодых знакомых. Мы искали, мы мучились, многие из нас страдали от неврозов, некоторые сидели на наркотиках, но никто из нас не был просто «счастливым».

Мне захотелось покинуть этот город с его неразрешимыми проблемами. Я позвонила Конни и спросила, нельзя ли нам

встретиться в «Доме Мадонны». Она объяснила, с кем для этого связаться. Я написала туда письмо с просьбой и получила тёплый ответ от секретаря «Дома Мадонны»: меня готовы принять, и я могу там жить, сколько захочу. К письму прилагались книжечки — благочестивые тексты, из-за которых я чуть было не передумала ехать. Но потом всё-таки решилась.

— Тебе там может не понравиться, — предупредила Энн.

Друзья-диссиденты недоумевали:

— «Дом Мадонны»! Но они такие традиционные! Что это тебе вздумалось туда поехать?

— Не знаю, но я еду, — ответила я с нехарактерным для меня упорством.

Там, где я прежде не бывала

И вот как-то вечером в конце июля 1969 года я села в автобус Бостон–Торонто. Я чувствовала, что в моей жизни должен произойти решительный поворот. Я сидела впереди и могла видеть лишь то, что перед моими глазами, скажем, часть шоссе, освещённую фарами автобуса. Мне казалось, что я внутренне также движусь к какому-то месту, где я прежде не бывала.

На следующее утро в Торонто я села на другой автобус, и под вечер, после пятичасового путешествия на север среди поросших лесом холмов и множества озёр, заметила указатель с надписью «Комбермер». Конни встретила меня на остановке, и мы проехали около километра на её машине по извилистой дороге, вдоль которой росли сосны и берёзы, пока не увидели большой белый двухэтажный дом. Вокруг него виднелись домики поменьше и сады с цветами. Когда мы подъезжали к месту парковки, Конни остановила машину, чтобы поздороваться с женщиной, которого она представила мне как отца Бриера.

Затем мы встретили женщину, которую звали Тереза Дэвис.

Тереза заключила меня в тёплые объятия. Отнеся мой багаж в женскую гостевую спальню, мы подошли к главному дому: скоро колокол должен был позвать всех на ужин.

Вскоре я очутилась в большой столовой, обшитой деревом, где одновременно помещалась библиотека — высокие книжные

шкафы между окнами с двойными рамами. В конце комнаты стояло пианино. Около десятка деревянных столов, у которых стояли скамейки, были накрыты к ужину. В открытое окно светило солнце, и доносился запах сосен.

— А вот и Екатерина, — воскликнула Тереза. — Она знает, что ты должна приехать.

Обернувшись, я увидела приземистую женщину лет семидесяти, которая приближалась к нам, опираясь на трость: серебряные волосы, собранные в пучок, большие красные серьги в ушах, губы накрашены светлой помадой, простенькое голубое платье почти до пят. Она остановилась, оглядела меня и улыбнулась завораживающей улыбкой. Её глаза были сапфирового цвета.

Громким голосом с сильным русским акцентом она произнесла:

— Матушка Мириам!

Я оглянулась вокруг.

— Это она тебе говорит, — пояснила Тереза.

— Но меня зовут Мэри Бет, — смущённо ответила я.

— Я называю тебя Мириам, ибо это древнееврейское имя матери Иисуса Христа. Тебя назвали в её честь. Ты еврейка, твой народ — прародитель христиан, вот я и зову тебя матушкой.

Я не знала, что ответить.

— Не волнуйся, — промолвила она. — Не понимаешь, потом поймёшь.

То, что я еврейка, для Екатерины, видно, значило больше, чем для меня самой. Я приняла это, неясно ощущая: «Дом Мадонны» и его русская основательница знают, чего жаждет моё сердце.

*Екатерина де Гук Дохерти
Кольшикина
(1896–1985)*

Мэри Бет Стулберг

Ночью спала удивительно крепко в спальне с двадцатью двумя другими женщинами. У каждой была узкая койка и апельсиновая корзина для вещей. Блажен кто ездит налегке.

Утром встали в семь по будильнику. После мессы в деревянной часовне над столовой спустились к завтраку. Овсянка, хлеб домашней выпечки, масло, варенье и горячий чай с подымающимся над ним паром — всё это было так вкусно, что я не заметила отсутствия кофе. Затем вместе с другими гостями меня усадили в грузовик и по просёлочной дороге отвезли на холм, покрытый малиной, которая блестела на солнце, как драгоценные камни. Все привязали себе к поясу ёмкости и стали собирать ягоду. После внешней и внутренней запутанности моей бостонской жизни происходившее было пасторальной идиллией.

На другой день мне ещё с одной девушкой досталась новая работа — подкармливать удобрениями цветы на клумбе у главного дома. Отложив заботы о войне, бедности и расовых конфликтах, не мудрствуя, в душевной простоте я смеялась, думая о том, как всё резко поменялось. И поняла, что я и вправду счастлива!

Меня сперва озадачило, что никто не спрашивает, откуда я и чем занимаюсь. И даже если я сама начинала рассказывать о себе, похоже, это никого не интересовало. Затем кто-то объяснил мне, что тут не принято задавать личных вопросов, потому что сюда приезжают люди со сложной судьбой. Я лучше поняла эту установку, когда одна женщина из гостей по секрету сказала мне, что её в Комбермер направила служба, занимающаяся реабилитацией людей, вышедших из тюрьмы.

Поначалу нехватка личных данных мешала вести разговор, но по мере того, как я и другие гости погружались в жизнь «Дома Мадонны» с её всеохватывающей духовностью и двигались дальше в нашем внутреннем поиске, между нами возник

кли такие естественные и глубокие отношения, которых, казалось, нельзя было ожидать.

Как и предсказывали мои бостонские друзья, католический* аспект «Дома Мадонны» во многом оставался мне чужим.

Как-то перед ужином я вошла в часовенку над столовой, полагая, что, как всегда, будут служить вечерню. И тут кто-то протянул мне чётки для молитвы розарием. Моя реакция была — как зов далёких предков: я вдруг почувствовала себя одинокой еврейкой, затерянной в чуждом мире. Тихо соскользнув с деревянной скамьи, я опустилась на колени и стала неистово молиться:

— Боже, если Ты есть, сделай что-нибудь!

...Каждая новая десятица молитв звучала на новом языке. Екатерина молилась по-русски, кто-то — по-французски. Потом священник стал произносить: «*Авину, ше ба-шамаим...* Отче наш, сущий на небесах...».

Я никогда не изучала древнееврейский язык. Не поняла ни слова, но звучание этой речи пробуждало во мне воспоминания о службах моего детства в Доме Божьем в Судный день и о забавных попытках отца вспомнить хоть что-нибудь из начального иврита (который он учил перед бар-мицвой), когда наша семья справляла Пейсах. Этот язык был частью моего прошлого и, как оказалось, и настоящего. Как будто Божья Мать устремилась ко мне сквозь родную неизвестную речь, сквозь память сердца. Именно это Екатерина и хотела мне сказать при нашей первой встрече, и я поняла: это и есть ответ на мою отчаянную мольбу.

Несмотря на такие явные древности, как чтение розария или медная статуя Пресвятой Девы Комбермера в натуральную величину, я не увидела в «Доме Мадонны» того духовного угнетения и пуританства, которые, как я предполагала вместе с моими бостонскими друзьями, неизбежны в официальной церкви. Напротив, меня тут окружала удивительная атмосфера

* В то время я ещё не могла заметить того, что духовность «Дома Мадонны» выделялась именно любовью к православной традиции. Екатерина Дохерти учила общину дышать — это выражение папа Иоанн Павел II позаимствовал у русского поэта Вячеслава Иванова — «двумя лёгкими Церкви»: её латинским и византийским наследием.

доброты и радости, тут каждого человека принимали таким, какой он есть. Каждый член общины носил серебряный крест с надписью *Pax-Caritas*, «мир и любовь» на латыни, и эти слова отражали конкретную и воплощённую реальность. В отличие от мира, который я только что покинула, тут не было агрессии и соревнования, не было манипуляции и сарказма или унижительных насмешек. Вместо этого тут нередко можно было слышать раскаты искреннего и детского смеха. Оказавшись тут, я ощутила себя юным растением, распускающим листву в весеннем тёплом воздухе.

Разве «Дом Мадонны» не являет образ того самого мира, о котором мечтали мы с друзьями? Откуда это приходит? Как они это делают? Мы с друзьями стремились сокрушить несправедливое общество угнетения, но что мы можем предложить взамен? Мы боролись со злом — но не живут ли корни того же самого зла в наших сердцах?

Робко и неуклюже я попыталась задать эти вопросы отцу Бриеру, который стал моим наставником.* Он отвечал просто

* Каждому гостю «Дома Мадонны» предоставляется возможность вести духовные беседы с одним из священников общины.

и по существу. Несмотря на свой интеллектуальный облик, я понимала его интуитивно, сама не зная как. Проблемы общества, говорил он, есть следствие первородного греха, а ответ на них — это

всегда Иисус: надо обратиться к Нему, признать свои грехи в свете Его любви, исповедать их и получить прощение и исцеление, жить в Его любви и делиться ею с другими. Не бойся слабости. Напротив, не познав свою нужду, мешаешь Иисусу влить в твоё сердце силу любви, которая есть милость.

Лёгкость, с какой я принимала эту новую реальность, пугала меня. Я чувствовала, что Иисус говорит мне: «*Я есмь Путь, Истина и Жизнь*», — и хотела ему ответить: «Господь мой и Бог мой!». Но сердечное влечение к вере тормозил самоанализ. Обученная в тенетах социологии познания, я знала, что на представления человека об истине оказывает огромное влияние та социальная среда, в которой он находится. То, что представлялось мне возрастающим доверием к истине христианства, возможно, было лишь эффектом любви и тёплого отношения, которые я встретила в «Доме Мадонны». Только

много лет спустя я поняла, что духовная правда не поддаётся психологическому, социологическому или политическому анализу. Вера — ответ на иную реальность.

Бог зовёт меня Мириам

Я планировала побыть в «Доме Мадонны» всего неделю, но видела, что с каждым днём делаю какие-то новые шаги своего паломничества. Согласно правилам «Дома Мадонны» «работающие гости», как нас называли, могут тут жить до одного года, не давая каких-либо обещаний. Через шесть недель после приезда я сказала Екатерине, что хотела бы отправиться в Бостон и найти там другого жильца для своей квартиры, а затем вернуться в Комбермер на неопределённый срок.

— А не лучше ли тебе было бы разобраться в том, что значит быть еврейкой? — спросила она.

— Я думаю, в этом я уже опоздала, — неожиданно для себя ответила я.

Она смотрела на меня своими голубыми глазами, казалось, целую вечность, и потом произнесла:

— Да. Ты встретила Иисуса Христа.

Она как будто заглянула в моё сердце и увидела там больше того, что могла видеть я сама.

— Отлично. Возвращайся и побудь с нами. Но всё будет не так, как ты ожидаешь.

Я не поняла её последней фразы, но чувствовала благодарность за то, что она предложила мне стать еврейкой в более полном смысле. Кроме того, я могла использовать эти слова в ответ на подозрения родителей в том, что меня «переманивают» в иную веру, и это тоже укрепило моё уважение к Екатерине и доверие к ней.*

Когда я позвонила в Ок-Парк родителям, чтобы сообщить им о своих планах,

* Отец Екатерины, Фёдор Кольшкин, научил её любить и уважать народ, давший миру Христа, и помогать евреям во времена преследований. Она рассказывала общине, как однажды в детстве спросила отца: «Почему у нас бывает так много евреев? Нет, они хорошие, но почему они всегда рядом с нами?» «Катя, — ответил он, — это наша обязанность. Один человек написал об этом книгу. Это мой большой друг. Он убедил меня в том, что христианин не может ненавидеть евреев и что мы должны искупать вину тех, кто так делает». Став старше, она поняла, что этим другом, оказавшим влияние на её отца, был Владимир Соловьев.

они не могли себе представить, что это за место, которое я так неумело пыталась им описать.

— Ну, это вроде христианского кибуца, — сказала я наконец.

Отец не раздумывая спросил:

— Ты что, собралась стать христианкой?

— Не знаю. Ещё нет.

Наступила продолжительная пауза.

— Мы поговорим об этом, когда я приеду домой, — быстро произнесла я, чувствуя, что совершила ошибку.

Лишь позже я поняла, какие мучения доставили мои слова родителям. Смерть моего брата была для них незаживающей раной, и всё легко причиняло им боль. Они сами не понимали, как много значил для них иудаизм, когда я нечаянно и не думая упомянула о том, что ставило под угрозу (по крайней мере, с их точки зрения) то ощущение целостности жизни, которое у них ещё оставалась.

Мама написала мне длинное письмо:

Теперь, задним числом, я понимаю, что напрасно пренебрегала традиционными средствами и не привила тебе любовь к иудаизму. Без поддержки религиозного воспитания тут трудно справиться с теми препятствиями, проблемами и влияниями, которые несёт нам жизнь. Я хотела, чтобы вы с Пэгги любили наше наследие, ценили его нравственную сторону, его этику, не слишком озадачиваясь ритуалом и теми вещами, которые не имеют для меня смысла. Но это не удалось — или тут нужен был какой-то учитель получше, чем я. Мне не хватило опыта или знаний, чтобы передать детям сущность иудаизма, как я его понимаю, отказавшись от того, что мне не нравится в нём. Жалко, что вы, дети, не получили представлений о должном образе жизни и её цели.

Мы сознательно переехали в такое место, где живёт немало еврейских семей, чтобы вы не чувствовали себя совершенно чужими для окружения, как чувствовали это мы большую часть нашей жизни. Мы хотели, чтобы вы обрели чувство идентичности и не

сталкивались с антисемитизмом, который уже начинали ощущать.

Ты говорила, что в католицизме существуют фанатизм и предрассудки, то же самое можно сказать и об иудаизме. Но и те проявления любви, сострадания, человечности, которые ты видишь в тех людях, что тебя восхищают и вызывают твоё уважение, можно найти у самых разных людей, а не только в Католической церкви.

Ты говоришь, что это не отказ от еврейских корней, но я не понимаю, как можно найти компромисс между католической верой и иудаизмом. Суть иудаизма заключается в этих словах: «Слушай, Израиль, Господь, Бог наш, Господь един есть». Един, Мэри Бет, один. Если ты веришь в Бога, то есть только один Бог, а не три.

Сама я не верю в Бога, как Его ни понимай. Иудаизм – единственная религия, которая позволяет тебе отвергнуть Бога, но при этом оставляет тебе достаточно всего, чтобы жить достойно. Что такое иудаизм? Это вера, а если отказаться от неё, то культура, а если забыть и о культуре, то это чувство истории, традиция и прежде всего – нравственность, свод этических законов, по которым могут жить все люди. Я думаю, что вера в Бога – прекрасная вещь: она даёт тебе опору в трудную минуту. Правда, сама я не могу пользоваться такими костылями. Тем не менее, верю я или не верю, я остаюсь еврейкой – и в своих глазах, и в глазах мира.

Сама по себе любовь не даёт нам ответа. Любовь – это средство для достижения целей, лежащих за пределами наших эгоистичных интересов. Любовь к другим

Элен Стулберг
(мать)

*Кирилл Стулберг
(отец)*

заставляет нас действовать и чего-то добиваться. Но не думай, что любовь – это решение. Это неверно. Высшее проявление любви – это моя забота о муже и детях и об их потенциале, который они могут использовать для себя и для всего человечества. Я думала, что это щит, который оградит нас от всякого зла. Но вся любовь мира и все молитвы, которые она породила в людях любых религий, не могли спасти Марка. Он умер, и я знала, что Бога нет. Любви тут недостаточно.

Любовь очень важна, но это не всё. Это средство, которое позволяет нам жить ради других, но она не решит ни твоих, ни моих, ни чьих-то ещё проблем. И если мы хотим чего-либо достичь, нам нужно быть честными и опираться на более реалистичные вещи.

Ты всё время пишешь и говоришь о «любви», и я искренне верю, что на ней основаны твои мысли, однако мы с твоим отцом не можем понять, каким образом «любовь» (как бы ты не понимала это слово) может послужить оправданием перехода из иудаизма в католицизм. Наша любовь к тебе и Пэгги достаточно велика, она выше наших собственных нужд и желаний, так что, несмотря на наше горе и одиночество, мы готовы дать вам свободу распоряжаться своей жизнью. Но ты не можешь сейчас просить нас во имя любви благословить и понять то, что ты делаешь, отвергая наше и твоё наследие.

Окончив читать это письмо, я сразу пошла в часовню, где долго-долго рыдала. В «Доме Мадонны» не боятся слёз, и люди тут научились понимать, когда человека лучше оставить одного,

а когда ему нужно чьё-то сочувствие и присутствие. Через какое-то время я почувствовала чью-то руку на моём плече. Обернувшись, я увидела, что это была Джин Фокс, член «Дома Мадонны».

Я кратко рассказала ей о письме матери.

— Пребуди в мире, милая, — сказала она. — Ты слушаешься Бога, и он позаботится о твоих родителях. Вот увидишь.

Мне отчаянно хотелось ей верить.

Несмотря на бурю чувств, вызванных маминой болью, я не сдалась перед доводами матери. Какой-то непонятный инстинкт помог мне не потерять почву под ногами. Позже я начну понимать, что этот инстинкт есть присутствие Святого Духа в моём сердце.

В то же время у меня самой накопилось немало вопросов относительно Церкви и её учения, особенно о браке и сексуальности. Отец Бриер мне кое-что прекрасно объяснил и помог мне двигаться дальше.

Он взял лист бумаги и нарисовал на нём колесо.

— Тут, где ось, находится Святая Троица — Отец, Сын и Святой Дух, — сказал он, указывая карандашом в центр листа. — Всегда следует начинать именно отсюда. Все проблемы, что тебя волнуют, находятся на ободке. Если начать отсюда, ты будешь совершать бесконечные круги. Но если начать с центра, от Троицы, ты можешь по спице дойти до любой точки и понять подлинный смысл всего.

Я была почти готова просить о крещении, но меня всё ещё терзал фундаментальный вопрос: Бог на самом деле существует, или я Его создала, потому что Он мне нужен? На этой дилемме всё зависло. Я не могла разрешить её интеллектуально, и до меня дошло, что выйти из тупика можно только шагнув к вере.

Только что в литургической жизни церкви появились новые правила, так что на протяжении шести недель в присутствии всей общины я совершала мой путь к крещению*.

* Крещение взрослых в Католической церкви включает в себя несколько этапов, которые предшествуют собственно крещению: это изучение Символа веры и Отче наш, экзорцизм и т. д.

*Мириам
и о. Эмиль Бриер
в день крещения*

Отец Бриер решил не проводить формальную катехизацию. Участие в богатой духовной жизни общины помогло мне глубже усвоить почерпнутое из книг, которые я читала ещё и до встречи с «Домом Мадонны». Может быть, он думал, что мне куда нужнее не подготовка ума, а благодать таинств.

За несколько дней до крещения во время полдника ко мне подошла Екатерина.

— Ну вот, Мэри Бет, — сказала она, — ты собираешься креститься, и мне нужно привыкать к твоему христианскому имени.

Я настолько привыкла слышать, как она зовёт меня Мириам, что моё подлинное имя прозвучало тут как нечто мало-знакомое. И меня озарило: *Бог зовёт меня Мириам!*

21 декабря 1969 года, в последнее воскресенье Адвента, я была крещена в часовне «Дома Мадонны» как Мириам Элизабет. Конни Янг и отец Эдвард Фаррелл приехали из Детройта, чтобы стать моими крёстными родителями. Я мало что чувствовала в момент крещения. Небеса надо мной не разверзлись, и я не получила откровение, подобно Иисусу. Тем не менее несколько недель потом я чувствовала, что меня окутывает невыразимое словами Божие присутствие.

После возвращения в Детройт отец Фаррелл заехал к моим родителям, чтобы рассказать им об этом событии. Хотя, позвонив мне на следующий день, он сказал, что их встреча прошла хорошо, я подозревала, что мои родители просто не хотели показывать свою боль малознакомому человеку.

Через какое-то время я получила письмо от матери:

Что бы ни случилось, я не хочу тебя терять из-за моих собственных чувств и желаний. Я буду бороться за то, чтобы сохранить верность моему глубинному убеждению — каждый человек имеет право самостоятельно искать смысл жизни, как он его понимает.

Если я в какой-то момент отклонюсь от этого, пожалуйста, потерпи, зная, что я вернусь к этой позиции. Иногда мне нужна защита, чтобы ограждать себя от боли, пока я не научусь с ней справляться. Я не знаю, чья это боль: твоя, моя или нас обеих.

*Я не могу понять, но постараюсь принять.
И я люблю тебя.*

Она добавила, что мой отец не мог выразить свои чувства словами, но плакал после визита отца Фаррелла. Я написала, что только благодаря любви, которую отец давал мне на протяжении всей моей жизни, я могла поверить в существование любящего Бога.

Где я могу слышать Его

Любой человек, который достаточно долго гостит в общине «Дом Мадонны», обычно задаёт себе вопрос: «Может быть, это моё призвание?» Я продолжала участвовать в жизни семьи «Дома Мадонны», где я получала любовь, которая меня глубоко трогала и меняла, и начала задумываться: может быть, именно этому надо посвятить мою жизнь, чтобы так любить и стать апостолом любви? Разве я давно не мечтала найти смысл жизни и жить в соответствии с ним?

Община ценила простоту и ручной труд, от которого большинство американцев среднего класса пытаются убежать во что бы то ни стало, и это вдохновляло меня — так мы отождествляем себя с большей частью человечества и утверждаем достоинство каждого человека.

Глубина и широта той картины, которую открывала перед нами Екатерина, изумляла меня. Надо начать с духовного восстановления себя, и когда человек обретает способность превратить свою жизнь в дело любви, он сам становится закваской для изменения и восстановления всех аспектов человеческой жизни. «Ничто не чуждо апостольскому призванию, — любила повторять Екатерина, — кроме греха».

С другой стороны, я никогда не помышляла о принесении обетов бедности, целомудрия и послушания. Особенно это касалось целомудрия. До приезда в Комбермер у меня были

серьёзные романы, но я была не готова посвятить избраннику свою жизнь. Тем не менее я думала, что однажды стану чьей-нибудь женой.

А теперь, хотя я и томилась по сокровенным человеческим отношениям, я поняла, что экзистенциальное одиночество, в коем я всегда находила свою глубинную реальность, было со мною с самого детства. Этот источник подлинного бытия заметила во мне Конни Янг и указала мне на его важность. Когда я могла отойти в сторону от мнений и ожиданий окружающих людей, я снова открывала, кто я такая. Одиночество привело меня к тому, что Томас Элиот называл «неподвижной точкой во вращающейся вселенной», к глубинному переживанию истины, живущей во мне. И мостом между таким «одиночеством» и стремлением к союзу с другими был Христос.

Отец Бриер выразил это гораздо проще:

— Отдай своё сердце другим, но храни его для Христа.

Ни отец Бриер, ни Екатерина, ни кто-либо ещё в «Доме Мадонны» не стремился повлиять на моё решение. Впервые в жизни отпраздновав Пасху, я через какое-то время покинула «Дом Мадонны», чтобы попробовать самостоятельно пожить как христианка «в миру».

Приехала в Квебек и нашла работу в кафетерии Ассоциации молодых христианок. Я была рада возможности применять на практике те принципы, которые усвоила в «Доме Мадонны», Подружилась с директорисой Ассоциации, а она оказалась алкоголичкой. Меня потрясло это открытие, я хотела ей помочь, но, не понимая, что алкоголизм — это болезнь, так и не справилась с ситуацией. Когда директрису выгнали, я тоже потеряла работу. Эмоционально расплюснутая и неуверенная в себе я возвратилась в «Дом Мадонны», чтобы всё для себя прояснить и понять, что же делать дальше.

Второе пребывание оказалось куда более трудным. Я обнаружила, что община и её образ жизни гораздо менее привлекательны для моей натуры. И я никак не могла принять ясное решение, уехать или остаться.

Поняв, что я уже достаточно долго помучилась, обдумывая этот вопрос, отец Бриер отправил меня в одну из лачуг, где было заведено проводить по двадцать четыре часа в молитве

и посте. Он посоветовал мне взять лист бумаги, разделить его на два столбика: «Почему мне надо уехать» и «Почему мне надо остаться» — и записать все ответы, которые придут мне в голову, не пытаясь их анализировать или переписывать.

Я так и сделала:

Почему мне надо уехать

— Я боюсь оставаться.

— Я боюсь последствий бедности — и физических, и интеллектуальных.

— Я не уверена в том, что создана для жизни в общине. Мне нужно своё место и свободное время, чтобы находить свой центр.

— Я боюсь потерять контакт с реальностью, в которой живут другие люди. Я люблю жить вопросами и боюсь найти ответы.

— Меня не привлекает целомудрие. «Отдать своё сердце Христу» — это кажется мне абстрактными словами.

— «Оставить отца и мать» в моём случае было бы слишком радикальным шагом и даже жестокостью.

— Есть ли у меня настоящая вера?

Почему мне надо остаться

— Я боюсь отсюда уезжать!

— Я боюсь, что не смогу жить по-христиански в мире. Без той поддержки, что я тут получаю, боюсь, я буду отвлекаться и жить иллюзиями.

— Боюсь, я слишком слаба умом, чувствами и духом, чтобы выжить где-то в другом месте.

— Я устала от бесконечных остановок и новых начал. Я боюсь из-за своей слабости навсегда остаться дилетантом в жизни. Если я посвящу себя чему-то конкретному, я могу начать расти.

— Чистота здешней жизни соответствует моему стремлению к абсолютному.

— Когда я думаю о настоящей христианской жизни, я понимаю, что для этого нужны бедность и самоотречение. Из-за

влияния общества и моей собственной склонности потакать своим желаниям мне нужно быть в этом радикальной.

– Я не могу жить без Бога. Здесь Он стоит в центре нашей жизни. Здесь я могу Его слышать.

Если это глубинный смысл всей моей жизни, думала я, не глупо ли рисковать его потерять? Что я хочу доказать?

Оставив хижину, я с радостью поспешила к отцу Бриеру, чтобы сказать ему:

– Скорее всего, «Дом Мадонны» – моё призвание.

Глава вторая

Твой народ будет моим народом

Вскоре после принесения первых обетов, на первой неделе каникул я отправилась в дом общины близ Вашингтона. Вторую неделю предстояло провести с родителями в Ок-Парке, и этот план вселял тревогу.

Я старалась её скрыть. Как-нибудь так сделать, чтоб ни о чём не беспокоиться. Ведь у меня только что завершился столь напряжённый год обучения общинной жизни; сладко грезилась покоем и волей. Но даже воображая себя новобранцем на побылке, я чуяла: личность моя разрывается, а на поверхность выступает скрытый ужас.

Всегда знала: я впечатлительна и склонна складывать моё «своё» по обстановке. Ну это вроде мозаики из мелких кусочков и частиц, которыми я любовалась, но поделка стала рассыпаться.

Что если решение стать католичкой и идти в «Дом Мадонны» — лишь отражение моей нужды быть кем-то принятой, кому-то принадлежать?.. Я гнала от себя эту мысль.

Однажды ночью, находясь в постели, вдруг ощутила, что проваливаюсь в бездонный чёрный колодец. Я падала в его глубины, а наглый голос скрипел и скрежетал:

«Ты ведь никто!

Вообще никто!

Нуль.

Пустое место!

Ничтожество!

НИЧТО!»

Эхо слилось в рычащий хохот, меня всё быстрее уносило в недра тьмы.

И вот, уже в преддверье гибели, внезапно осознала, что меня подхватывают и держат чьи-то любящие руки. На сердце мне пришли слова: «Жива!.. И уже не я живу, но живёт во мне Христос» (ср. Гал. 2:20).

Вот кто я есть на самом деле; это моя личность, её никому не отнять! Да, это та реальность, которую мне не по силам было постичь в миг крещения.

Утром, ещё в полусне, я будто бы очутилась на жемчужной белой отмели, изнеженной гладью волн, под небом, изузуренным розовым и золотым.

Непросто это было

Екатерина и в мысли не допускала, чтоб я утратила свои еврейские истоки; правда, довольно скоро выяснилось, что их ещё надо обрести. В последующие годы я прочитала всё что могла достать по иудаизму. Перечитывала романы Хаима Потока и Эли Визеля. Штудировала «Евреи, Бог и история» Макса Даймонта и «Мой народ» Аббы Эвена. Познакомилась с трудами Авраама Хешеля, Мартина Бубера и книгой Франца Розенцвейга «Звезда искупления», где он пытается примирить иудаизм и христианство.

Потом занялась ивритом и продвинулась настолько, что удалось разобрать дедушкин молитвослов и первую главу Бытия. Холодок пробежал по спине, когда прочла: «*Берешит бага Элохим эт ха-шамаим везт ха-арец*» («В начале сотворил Бог небо и землю»). Иврит не только мой язык, но и язык Бога!

Ещё одной твердыней усвоения мною своего наследия стал родившийся в Ливане мелхитский архиепископ Иосиф Райя, которого я впервые встретила в Комбермере в ноябре 1969-го. За десять лет до этого, когда он ещё служил священником в греко-католическом приходе в Нью-Джерси, друзья позвали его в Комбермер. «Дом Мадонны» поразил отца Иосифа как «место, где Восток и Запад живут неразлучно в любви и гармонии».

Он стал священником общины, частью её духовной семьи, хотя и продолжал служить в своём приходе. 15 августа 1969 года, вскоре после того как он стал архиепископом «Хайфы, Назарета, Акко и вся Галилеи» в Израиле, владыка Иосиф руко-

положил Эдди Дохерти, мужа Екатерины, во священника мелхитского обряда.

При нашей первой встрече я полагала себя еврейкой уже настолько, чтобы иметь личное отношение к Израилю; восхищало, что гость приехал в «Дом Мадонны» из «моей» страны. При этом я болезненно переживала те гонения, которые претерпевали арабы-христиане на Святой Земле. В беседе проронила:

— Мне стыдно за свой народ. Он притесняет ваш народ.

— Радость моя, — сказал в ответ владыка, — мы ведь с тобой знаем, что это семейные дела. Но когда христиане любят и прощают, миру открывается лик Господа нашего Иисуса Христа. Евреи тоже будут знать Его. В этом и состоит наша задача. Ничто же сумняся оставайся еврейкой.

Для Екатерины и архиепископа, как и для большинства христиан, история спасения суть неразрывная стрела от Ветхого к Новому Завету. Но коли так, то что же есть тогда исполненные драматизма жизнь и мысль евреев в течение двух тысячелетий после смерти и воскресения Христа?

Для христиан, признавших в Иисусе из Назарета Сына Божия, обетования иудаизма, можно сказать, уже исполнились. Но для евреев это полный разрыв со своей средой. Я знала заранее, что стать «ещё большей еврейкой» — дорога к новому противостоянию. Здесь, на распутье, кто мне мог помочь?

«Дом Мадонны» впервые направил меня с миссией в Уинслоу (штат Аризона), где мы жили преимущественно среди выходцев из Мексики. Я любила их культуру, и меня радовало то, что эти люди отдавали нам свои сердца без остатка. Так я провела четыре года в этой маленькой комнате «Дома Мадонны», после чего меня послали в так называемую «пустыню» — дом для уединенной молитвы в Гравелбурге (провинция Саскачеван в Канаде).

Десятилетием раньше Екатерина ввела в употребление в «Доме Мадонны» русское слово «пустыня». Пользуясь богатством русской православной традиции, она выделила маленькие избушки в Комбермере и комнаты в других миссиях, чтобы

члены общины и её гости могли там уединяться на двадцать четыре часа, чтобы побыть в молчании и одиночестве, питаясь только хлебом и чаем, и встретить Бога в Писании и в своём сердце. После публикации книги «Пустыня: восточная духов-

*Пустыня: встреча с Богом в молчании, уединении и молитве. Перевод с английского Альвины Воропаевой. Издание второе. М.: Духовная библиотека, 2004.

ность для западного человека»*, которая была переведена на многие языки, эта практика стала известна всему католическому миру.

Обитатели гравелбургского «Дома Мадонны» не занимались активной апостольской деятельностью. Их призванием было молиться и слушать — слушать тех людей,

кто туда приходит, и слушать Бога, обращающегося к нам через сердце, через наших гостей и нашу жизнь.

Екатерина считала, что молитва включает в себя всё то, что человек делает и чем он является. Каждое служение, каждое дело, исполненное с любовью, было молитвой. Человек, который стремится жить перед лицом Бога и служить Ему и ближнему своему, «становится молитвой». «Пустыня» — это не просто комната, где каждый из нас проводил по двадцать четыре часа еженедельно, это также жизнь, которая не имела смысла без Бога и учила нас жить в одиночестве сердца, где Святой Дух может указать нам путь к источникам Божьей жизни.

Я только начала это путешествие, как получила известие, что у моей мамы обнаружен рак и болезнь быстро прогрессирует. Я вернулась домой, чтобы побыть с ней и с отцом последние месяцы её жизни. «Дом Мадонны» научил меня «назаретской жизни» с её простыми повседневными делами, и потому я могла ухаживать за матерью мирно и с любовью, быть рядом с ней, не теряя веры, и поддерживать папу и сестру. Вскоре после смерти матери в августе 1977 года мы узнали, что наш отец также болен раком желудка, который не поддаётся лечению. Он умер шесть недель спустя.

Пять месяцев, проведённые в Ок-Парке, позволили мне снова погрузиться в тот мир, в котором я выросла. В основном население Ок-Парка — евреи. Когда я была подростком, этот мир казался мне однообразным, а теперь меня завораживали его культура

и традиции. После смерти отца, пока мы с сестрой занимались продажей дома, я могла посещать богослужения в синагоге, посещать вечерние занятия по иудаизму и участвовать в дискуссиях в группе изучения Торы, собиравшейся по субботам утром. Я также ходила на мессы в соседний приход и участвовала в молитве католической группы харизматиков. Эти религиозные занятия помогли мне перенести боль потери, с которой я ещё не была готова столкнуться напрямую.

Мы с сестрой договорились, что я разберу бумаги и вещи, оставшиеся от родителей. Затем вместе мы должны были решить, что раздать или продать, после чего она наведёт окончательный порядок в доме. Это мирное занятие шло без затруднений, так что в конце ноября я смогла возвратиться к моей собственной жизни. Я отправилась в Комбермер, чтобы там отдохнуть, а после Нового года вернулась в Гравелбург.

В Гравелбурге

На перепутье

Пришли дни скорби. Каждую неделю я на сутки удалялась в пустыню, где плакала, пока не иссыхали слёзы. Затем записывала всё, что приходило мне на сердце, не анализируя и не редактируя ничего.

6 января 1978

Я знаю, что нужно жить в настоящем, но меня мучат такие вопросы, которые мешают мне освободиться от прошлого. Та я, которая весной покинула Гравелбург и выжила все эти месяцы, припавши к Богу и черпая силы у Него, словно растворилась в воздухе.

На удивление, в Ок-Парке я по-новому поняла свою связь с иудаизмом. Я думала, что уже навсегда покинула этот мир, но во время нужды мои корни

сами напомнили о себе и смягчили боль одиночества.

Когда я вернулась в Комбермер, меня утешала любовь семьи «Дома Мадонны» и Екатерины, которая сочувствовала мне и с уважением относилась к тому, что я пережила. А тут, в Гравелбурге, я снова оказалась в традиционном католическом мире и внезапно ощутила себя чужой.

Что случилось? Что произошло со мной за восемь лет после крещения? Неужели я просто натянула на себя новую одежду и назвала это обращением? Неужели всё моё христианство сводится к этому?

В иудаизме есть глубокая, очень глубокая правда. Это история человека с его слабостью и величием. Иудаизм резко ставит важные вопросы: как жить в мире, созданном Богом, но как будто покинутом Им; как жить в ожидании и надежде; и как хранить этот огонь, когда вокруг тебя бушуют силы распада. Тут есть героизм, достоинство и драматизм.

Является ли Иисус ответом на эти вопросы?

На самом деле я не знаю иудаизма и начинаю думать, что не знаю также и Иисуса.

В тот период я держалась только за веру в единого Бога — «*Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть*» (Втор. 6:4). Я не чувствовала уверенности ни в чём другом. Я горевала о родителях — не из-за их смерти, но из-за тех страданий, которые наполняли их жизнь и, похоже, сокрушили их в последние годы.

Я не могла прикоснуться к реальности воскресения и отказывалась заслонять её дешёвыми утешениями вроде картин прекрасной райской жизни. Я могла только встретиться с молчанием и чувствовать свою боль перед Богом, которая накатывала на меня, как волны океана на берег во время бури. Я пыталась тихо стоять в пустоте и просила Бога показать мне истинное положение вещей.

26 января 1978

Я начинаю понимать, что моё решение стать христианкой и вступить в «Дом Мадонны» в значительной степени было порождено протестом против родителей. Как будто бы я хотела оградить свою жизнь от их горя. Конечно, это не единственный мотив, но он куда сильнее, чем мне хотелось думать.

Теперь их нет. Они сделались памятью о прошлом, а я осталась одна в трёхстенной комнате, открытой грозным ветрам.

На некоем уровне призыв Христа и истины, к которым я пришла, по-прежнему слышен. *«Не вы Меня избрали, но Я избрал вас»*. Прежде мне казалось, что оставить отца, мать, брата, сестру, землю и людей несложно. Но теперь произошло нечто новое — я полюбила их.

Психиатр Карл Штерн, еврей-христианин, в своей автобиографии «Огненный столп» приводит слова ещё одного писателя, который сказал, что когда еврей умирает, чтобы воскреснуть со Христом, народ умирает вместе с ним. И он прав. Кайафа пытался это предотвратить: *«Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб»*. Именно потому, что во Христе *«нет ни эллина, ни иудея»*, евреи так беспощадно борются с обращением.

Невозможно праздновать и еврейскую субботу, и христианское воскресенье. Нельзя жить в двух мирах или думать, что они одинаковы.

«Остановитесь и познайте, что Я — Бог», — вот путь веры: помнить о деяниях Бога в прошлом и полагаться на них в будущем. Вот иудаизм, которым я призвана жить.

3 февраля 1978

Архиепископ Райя был здесь пять дней. Утром перед его отъездом я зашла к нему в комнату, и мы беседовали, пока он упаковывал вещи. Сам владыка не видит никаких трудностей в том, чтобы быть

и евреем, и христианином, но понимает, что в моём положении это не так просто.

Он всегда считал, что Иисус исполнил Закон, дав свободу индивиду. Владыка считает, что еврейский ум — это и есть ум Христа, и полагает, что утрата такого отношения ведёт к потере христианства.

Он сказал, что когда евреи в Галилее хотят покреститься, он всегда советует им сперва стать «настоящими евреями» — верующими во Христа и сохраняющими своё еврейство в еврейском мире. Я его спросила: он так поступает для того, чтобы избежать обвинений в прозелитизме? Но владыка пояснил, что не хочет умножать разделений.

Я это уже испытала. Еврею стать христианином значит получить не мир, но меч.

Снова и снова архиепископ повторял, что никто не может сказать мне, что правильно, а что нет. Я это знаю. Надо найти истину в своём сердце перед Богом. Надо понять, куда направлены мои глубочайшие желания.

Иисусе, помоги мне не принимать лёгкие ответы, но предоставить Тебе выковать Твой ответ во мне.

В декабре мне предстоит принести последние обеты. Идея не иметь детей настолько чужда иудаизму, что обязанность целомудрия навеки уже сама по себе подразумевает разрыв.

11 февраля 1978

* Члены общины «Дом Мадонны», жившие в Гравелбурге.

Джоанна и Патти* сказали мне вчера: «Не стоит зависать на еврействе — ты ведь еврейка».

Их замечание предостерегло от одной опасности: в поисках себя слепить какой-то кустарный образ. Я думала, мне это не грозит, но теперь вижу, что чуть не наступила на старые грабли.

24 февраля 1978

Сегодня в пустыне я спросила Бога: почему я не могу просто жить полнокровной и продуктивной жизнью любви в рамках иудаизма — как я его понимаю? И в своём сердце услышала ответ:

Уже поздно. Этого Я хотел от тебя в начале. Но сотворённый Мною мир поражён грехом, и неверный людской выбор заполнил его силами разрушения. Поэтому я послал Моего Сына и поэтому ты должна прилепиться к Нему на всю жизнь. Поэтому ты должна отдать свою жизнь Ему.

Может быть, это и есть ответ на мои вопросы?

Я раскрыла Писание и прочла: *«Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину: ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам»* (Ин. 16:13).

«Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16:33).

10 марта 1978

Я не могу жить двумя жизнями, а «Дом Мадонны» и христианство — глубочайшая реальность моего сердца. Всё это не так легко совмещается, но я чувствую, что Бог присутствует в том пространстве, которое отделяет то, что я знаю, от того, чего я не знаю.

Снова и снова я принимаю решение жить здесь и теперь. Иисус мне говорит: *«У тебя есть только один выбор: между самой собой и твоим ближним».*

Я читаю книгу Мартина Бубера о хасидизме и захожу там много света и мир. Думаю, он хорошо описывает суть иудаизма и жизни веры, когда говорит, что человек призван освящать мир своей жизнью. О том же говорит Екатерина.

23 марта 1978 – Страстной четверг

Действительно ли Страсти Господни происходили так, как написано в Евангелиях? Я знаю, как факты перевираются при передаче, а Страсти вспоминаются уже две тысячи лет. Еврейка во мне содрогается – сколько раз христиане в Страстную Пятницу шли из церкви в гетто, чтоб «отплатить» за смерть Христа. Если, как мы верим, Писание вдохновлено Богом, как Он мог позволить сохраниться искажениям истории, которые повлекли за собой столько злодеяний?

Раньше я никогда не задавала себе таких вопросов.

В этом году я стою в стороне от толпы, продолжая верить в этого Человека, и уже ничего не понимаю.

Господи, я желала бы просто броситься к Твоим ногам в вере и самоотдаче. Мне надо это сделать по-другому. Пойми меня, пожалуйста.

7 апреля 1978

Так много воспоминаний выходит на поверхность. Я слишком плохо понимала, что пережила моя мать после смерти Марка! Она была воистину великой женщиной. У неё было много недостатков, много больных мест, но она любила. Она сделала всё, что может сделать человек без веры. Она и мой отец – неизвестные миру герои. Каждый из них сражался с жизнью в её красоте и её трагизме. Как ужасно, что я почувствовала глубокую связь с ними только тогда, когда они умерли!

Согласно еврейской традиции, мы живём в сердцах других и в жизни своего народа. Но что это реально значит?

Господи, помоги мне поверить в то, что мои родители пребывают с Тобой. Дай мне понять, что это значит.

15 апреля 1978

Между моими словами и той тяжестью, что я чувствую, лежит глубокая пропасть, но истина больше моих чувств. Чувства никогда не бывают истинными или ложными, они просто есть. Я их принимаю, но не могу строить жизнь на их основе. Вместо этого я полагаюсь на знание о том, что Бог совершил в моей жизни, на подлинность тех моментов, когда Дух говорил в моём сердце. На знание: только у Него есть слова истины и жизни — и это снова и снова позволяет мне идти вперёд. И я стою в настоящем.

2 мая 1978

За воскресной вечерней я тихо зывала из глубины своих сомнений, бессилия и тоски:

— *Господи, чего Ты хочешь от меня?*

— *Я хочу, чтобы Ты уступила. Просто передай себя в Мои руки. Верь Мне.*

Его слова реальнее, чем мои эмоциональные бури, глубже моей тоски, глубже моих вопросов. Подобно Иову, я чувствую, что ко мне прикоснулся живой Бог.

27 мая 1978

Вновь и вновь я возвращаюсь мыслями к своему изначальному призванию, которое могла бы сформулировать так: *«Тебе нужно сделать лишь одно: найди место, где ты можешь услышать, как Я говорю. Это, может быть, непросто в нашем мире, но именно это надо выбрать, если ты хочешь, чтоб Я вошёл в твою жизнь. Дважды дорогами не ходят, Мириам. А ты пытаешься одновременно делать слишком много разных вещей. Если хочешь быть со Мною, найди такое место, где ты сможешь Меня услышать, оставайся там и слушай».*

Он не ответил на мои вопросы, не разрешил мои сомнения и не сделал того, что я просила. Он только сказал: *«Верь мне».*

Моё обращение в христианство было не из иудаизма, но из секулярного гуманизма. И теперь, когда я начинаю видеть в иудаизме мои глубокие корни, как я могу держаться за эту традицию, сохраняя верность тому, что Бог говорил мне эти последние девять лет? Ответы на это, я даю мне даст опыт слабости, эгоизма и нужды в спасении.

В нашем сломанном мире иудаизм тоже нуждается в спасении.

Не надо превращать скорбь о смерти моих родителей в удобный образ загробной жизни. Я начинаю понимать, что для них не всё закончилось, что, несмотря на боль и страдания, переполнявшие их жизнь и сгубившие их последние годы, они не потерпели окончательного поражения. Их смелость, любовь и настоящая доброта имеют непреходящее значение. Вот как на данный момент я понимаю воскресение.

В псалмах и во всём еврейском опыте живая память о деяниях Бога в прошлом становится основой для веры в настоящем. Это вопрос не о возвращении к иудаизму, но о движении вперёд — всегда таинственном — в нынешний момент, вместе с Богом.

16 июля 1978

Минувшей ночью мне явилась мать. Это не было сном или неким опытом. Её образ возник в моём сознании, и я позволила своему воображению его достроить. Это был очень ясный и нежный образ. Мама чувствовала себя хорошо, на её лице не было следов мучений от болезни. Её голос был полон любви и заботы, и она сказала, чтобы я не горевала о ней и об отце:

— Милая, тебе не надо беспокоиться о нас. Мы хотим, чтобы ты жила своей жизнью.

Я знаю, что она действительно всегда желала именно этого для меня и моей сестры. Это отражало её величие, так она стремилась жить. Иногда,

как все мы, она сдавалась перед лицом своей слабости и своих нужд, но именно это было основой её любви.

Она как будто просила меня отпустить отца и её, чтобы я строила свою жизнь, независимо от их болезни и смерти, на тех истинах, которые узнала. Вот чего они желали.

«Оставь отца, мать, брата и сестру и приходи и следуй за Мной» (ср. Мф. 19:21, 29).

18 августа 1978

На следующей неделе исполнится годовщина со дня смерти мамы. Еврейская традиция предписывает одиннадцать месяцев скорби. Я не стремилась ни горевать, ни освободиться от тоски, но, кажется, и то и другое случилось со мной.

За этот год я многому научилась. Я обрела новую связь с моей семьёй и общиной и с еврейской историей и понимаю, что за этим стоит желание Бога, чтобы я вернула всё это Ему. Я долго не могла это принять. А теперь, совершенно спокойно, я это отпускаю, не смягчая напряжённости и не пытаюсь разрешить конфликты, но следуя за живым Богом каждый день, снова и снова.

Франция

Я провела ещё два года в Гравелбурге, а затем, осенью 1980 года, меня перевели в Оттаву. А весной Екатерина объявила, что у нас открывается новая миссия в Авиньоне, на юге Франции. Тереза Дэвис (та самая, что тепло приветствовала меня в мой первый приезд в Комбермер) уже отбыла туда, а затем к ней должны были присоединиться мы с Режанной Жорж.

За несколько месяцев до того Екатерина повстречалась с только что назначенным парижским архиепископом еврейского происхождения Жаном-Мари Люстижье. Ещё до этой встречи она видела сон о епископе-еврее, и когда она посетила Люстижье в Париже, «их души встретились», как это позже

описывал отец Бриер. Она могла понять, что Люстижье страдает, поскольку его назначение вызвало споры. «Для меня, — сказал он в одном интервью, — это было как если бы на распятии неожиданно появилась жёлтая звезда». Он просил Екатерину молиться о нём и его священниках.

То, что Люстижье был поставлен парижским архиепископом и что он через Екатерину был связан с «Домом Мадонны», было для меня важным знаком: я отправлюсь во Францию не просто потому, что мечтала жить в Европе. Я ощущала глубокое родство с ним и знала, что должна постоянно о нём молиться.

Однажды ночью в Комбермере незадолго до своего отъезда я долго не могла заснуть и уселась с книгой в углу спальни, где горел ночник. Джин Фокс, которой тоже не спалось, остановилась возле меня.

— Ну вот, Мириам, — сказала она. — Ты многое поняла в Гравелбурге и Оттаве и готова двинуться дальше. Да будет с тобою мир. Ты верна тому, о чём Бог тебя просил. Езжай в Париж и помоги владыке. Поддержи его сердцем, любовью, молитвой. Не обязательно быть рядом с ним. Но оставайся верной и в мире будь.

С того дня, как мы с Режанной прибыли в Париж, я стала постоянно встречать христиан-евреев и христиан, интересующихся еврейскими корнями христианства, хотя не прикладывала к этому никаких усилий. Раны холокоста в Европе ещё не зажили, и когда я встречала евреев, переживших эту трагедию, я видела, что в них живёт страх новых гонений. Впервые в жизни я поняла, насколько безопасной и защищённой была моя жизнь в Америке по сравнению с жизнью еврея в Европе.

Перед отъездом в Авиньон мы с Режанной посетили частную мессу, которую архиепископ Люстижье служил в своём доме. Я сгорала от нетерпения, когда мы добирались до этого места. Никогда прежде я не встречала христианина-еврея, столь убеждённого в своём призвании, как Жан-Мари Люстижье. Я уже знала — он говорил об этом, когда его назначили парижским архиепископом, — что он видит в своём крещении полноту еврейской традиции, а не разрыв с ней.

Когда мы прибыли в дом архиепископа, нас попросили подождать, пока он закончит беседу с журналистами. Наконец владыка вышел к нам и тепло нас поприветствовал. Упомянул о своей встрече с Екатериной и извинился за то, что ему придётся отслушать мессу немедленно, потому что вскоре его ждёт ещё какое-то дело.

Мириам и кардинал Люстигье

Поздним вечером я записала в дневнике:

Не сомневаюсь, он догадался, что я еврейка, но наша встреча проходила в контексте того, что уже свершилось. Отношения нас, евреев, теперь находят выражение в христианской вере, о которой он свидетельствует миру.

Когда еврей-архиепископ поднял чашу и дискос, произнося слова молитвы: «Через Христа, со Христом и во Христе», — я внезапно поняла, что единство с домом Израилевым, которого я так жаждала, подлинное единство, о котором свидетельствует иудаизм, сильнее всего осуществляется в Евхаристии — это единство в Иисусе Христе.

Меня наполнили радость и благодарность.

В Талмуде написано: что происходит с одним евреем, происходит со всем Израилем. Моё сердце почувствовало полноту, которая должна выйти за рамки моей жизни. Таково моё призвание еврейки-христианки.

В Авиньоне я познакомилась с отцом Жаном-Мигелем Гарригесом, французским богословом испанского происхождения, которого интересовали взаимоотношения между иудаизмом и христианством. Я многому у него научилась. Его прекрасные толкования на 9–11 главы Послания к Римлянам были целебным бальзамом для моего сердца. Как он объяснял, в этих главах говорится не о «старом Израиле» и «новом Израиле», но о «едином Израиле Божьем».

В другой раз на библейском занятии, размышляя о принесении Исаака в жертву, он указал на то, что генеалогии в Писании говорят не просто о биологическом родстве — все «дети обетования» рождались у бесплодных женщин. Тут я в изумлении вспомнила, что моя бабушка со стороны матери получила развод от первого мужа, потому что тот думал, что она страдает бесплодием. Так что в каком-то смысле я тоже дитя обетования.

Отец Жан-Мигель рассматривал принесение Исаака в жертву в контексте духовного пути от веры в Божьи обетования к вере в Автора этих обетований. Аврааму было дано повеление, которое перечёркивало обетование о потомках, многочисленных «как звёзды небесные и как песок на берегу моря» (Быт. 22:17), и тогда у Авраама осталось только две возможности. Он мог отказаться выполнять повеление, сославшись на то, что Бог не может требовать таких ужасных и непонятных вещей, либо он мог рабски согласиться с тем, что в каком-то смысле противоречило самой природе Бога. Но он не сделал ни того, ни другого. Он послушался, не переставая верить в доброту и милосердие Бога и в то, что Господь сделает это непостижимое жертвоприношение источником жизни.

Я писала:

Это ответ Иова. И также ответ тех евреев, что шагали на смерть в нацистских концлагерях и пели: «Ани ма'амин»... «Я верю в приход Мессии, и даже если он медлит, я всё равно буду верить».

На мучительный вопрос: «Как можно верить в Бога милосердия и доброты после холокоста?» — можно дать такой ответ: «Не верить в Него означает уступить духовную победу Гитлеру».

Эли Визель* говорит, что еврей никогда не должен делать выбор между Богом и творением. В одной из его пьес** Авраам в ответ на непонятное молчание Бога покидает рай и присоединяется к узникам, идущим в газовые камеры. И тогда, тронутый этим актом любви, Бог начинает плакать.

Любовь к ближнему — это Божья любовь. И самое важное звено тут всегда жертва своей жизнью ради других.

* Бывший заключённый концлагеря Берген-Бельзен, автор романов и пьес, посвящённых теме холокоста.

** Я не увидела этой пьесы в списке его работ, так что, вероятно, её написал другой автор. Я никогда не могла найти эту пьесу!

«Он воскрес!»

В январе 1983 года я узнала о кармелитском монастыре, который расположен прямо у ворот бывшего концлагеря Дахау в Германии. Мысль совершить туда паломничество зажгла моё сердце. Я написала сёстрам-кармелиткам письмо с вопросом, могу ли я провести у них несколько дней Великого поста.

Я готовилась припасть к сердцевине еврейской боли. «Удастся ли мне собрать пережитое в единое целое?» — думала я. Или же это разорвёт меня на части?

Как-то раз у нас ночевала парижанка Мари-Тереза Югэ, приятельница отца Жана-Мигеля, и, когда я поделилась с ней своим замыслом, она сказала, что договорится со своими друзьями в Мюнхене, чтобы я могла остановиться у них по пути к кармелиткам и возвращаясь обратно. Не получила ответа на письмо, я решила позвонить сёстрам по телефону. Если они готовы меня принять, это знак того, что мне действительно нужно туда отправиться.

Ответ был утвердительным. Позднее их настоятельница говорила мне, что даже если бы у них не нашлось свободных мест в гостевых помещениях, они бы пригласили меня устроиться в монастыре, поскольку я из «Дома Мадонны» и еврейка.

В поезде по пути в Германию я читала речь кардинала Люстижье на встрече католиков, состоявшейся в прошедшем году в Дюссельдорфе. Ещё мальчиком он провёл два лета, 1938 и 1939 года, в Мюнхене в немецкой семье, и он описывал,

с каким волнением впервые посетил Германию вновь, уже после окончания Второй мировой войны. «Простить, — говорил он, — не значит забыть, потому что мы не в силах сделать вид, что ничего не происходило. Подлинное прощение состоит не в том, чтобы закрыть глаза на смерть, но в преображении смерти. Прощение — это победа распятого и воскресшего Иисуса, на теле которого остались раны. Но эти раны теперь обрели новый смысл, они стали знаком исцеления и спасения. Когда наши сердца обращаются к Богу, мы соединяемся с Ним и становимся участниками прощения, основанного на победе Христа, на той победе, что претворила смерть в жизнь».

Когда я размышляла об этих словах, моё напряжение ослабевало. Бог обитает и на этой земле, думала я, когда поезд ехал по Германии. Я погружаюсь не в смерть, но в познание Божьей милости и прощения.

Весной минувшего 1982 года я была на международной конференции харизматических движений в Страсбурге, на границе Франции с Германией. Там присутствовало множество немцев, и я помню свою реакцию, которая меня самоё удивила. Я оцепенела, и в голове моей вертелись подозрения и вопросы. Где вы были *тогда*? Что вы знали? Что делали? Но Бог сказал мне совершенно чётко: я тоже должна простить, я тоже должна отказаться от барьеров, которые построила история. У меня тоже есть раны, нуждающиеся в исцелении. Это может совершить только благодать. Только когда мы держимся за Бога и приносим к Его ногам наше прошлое, настоящее и будущее, может произойти подлинное исцеление. Господь преобразит нас в источники примирения.

На вокзале в Мюнхене меня встретил Альберт Курланчек, у которого я собиралась остановиться. Он привёз меня к себе домой, где я познакомилась с его женой Элизабет и пятерыми энергичными детьми. Элизабет была католичкой и членом харизматической общины «Эммануэль». Альберт — еврей из Авиньона. Его удивило, что я, американская еврейка, крещённая в Католической церкви и живущая в его родном городе, хочу посетить Дахау, чтобы прикоснуться к той катастрофе, от которой я сама была надёжно защищена.

Я, в свою очередь, тоже удивилась, узнав от Элизабет, что её молитвенная группа молится обо мне — причём это началось ещё до того, как они получили моё письмо, — по просьбе недавно крестившегося еврея из Австрии, который услышал о моём существовании от Мари-Терезы Югэ, той самой женщины, которая помогла мне связаться с этой мюнхенской семьёй.

Вечером я присоединилась к Элизабет и её друзьям, которые еженедельно устраивали молитвенное шествие по Дахау. Мы медленно двигались по лагерю и читали молитвы розария у католического мемориала, еврейского мемориала и плиты, посвящённой погибшим в лагере полякам. Молитва была простой и без претензий, и меня тронула её искренность, хотя бодрые песни, которые поют харизматики, не подходили к отвращающей обстановке.

В завершение мы собрались для поклонения Святым дарам в часовне кармелитского монастыря, расположенного в конце главной аллеи лагеря прямо у ворот. Когда я прощалась с членами молитвенной группы, я чувствовала силу их любви и заботы. Я видела, что совершаю паломничество не в полном одиночестве, и всё яснее понимала, что приехала сюда не только ради себя.

Дахау, самый первый концлагерь, построенный нацистами, использовался как образец для всех лагерей, появившихся позднее. Сюда попадали не только евреи, но и тысячи немцев, поляков, людей из других стран; среди заключённых было более двух с половиной тысяч священников. Присутствие Церкви в аду Дахау говорило мне о том, что Христос отождествил себя со всеми жертвами лагеря.

Когда на следующий день я ходила по лагерю, тучи закрыли небо. Стояла пронзительная тишина. Чисто, тихо, пусто. Старые бараки снесли, два перестроили. В музее — фотографии, описания, воспоминания, заметки заключённых. Крематорий, обсаженный кипарисами, удручал чистотой.

Я тщетно попыталась вспомнить каддиш, еврейскую молитву об усопших, и вместо этого стала вновь и вновь повторять:

— Иисусе Христе, Сын Бога Живого, помилуй меня грешную...

Казалось, только это Имя имеет власть над тем злом, которое царило здесь.

Я стояла на краю могилы, где покоился пепел тридцати шести тысяч узников. Это число, тридцать шесть тысяч, казалось более конкретным, чем шесть миллионов. Тридцать шесть тысяч разных жизней, судеб людей, которые жили, дышали, смеялись, любили — а теперь от них остался холм, поросший травой.

Я пыталась это вместить.

В тишине Дахау звенел голос ангела:

«Что ищешь живого среди мертвых? Его нет здесь. Он воскрес».

Вечером того же дня на мессе в кармелитском монастыре, получив причастие, я долго стояла на коленях. Всё моё существо трепетало. Принять Тело Христа значит принять *всех* тех, за кого Он умер. И палачей, и их жертвы.

«Во Христе нет больше ни эллина, ни иудея», — и сама я тоже грешница, нуждающаяся в милости Божьей.

Глава третья

Рая и Володя

Русский узел

Екатерина никогда не могла объяснить, почему она решила закрыть наш дом в Авиньоне через два с половиной года после его открытия. Вряд ли это связано с ростом напряжения в Европе, когда и Советский Союз, и НАТО начали размещать ядерные ракеты по обе стороны границы между Чехословакией и Германией; скорее, Екатерина повиновалась глубинной интуиции, которую не могла выразить словами.

Я не могла этого понять и переживала потерю. Мне нравился наш дом, нравилась наша жизнь в Авиньоне и Европа. Я как будто бы передавала собственного ребёнка в чужие руки.

— Мириам, помни, важно не обетование, но Бог обетования, — говорил мне отец Жан-Мигель.

Его слова наполнились смыслом однажды светлым вечером 1985 года в Комбермере, когда нам объявили, что кардинал Люстижье предложил «Дому Мадонны» открыть свою миссию в Париже — дом, в котором члены общины будут молиться и слушать. Он выделил нам две квартиры в приходском доме в одном из старейших кварталов города, и первыми туда должны были отправиться я и Режанна Жорж.

С самых первых дней в Париже мы поняли, что «Дом Мадонны» должен подарить Франции именно духовность «пустыни». Люди всё время говорили нам, что счастливы найти в самом центре города место уединения и молитвы. Наши три комнаты для «пустыни» почти непрерывно использовались по назначению, и гости ценили нашу открытость и готовность принимать людей.

Как это обычно бывает в «Доме Мадонны», обитатели миссии менялись. В 1988 году проблемы со здоровьем вынудили Режанну вернуться в Комбермер, и я была назначена главой дома. Летом 1991 года моя сотрудница, с которой вместе мы провели несколько лет, получила новое назначение, и ей на смену должна была приехать Тереза Рейландер.

В ожидании Терезы я решила навести порядок в наших помещениях. С утра до вечера, лишь с перерывом на мессу и на то, чтобы быстро перекусить, я чистила вещи, перекладывала их, сортировала, раздавала или выбрасывала ненужное. В доме было тихо. Никто не жил в нашей «пустыне» на этой неделе и не было гостей, разве что изредка звонил телефон. Мне было приятно заниматься физической работой и ещё приятнее видеть, как в доме возникает порядок.

Устроившись на кухонной стойке, я мыла стены. Поверхность стены надо мной была гораздо темнее, но потолки у нас были такими высокими, что мне понадобилась бы лестница повыше, чтобы вымыть верхнюю часть стены.

«Нам придётся заново покрасить все стены», — думала я, но для осуществления этого замысла у меня не хватит умений.

И тут зазвонил телефон. Я осторожно слезла со стойки и взяла трубку. Глубокий мужской голос с лёгким акцентом сказал по-английски:

— Меня зовут Владимир. Я из России. Мне рассказали о вас в Тэзе, и мы с женой хотели бы вас навестить.

— Прекрасно, — ответила я, стараясь прикинуть, когда это будет удобно. Сегодня вторник, я закончу уборку за пару дней. — Приходите на ужин в пятницу, хорошо?

Я почти не обратила внимания на то, что мой собеседник какое-то время помолчал.

— Хорошо. Мы придём в пятницу.

Я объяснила ему, как нас найти, и повесила трубку.

Я привыкла к образу жизни парижан, которые планируют все свои мероприятия заранее, и потому не задумываясь отложила нашу встречу. Я не знала, что в России в таких случаях обычно говорят: «Конечно, приезжайте прямо сейчас!» — или хотя бы: «Давайте увидимся завтра». Я не знала и того, что Владимир Ерохин со своей женой Раисой только что приехали из

Рая и Володя в Доме Мадонны в Париже.

Тэзе, экуменической общины на востоке Франции, которую летом посещают тысячи молодых людей, и звонили мне прямо с вокзала. Они знали про нас только то, что в Париже существует община, основанная русской женщиной. Они думали, что у нас нечто вроде женского монастыря, а при монастырях обычно бывают помещения для гостей.

Не ведая того, что я совершила ошибку, я с удовольствием закончила уборку и приготовила для моих гостей ужин — сочетание парижской роскоши с простотой «Дома Мадонны». Я сварила суп из того, что у нас оставалось, сделала салат и даже купила несколько сортов сыра и выложила их на блюдо. Для десерта у меня были сладости, подаренные нам группой святого Винсента де Поля, которая собиралась в приходском доме по средам. В честь гостей я поставила на стол бутылку красного вина.

Рая и Володя, как я привыкла их называть, были привлекательной парой, примерно моего возраста. Позже они признались, что их поразил вид женщины на высоких каблуках и с серьгами, которая сбегала вниз по лестнице, чтобы с ними поздороваться. Очевидно, это было совсем непохоже на православный монастырь!

Мои кулинарные способности так и не были оценены по заслугам. Нам хотелось сказать друг другу так много, что мы почти не обращали внимания на еду. И нам было трудно остановиться, чтобы сменить тарелки и подать очередное блюдо.

Володя, бегло говорящий по-английски, быстро переводил разговор для своей жены. Они жили в Москве, у Раи была взрослая дочь от прежнего брака, которая жила в Израиле. Рая была рада узнать, что я еврейка, как и она сама. Володя — журналист и музыкант, Рая — художник, и они занимались маленьким христианским издательством и руководили театральной труппой.

Оба они были духовными детьми отца Александра Меня — выдающегося православного священника еврейского происхождения, о зверском убийстве которого минувшей осенью подробно рассказывала французская католическая пресса. Жизнь Ерохиных запечатлела след живой веры отца Александра.

Я рассказала им о нашей общине, о жизни Екатерины, о пустыне и о нашей миссии в Париже. Хотя Володя переводил мои слова с английского на русский, на глубинном уровне мы как бы говорили на одном всем знакомом языке. Все мы это чувствовали.

Бог послал этих русских в «Дом Мадонны». Куда это нас приведёт?

В течение нескольких последующих недель наша дружба становилась глубже. Рая совершила суточную «пустыню», и мы много раз встречались. Они рассказывали о своей жизни, о своих проблемах и необходимых решениях. Это было удивительное общение. Однажды, я услышала, как Рая говорит мужу:

— Я бы так хотела общаться с Мириам напрямую.

Я купила самоучитель русского для начинающих и попыталась понять, смогу ли я с ним справиться. Когда я робко упомянула об этом Ерохиным, то увидела, что они были этим тронуты и относятся к моей попытке с глубокой симпатией.

Они рассказали, что в их московской квартире всегда толпятся друзья и участники театральной труппы, и Рая устаёт от постоянных посещений. Я была рада предложить им тишину и покой, которыми славится наш дом.

Обычно мы старались не знакомить друг с другом разных посетителей, поскольку многие люди приходили к нам со своими проблемами, а отнюдь не для того, чтобы расширить круг своего общения. Но как-то в субботу днём у нас всё перемешалось. Ерохины пришли в назначенное время, но едва они успели войти, как кто-то ещё постучался в дверь кухни. К сча-

стью, неделю тому назад из Канады приехала Тереза Рейландер, которая и взяла на себя этих гостей. Тереза пошла с ними в гостиную, а мы расположились на кухне. Но через пятнадцать минут появились ещё двое новых гостей, причём одна из них была христианкой еврейского происхождения, которая родилась в России, а затем переехала в Израиль. Вскоре завязалась оживлённая беседа.

Когда остались только мы с Терезой и Рая с Володей, я извинилась перед ними за суматоху:

— У вас такая напряжённая жизнь, вы оба переутомлены, и я хотела, чтобы тут ваши сердца могли отдохнуть, — сказала я им. — Я не хотела запарить вас на кухне.

— Но это же было прекрасно, — возразили они.

— В России наша жизнь происходит главным образом на кухне, — объяснил мне Володя. — Сюда мы приглашаем самых близких друзей. Жизнь в России — это всегда люди и шум. Так уж мы живём. И кухня позволяет нам непринуждённое общаться с тобой.

На нашей кухне у двух стен находилась стойка, заменявшая стол, и там были неудобные высокие сиденья, как в баре. Для меня это несколько не походило на домашний уют, но я была рада, что Володе тут понравилось.

Ерохины напряжённо думали о том, что им делать дальше. Семья Раи жила в Израиле, и её дочь мечтала, чтобы Рая переехала к ней. Если бы они захотели туда переселиться, им бы в этом помогли еврейские организации, но Володя сомневался, что он, русский, сможет существовать вне своей культуры.

Ситуация казалась запутанной, и мы не задавали слишком много вопросов. Одним из вариантов для них было расстаться —

Тереза и Мириам в Париже

по меньшей мере, на какое-то время. Срок действия их французских виз уже истёк, так что если Володя намеревался вернуться в Москву, ему надо было сделать это как можно быстрее. В то же время, если Рая хотела отправиться в Израиль, ей нужно было провести ещё пару недель в Париже, чтобы оформить необходимые документы. Поскольку она не владела нужными языками, нам с Терезой казалось, что ей нельзя оставаться в Париже одной.

В нашей парижской миссии существовало одно принципиальное правило: никакие гости, за исключением «пустынников» или приехавших нас навестить членов «Дома Мадонны», не должны у нас ночевать. Режанна с самого начала настаивала на соблюдении этого правила, которое позволяет нам сохранить дух «пустыни» — который так легко потерять, если тебя отвлекают.

Но в этот раз мы с Терезой почувствовали, что Бог призывает нас отступить от правила. И дело не только в том, что Рае будет хорошо у нас, но и в том, что наша крепнущая связь с ней и Володей была для чего-то важна, хотя я ещё и не могла этого объяснить. Я понимала, что это как-то связано с Екатериной. Посоветовавшись с Джин Фокс, настоятельницей «Дома Мадонны»*,

* Екатерина скончалась 14 декабря 1985 года, вскоре после чего настоятельницей была избрана Джин Фокс, которая занимала эту должность три с половиной срока до своей смерти в 2004 году.

мы пригласили Раю погостить у нас после отъезда Володи и до начала августа, когда мы сами должны были разъехаться на каникулы.

И вот в одно воскресное утро в середине июля мы с Терезой и Раей проводжали Володю на вокзал Гар-дю-Нор. Мы несли пишущую машинку с русским шрифтом, саксофон, скрипку, синтезатор и небольшую сумку с одеждой. Когда Володя уехал, мы вернулись в «Дом Мадонны».

На протяжении последующих десяти дней наша дружба становилась всё глубже. Мы общались на смеси английского и русского, постоянно заглядывая в словарь. Но прежде всего мы пользовались языком сердец. Поскольку мы могли говорить только о самом существенном, мы стали простыми, как дети.

Нам повезло, что Рая играла в театре. Мы умирали со смеху, когда она с помощью пантомимы рассказывала нам о своих посещениях еврейского агентства, где один из служащих проявил к ней интерес, выходящий за рамки его обязанностей.

А как-то вечером к нам на обед пришёл французский гость, который принёс с собой сыры разных сортов. Мы объясняли Рае особенности каждого сыра таким образом: «бе-е-е-е» означало, что сыр сделан из овечьего молока, «му-у-у» — из коровьего, а носовое «ме-е-е» — из козьего. Посмотрев на себя, четырёх взрослых за тридцать или за сорок, мы чуть не лопнули со смеху.

Разумеется, мы не понимали некоторых вещей из-за различия культур. Рая провела несколько дней в загородном доме одной нашей подруги и вернулась с сумкой, полной одежды, которой она хотела поделиться с нами.

— Это подарки! — сказала она.

— Нет, нет, это для тебя, — отвечали мы.

С помощью словаря я пыталась объяснить Рае, что мы принесли обет бедности и стараемся не иметь дома вещей, которыми не пользуемся. Но она нас не понимала. Увидев, что её лицо помрачнело, я осознала свою ошибку. Она принимала наше гостеприимство, и ей тоже хотелось чем-то поделиться с нами. Я пыталась как-то загладить свою вину, но видела, что уже причинила боль.

Однако это событие кое-чему меня научило, и потому, когда Рая предлагала свою помощь по дому, я мудро на это соглашалась. Я видела, с какой скоростью и ловкостью Рая чистит и режет овощи или легко справляется с глаженьем горы белья. Мы с Терезой пересмотрели наши представления о ней. Да, она не говорит на иностранном языке, но когда она в своей среде, её никак не назовёшь беспомощной!

Мы с Раей пошли на Рю де Розье — старинный еврейский квартал Парижа, неподалёку от нашего дома, но я не увидела той реакции, которую ожидала.

— Я еврейка, но душа моя русская, — сказала мне Рая.

Позже я поняла, что, как русские в целом утратили связь со своим духовным наследием, так и большинство русских евреев, хотя и помнили о своей национальности, мало что знали об иудейской вере.

В день Раиного отъезда я проводила её в аэропорт Орли, откуда она должна была лететь в Тель-Авив. Была середина августа, и там было очень тесно. Рая старалась меня не потерять и всё время повторяла:

— Я так рада, что ты со мной.

Когда мы сдали багаж, к Рае подошла служительница израильской авиакомпании, чтобы задать ряд формальных вопросов.

— Вы её переводчица? — спросила она меня. Я кивнула.

— Спросите у неё, сама ли она паковала свой багаж или ей кто-то помогал.

Я обернулась к Рае.

— Ты — чемодан, — начала я говорить на убогом русском. Жестами я изобразила, как пакуют багаж, указала на себя, отрицательно покачала головой и состроила рожу.

Рая прекрасно поняла, что я имела в виду, но служительница, увидев, что я вовсе не переводчик, повела Раю к профессионалам. После её возвращения у нас осталось всего несколько минут на кофе до того, как на её рейс объявили посадку.

Нам было нелегко расстаться.

При одобрении Джин я продолжала изучать русский всю осень и зиму. Я и не подозревала, как мне будет трудно, но этот язык притягивал меня, словно наркотик. Мне всё время хотелось знать больше и больше.

Рая написала мне одно письмо из Израиля, а другое уже из Москвы, куда она вернулась в январе. Когда я говорила с ними по телефону, Володя снова пригласил меня в гости.

На встрече ответственных «Дома Мадонны» я попросила у Джин разрешения провести мои летние каникулы в Москве с Ерохиными. Моё путешествие должно было стать паломничеством к корням «Дома Мадонны», к корням Екатерины.

Хотя один приятель, который несколько раз был в Москве, сомневался в том, что туда разумно ехать поездом, помолвившись, я решила, что если поеду туда вообще, то поеду по железной дороге. Мне хотелось почувствовать землю, Европейский континент, пространство России. Я также ощущала, что это будет путешествием к бедности, быть может, моей собственной.

Джин благословила мою поездку.

«Это Россия!»

Понедельник 3 августа 1992 – Отправление поезда из Парижа

Тереза проводила меня на вокзал Гар-дю-Нор. Мой багаж состоял из сумки с моими вещами, второй огромной сумки с подарками и нужными вещами для Ерохиных и сумкой с едой на время поездки в поезде. Ко мне подошла молодая женщина и попросила доставить какой-то пакет в Москву, сказав, что у поезда меня встретит её мать. Поскольку при посылке почтой вещи регулярно пропадают, это, похоже, было обычным путём доставки. Я согласилась.

И вот поезд трогается — я на пути к Москве!

Моё купе с тремя спальными местами достаточно удобно. Я буду тут одна до Варшавы, куда мы приедем завтра днём. В вагоне довольно дружелюбный климат. В соседнем купе едут две девятнадцатилетние девушки: француженка Элен и Катя, которая побывала у подруги в Париже, а теперь будет принимать её у себя в Москве. Похоже, почти все французы в нашем вагоне уже побывали в России. Двое проводников в вагоне говорят только по-русски.

Вторник 4 августа 1992 – Поезд

Приятный сюрприз: утром один из проводников предложил мне чаю. Его подают в стаканах в серебряных подстаканниках вроде тех, что есть у нас в Комбермере.

В Варшаве мы стояли один час. Там на перроне продают еду и напитки, и поскольку у меня не было польской валюты, я спросила одну из продавщиц, нельзя ли с ней расплатиться долларами или франками. Она сказала, что нельзя, поскольку она не знает обменного курса. Я продолжала её упрашивать, и она открыла бутылку лимонада и протянула мне, показав, что не хочет брать с меня денег. Думаю, это объясняется тем, что на моей груди висел большой крест «Дома Мадонны».

На перроне было множество русских, нагруженных набитыми потёртыми сумками и рюкзаками. Катя объяснила, что они покупают товары в Варшаве и продают их в России. Это новый капитализм. Похоже, ей это не слишком симпатично.

Наш вагон наполнился народом. Со мной в купе оказались Вика, которой на вид можно было дать тридцать с небольшим

лет, со своей восьмилетней дочкой Мариной. Вика работает врачом. Я делюсь с ними едой, и Вика решительно говорит, что заплатит за мой чай. Завтра, когда мы будем расставаться, я отдам ей остатки моей колбасы, которая ей так понравилась, и маленькие флакончики с духами, которые я везу в качестве подарков.

После пересечения границы между Польшей и Белоруссией мы останавливаемся в Минске на три часа, здесь поездам меняют колёса, поскольку в России расстояние между рельсами больше. Катя поняла, что срок прибытия поезда, о котором ей сообщили в Париже, соответствует французскому, а не московскому времени. Ей нужно позвонить домой, и она предложила позвонить также Рае и Володе от моего имени. Оказывается, это совсем не так просто. Во-первых, надо найти работающий телефон. Затем – приобрести телефонные жетоны у мрачного служащего, который, похоже, считает, что следует ограничить количество жетонов, выданных в одни руки. Я пытаюсь помочь ей и добиваюсь успеха – как говорит Катя, с иностранцами всегда обращаются вежливее. Поскольку сеанс связи длится только тридцать секунд, Кате приходится звонить пять раз и кричать в трубку, чтобы передать семье нужные сведения. Ей удаётся моментально дозвониться до Раи.

Мы ждём часа два на платформе, ожидая, когда подадут наш поезд. Катя пытается скрыть своё беспокойство: она не уверена, что мы найдём нужное место. Станция выглядит бедно, но достаточно чисто, на ней очень много людей с вещами. Старые женщины моют её тяжёлыми швабрами. Постепенно люди из нашего вагона собираются в кучку, и когда появляется поезд, мы бежим искать наш вагон. В Париже поезд вёз лишь два вагона до Москвы, но в Варшаве к нему прицепили вагоны со всей Европы, так что поезд стал очень длинным. Теперь я понимаю, почему Володя спрашивал по телефону о номере моего вагона.

Среда 5 августа 1992 – Прибытие в Москву

Когда я проснулась утром, мы были уже в России! Или, может быть, в Белоруссии: никто не мог мне сказать точно. Это неважно. Весь день я стояла в проходе, глядя в окно. Берёзы... сосны... деревянные дома. Пейзажи тут отличались от того, что я видела раньше. В них не было плавных линий и холмов, как во

Франции, или живописности Германии. От пространства не веяло уютом. Оно казалось бесконечным. За весь день я увидела всего лишь одну-две церкви. Думаю, до революции они были в каждой деревне.

В два тридцать мы оказались в пригороде Москвы, а затем неожиданно прибыли на вокзал! Как я вытащу свой багаж из поезда? Я жду, пока выйдет большинство пассажиров, но, к моему ужасу, в вагон тут же забираются новые. Внезапно, с большой радостью и чувством облегчения, я увидела Володю у двери моего купе.

Он сразу берёт дело в свои руки. Он не позволяет мне ничего нести. Взвалив мои тяжёлые сумки на плечи, он берёт ручную кладь в одну руку, а другой держит меня, и мы протискиваемся к выходу на платформу. Там меня ждёт женщина, дочь которой передала для неё пакет. Я его вручаю, она благодарит меня и уходит. Я боюсь глядеть по сторонам, чтобы не потерять Володю в толпе. Мы пробираемся к метро. Люди, люди, повсюду множество людей. В отличие от парижского метро, московское гораздо чище. Поезд так сильно шумит, что разговаривать почти невозможно, и мы с Володей только обмениваемся улыбками.

Ерохины живут на втором этаже пятиэтажного кирпичного многоквартирного дома, расположенного на северо-востоке Москвы. Их прихожая украшена афишами, в том числе афишами их театра. У них довольно большая кухня, крошечная ванная с раковиной, газовой колонкой и полуавтоматической стиральной машиной, туалет и две комнаты.

В большой комнате стоят книжные полки до самого потолка, софа, большой деревянный стол, кресла, заваленные книгами и бумагами, кабинетный рояль, большой синтезатор и различные другие музыкальные инструменты. Стены завешаны картинами. Вторая комната, где я буду спать, принадлежала Раиной дочери Яне. В ней на стенах и в шкафах много театрального реквизита: маски, скипетр, короны и даже небольшой трон. Везде книги, фотографии, картины и ощущение тёплой и богатой культурной жизни.

В эту квартиру постоянно приходят многочисленные друзья Раи и Володи, члены театральной труппы, а также те, кто собрался в автобусную поездку в Тэзе.

Все собираются на кухне, и я вспоминаю слова Володи, сказанные в Париже, о том, что в России жизнь происходит главным образом на кухне. Её только что покрасили к моему приезду. Я вижу места, где, очевидно, слой жёлтой краски недостаточно плотный, но они с гордостью говорят мне, что теперь кухня стала гораздо светлее. На подоконнике стоят горшки с цветами, на стенах деревянные доски в русском стиле, расписанные подругой Раи.

Меня спрашивают, хочу ли я есть, и я отвечаю «нет», думая, что пять часов вечера — это слишком рано для ужина. Но я быстро понимаю, что это был риторический вопрос — в России садятся за стол в любое время, и трапеза становится празднованием встречи. Мы едим картошку с постным маслом, чёрный хлеб, сыр, помидоры и огурцы со свежим укропом и кинзой. После этого Рая подала нам фрукты и печенье с чаем: очень крепкую заварку наливали в чашки, добавляя к ней кипяток.

Мы говорили по-русски! Я тренировалась заранее целый месяц, так что мне удалось выразить мои мысли и я догадалась, что мне на них ответили.

Вечером я пошла вместе с ними в школьный гимнастический зал, где собралась театральная труппа и те, кто через две недели должны были отправиться в Тэзе. Театр Раи затем поедет в Германию, где покажет спектакль о Страстях Христовых.

Я планировала вернуться во Францию вместе с ними на автобусе.

В зале на матах сидело около сорока человек. Они поставили принесённую икону и зажгли свечу. Мы произносили православные молитвы, читали Евангелие, пели православные песнопения и рефрены Тэзе. Я не могла поверить тому, что вижу! И я ещё сильнее удивилась, когда Володя представил меня и предложил мне рассказать о «Доме Мадонны» — по-русски! Я смело начала говорить, а потом, поняв, насколько смешно это выглядит — в конце концов, я пробыла в Москве только три часа! — попросила Володю переводить. Кратко рассказав о жизни Екатерины, я смогла добавить по-русски и от всего сердца:

— Я так счастлива быть вместе с вами.

Четверг 6 августа 1992

Выйдя на кухню в самое первое моё утро в Москве, я сердечно приветствовала Володю по-русски, сказав ему:

— Добрый вечер.

Ни тени удивления не промелькнуло на его лице. Он вежливо ответил:

— Доброе утро, Мириам.

Мы с Раей пошли в центр города. Когда мы подходили к Красной площади, меня поразило огромное количество торговцев, которые продавали все воображимые товары по невозможным ценам. Это русский капитализм — совершенно новый стиль жизни, который неожиданно возник как бы ниоткуда и всё собой заполнил.

Город, включая Красную площадь, вовсе не производил угнетающего впечатления. Перед мавзолеем стояла очередь, желавших подойти к набальзамированному телу Ленина, причём в основном она состояла из иностранных туристов. Рая тихо сказала:

— Когда тело Ленина предадут земле, может быть тогда что-то изменится в России.

Я не ждала каких-то духовных переживаний в мой первый московский день, и тем более — на Красной площади. Мы подошли к собору Василия Блаженного — это фантастическая круговая раскрашенная перепутанная башенка. Он был построен не для общественных богослужений, а для царской семьи. По сторонам его центрального иконостаса были воздвигнуты многочисленные часовни.

Собор реставрировали. Его наполняла цементная пыль и разные строительные материалы. Я внезапно застыла перед древним иконостасом. Впервые в жизни я поняла, что иконы действительно «присутствуют». Передо мной были Спаситель и Богородица — вполне зримо и реально. Я заплакала. В этом храме, который семьдесят лет использовался как музей, на площади, символизировавшей советскую власть, Бог не просто присутствует сейчас, но был здесь всегда! Он никогда не покидал Своей страны. Из церкви можно было сделать музей, но Бог снова превращал музей в храм. Человек не может убить Бога. Он не может упразднить Бога. Такова сила Его Воскресения.

Не то же ли самое всегда пыталась сказать нам Екатерина? Не потому ли она так гневалась, когда кто-нибудь заводил речь об «обращении» России?

Мне хотелось воскликнуть: «Наконец-то я поняла! Бог тут, Он тут есть, был и всегда будет!»

Мне нужно было поменять деньги, и потому мы отправились в большую гостиницу для иностранцев. У входа Рая спросила охранника в униформе, куда нам нужно идти, и в ответ тот лишь окинул её равнодушным взглядом. Тогда с ним заговорила я, и мне, иностранке, он всё вежливо объяснил, а я сделала вид, что всё понимаю. Когда мы подошли к нужному входу, другой охранник не хотел нас впускать. Тогда Рая сделала нечто такое, что было ей — как она объяснила позже — совершенно несвойственно. Она уверенно посмотрела охраннику прямо в глаза. Её бесстрашие как бы пробило брешь в панцире его власти, и он пропустил нас.

Я поменяла двадцать американских долларов. За один доллар давали сто семьдесят рублей, так что я получила эквивалент Володиного месячного заработка. Казалось, эти деньги прожгут мой кошелёк. Мой ум не вмещал этого несоответствия.

Нас пригласила на обед Володина сестра Оля. Её муж, психолог, в то время был на какой-то встрече в Риге. Я познакомилась с девятилетней Олиной дочерью Катей, там были также молодая американская протестантка-миссионерка, которая уже уезжала из Москвы, и очаровательная маленькая женщина неопределенного возраста Соня. Еда была простой: рис, хлеб, сыр, огурцы и помидоры. Мы сидели на шаткой софе и разнокалиберных стульях вокруг небольшого стола на переполненной кухне. Я почти не понимала смысла разговоров, но была счастлива просто тут сидеть и наслаждаться теплом общения. Мне казалось, что я уже провела в России целый год!

Мы вернулись домой в одиннадцать вечера, и в квартире всё время звонил телефон. В течение последующих двух часов Рая отвечала на звонки. Она организатор предстоящего путешествия, которое порождало бесконечные проблемы и сложности. Она объяснила мне:

— В России всё сложно. Теперь ты понимаешь, почему мы такие измотанные.

Пятница 7 августа 1992

Мы рано вышли из дома, три часа ехали на электричке до Твери, чтобы провести выходные у Володиной матери Лилии Степановны. Это дало мне возможность увидеть сельскую местность и старинный русский город, некогда бывший культурным центром, где ещё сохранились старые деревянные дома.

Мы так спешили, что забыли захватить продукты, которые намеревались отвезти в Тверь. Володе пришлось за ними возвратиться и приехать на другой электричке. На вокзале мы встретились с Володиной сестрой Олей с дочерью. Вагон был переполнен. Первый час нам пришлось стоять. Мы говорили об иудаизме и иудео-христианстве. Олю, которая прекрасно говорит по-английски, эта тема живо интересовала. Она рассказала мне о нескольких христианских французских харизматических общинах в Москве. Среди них — представители общины «Беатитюд», которые использовали некоторые иудейские традиции и посещали православный приход.

Размеренный ритм Твери после переполненной и суматошной Москвы наполнял покоем. Я думала, что мне запрещено выезжать за пределы столицы без официального разрешения дальше, чем на сорок пять километров, но меня успокоили: сейчас это никого не интересует. Кроме того, давая визу, мне сказали, что я обязана в течение двадцати четырёх часов после прибытия зарегистрироваться, но мои хозяева над этим смеялись и просили меня не волноваться. Они объяснили мне, что ни до революции, ни после русские никогда не обращали внимания на законы. Они стараются обойти все законы, какие можно.

Лилии Степановне шестьдесят шесть лет, раньше она работала на хлебозаводе. Сейчас она на пенсии, но продолжает работать в охране в здании архива рядом с домом. Я узнала, что семья Володи в прошлом жила в Тамбовской области, где у родителей Екатерины когда-то было имение. Но к моменту рождения Лилии Степановны в 1926 году Кольшкины уже покинули Россию, так что эта фамилия ей ничего не говорила.

На обед нам подали типично русскую еду: капусту, помидоры, салат с яйцом, пироги, блины и солёную рыбу. Во Франции одно блюдо строго следует за следующим, а тут на столе

были одновременно разные блюда в изобилии — мне нравились эти щедрость и непринуждённость. Нам подали особую водку, которую каждый выпивал сразу одним большим глотком. Среди разных сладостей была одна из чистого сахара — кусок можно засунуть в рот и цедить через неё чай (разумеется, чай тут пили всегда).

Волея, Оля и Катя пошли купаться в Волге, которая протекала в пяти минутах от дома, а мы с Раей отправились на прогулку. Мы говорили и говорили. Несмотря на мой бедный словарный запас, мы с Раей всегда понимали друг друга. Когда мы вернулись домой, Лилия Степановна ушла на работу. Мы поели и снова пошли гулять.

Оля рассказала мне о своём обращении пятнадцать лет назад, когда ей было двадцать три. Она увидела репродукцию одной иконы и почувствовала, что за ней кроется какая-то реальность. Она начала читать Библию. Волея, который уже крестился за полгода до того, привёз её к отцу Александру Меню. Оля рассказывала, как в сумерках к отцу Александру приезжали на электричке из Москвы студенты. Они шли независимо друг от друга — максимум по двое, — чтобы не привлекать лишнего внимания жителей деревни, и тихо протискивались в дверь церкви. На выходных они с Володиёй приезжали петь в хоре.

В день, когда был убит отец Александр, им казалось, что жизнь кончилась. Оля с мужем собрали песок, пропитанный кровью священника.

Она рассказывала, как приходила в Третьяковскую галерею с блокнотом для набросков, чтобы тайно помолиться перед иконой Владимирской Божьей Матери. Каждый раз, когда в зал входила группа школьников с экскурсоводом, она отходила от иконы и делала вид, что делает наброски. Многие христиане поступали примерно так же. Однажды она, к своему изумлению, увидела, как кто-то незаметно целует Владимирскую. Сегодня в обновлённой Третьяковской галерее эта икона защищена стеклом, но перед ней всегда стоит ваза со свежими цветами.

Возможность говорить с Олей и Володиёй по-английски приносила мне облегчение. Меня обескураживало то, что я так мало понимала по-русски — тут была исключением Рая, которая говорила со мной медленно и чётко. В быстрой речи Лилии Степа-

новны я не могла понять почти ни слова. Но это компенсировала какая-то интуиция, о существовании которой я и не подозревала.

Вернувшись домой, мы снова пили чай и говорили об искусстве и театре. Тут мне удавалось следить за разговором, а кое-что мне переводили. Пьеса, которую их театр будет показывать в Тэзе и Германии, посвящена Страстям Христовым.

Хорошо ли это, спрашивали они, что кому-то придётся играть роль Иуды или дьявола? Что я думаю?

Я сказала, что мы не игрушки в руках всяких духовных сил. Когда мы живём христианской жизнью и участвуем в Таинствах, сила Иисуса и вера Церкви даёт нам защиту. Они согласились с этим, но продолжали размышлять о духовной ранимости человека искусства. Я наслаждалась атмосферой спокойной беседы людей, которым хорошо друг с другом.

Суббота 8 августа 1992 – Тверь

Ночью всем нам трудно было спать из-за жары и комаров. Мне предоставили кровать Лилии Степановны, которая ночью была на работе; сегодня я буду спать на раскладушке в её комнате. Остальные расположились на матрасах на полу гостиной.

Утром мы идём в магазин, и я начинаю понимать, почему в России улицы так сильно отличаются от улиц на Западе – тут практически не видно витрин с выставленными товарами. Повсюду стоят киоски, торгующие западной продукцией, но цена товаров чрезвычайно высока. В государственных магазинах всё намного дешевле, но качество ниже и выбор ограничен. Эти магазины похожи на пустые склады со стойками вдоль стен.

Весь день мы ходили по старой части города. Я не взяла с собой фотоаппарат и пыталась сохранить увиденное в своей памяти. Эти одноэтажные крашеные деревянные дома с резными наличниками на окнах, наверное, похожи на те, что видела в детстве Екатерина. Каким-то образом коммунисты не разрушили старую Тверь, хотя часть города пострадала от бомбёжек во время Второй мировой войны.

Мы ходили парами, меняя своих собеседников. Володя говорил мне о последних мучительных годах своей жизни и о том, что ему нужно снова найти Бога. Мы сравнивали наши студенческие

годы в шестидесятых. Володя и его друзья, подобно мне и моему окружению юности, не желали усиления военно-промышленного комплекса. Никто из них не верил официальной антиамериканской пропаганде, напротив, их живо интересовали США и реальности жизни американцев. По словам Володи, перестройка была прямым следствием программы «звёздных войн» Рейгана, поскольку в КГБ поняли, что СССР не способен конкурировать с военной мощью США и надо искать другие пути.

На мостике, перекинутом через небольшую речушку с быстрой водой, Оля с Володей говорили о том, как язык отражает противоречия российского общества. В советское время люди отказались от таких общепринятых обращений, как «господин» и «барышня», и заменили их словами «товарищ» и более суровым «гражданин». Сегодня и эти слова вышли из употребления, так что когда в автобусе кто-то шутливо обратился ко мне «товарищ», другие пассажиры сердито попросили его не употреблять этого слова. Но когда я спросила Володю и Олю, как же теперь принято говорить, они только пожали плечами:

— У нас говорят «*молодой человек*», «*девушка*», «*женщина*», «*бабушка*». Как будто бы мы вернулись к биологической реальности. Мы утратили чувство этикета и даже не знаем, как обращаться к людям.

Оля рассказала мне о нескольких удивительных старых женщинах, её знакомых, которые сидели в лагерях за свои убеждения. От неё я узнала кое-что о семье отца Александра Меня. Его бабушку, еврейку, исцелил святой Иоанн Кронштадтский, сказав ей: «Ты не крещёная, но я вижу по твоим глазам, что ты знаешь Бога». Мать отца Александра тайно наставлял в вере ката-

*Архимандрит Серафим (Битюков) (1880–1942). В 1928 году, не приняв «сергианство», перешёл на нелегальное положение. Крестил о. Александра и его мать.

комбный священник*, который в течение пятнадцати лет прятался в одном доме в Загорске.

— Это — наше сокровище, — сказала Оля просто.

Я купила цветы для Лилии Степановны — я тут привыкаю делать подарки!

Я уже преподнесла ей шоколадку и шейный платок, привезённый из Парижа, а взамен получила сделанное ею макраме и набор открыток с видами Твери.

После ужина Оля попросила брата позаниматься с Катей скрипкой. Я робко предложила устроить музыкальный вечер. Я заметила гитару в углу комнаты, но на ней недоставало одной струны; тем не менее, Володя её настроил и стал петь песни, которые он написал двенадцать лет назад, ещё до встречи с Раей, — поэму «Путешествие в Россию». Несмотря на первоначальный энтузиазм, вечер не удался. Все казались грустными, а я не понимала, что происходит. Позже Рая попыталась мне это объяснить:

— Это было другое время и другая Россия, иная эпоха нашей жизни. Всё это теперь ушло.

Воскресенье 9 августа 1992 – Тверь

Я думала, что в этот день мы, разумеется, пойдём в церковь, но этого не случилось. Я не совсем понимаю почему. Потому что они не чувствуют себя уютно в мире традиционного православия? Или не хотят расстраивать Лилию Степановну? Оля говорила, что когда их мать узнала, что её дети крестились, она начала плакать и восклицать:

— У меня больше нет детей!

По словам Володи, его отец видел тут просто одну из причин своего сына, но поскольку Пётр Ерохин был членом партии, важно было хранить крещение в тайне.

— Мой отец был честным коммунистом, — объяснил Володя. — Он искренне верил в марксизм. Мы жили в двух разных мирах и не могли об этом разговаривать.

После смерти мужа Лилия Степановна стала мягче относиться к вере детей. Оля привозила ей книги отца Александра Меня и Новый Завет, но она не знала, открывала ли их мать.

В течение трёх часов мы гуляли по «настоящим русским лесам», собирали малину и землянику. Я узнала, как по-русски называется рябина, которую я вижу везде в России. Я рассказала Рае, что, по словам Екатерины, русские бывают детьми лесов, реки или степи, на что Рая сказала:

— Тогда я, конечно, дитя лесов!

У Раи было счастливое и свободное детство, но взрослая жизнь была трудной. В год её дочь от первого брака потеряла слух, потому что врачи во время болезни назначили ей антибиотики. Рая

привезла её в Москву, чтобы отдать в специальную школу. Они развелись с мужем. Оказавшись одинокой матерью особого ребёнка в гигантском мегаполисе, Рая работала по ночам, чтобы проводить дни с Яной. Хотя у неё был диплом о высшем образовании, она мыла полы и дежурила по ночам в детском саду, куда ходила её дочь. Она с неутомимым упорством учила дочь говорить. Десять лет спустя, когда она искала журналистскую работу, они встретились с Володей, полюбили друг друга и на следующий год поженились.

Мы побывали в Тверском краеведческом музее, где были представлены местная природа и культура. Богатое наследие было полностью уничтожено коммунизмом. Последняя часть экспозиции, предупредили они меня, отражает советскую пропаганду. Мы хотели миновать эти залы как можно быстрее, но в одном месте дружно застыли в изумлении. Экспонаты, которые они видели тут в последний раз, заменили выставкой, рассказывавшей о сталинских репрессиях. Впервые в жизни они видели выставку такого рода, и она оставила у нас неизгладимое впечатление. Это напомнило мне об экспозиции, посвящённой нацистским лагерям, — это почти невозможно вынести, но ты заставляешь себя смотреть и не убегать. Мы видели фотографии издевательств над заключёнными, бумаги с приговорами, свидетельства о смерти. Там была стальная тюремная дверь и стол следователя. Мы увидели там открытку, где Сталина называли «отцом сирот» — тех самых сирот, родителей которых он отправил умирать в лагерях.

По дороге домой мы молчали. Мне казалось, что я провалилась в глубокую шахту. В России нет ничего нейтрального, банального или поверхностного. На каждом шагу ты неожиданно сталкиваешься с новыми глубинами страданий. Но одновременно ты сталкиваешься и с ещё одной неожиданной вещью — в сердце страданий стоит та духовность, которая выделяла русскую культуру и помогала русским превозмогать страдания.

Я вижу это в Рае, когда она сбивчиво пытается облечь свои переживания в слова.

— Наши невзгоды — наше богатство. Эти фото узников — они как иконы. Страсти Христовы тоже были неприятным зрелищем, но с Его креста воссиял свет.

Они спрашивают меня, что я об этом думаю. Что я могу тут думать? И есть ли у меня вообще право думать обо всём этом? Но, с другой стороны, из-за Екатерины и того, что она нам дала, и потому, что наше призвание пришло к нам из России, я тут не совсем посторонняя. То, что мне было дано, я получила не только ради себя, и с кем ещё мне делиться этим наследием, если не с народом Екатерины?

Володя переводил для меня:

— Как можно искупить такие страдания? То, что происходило на протяжении веков, что случилось в коммунистическую эру, что происходит сейчас, — всё это обретает смысл, когда мы возносим это к Богу в любви и прощении. В этом смысл воскресения, победы над смертью.

Как удивительно, что мы можем об этом говорить. Нет, среди русских я не чувствую себя чужой.

Понедельник 10 августа 1992 – Москва

В этот вечер мы приехали в Москву уже ночью, и тут же зазвонил телефон. Я не знаю, во сколько Рая и Володя ложатся спать.

Я проспала большую часть дня и встала только для разговора по телефону с Альвиной Воропаевой из Магадана, который находится далеко на северо-востоке России. Она сказала, что пытается до меня дозвониться уже несколько дней. Альвина была переводчиком у группы участников Ротари-клуба, которые посетили Магадан в 1989 году. В настоящий момент она переводит на русский «Пустыню»; я познакомилась с ней в Комбер-мере в прошлом году.

Альвина была в смятении. По её приглашению Джин Фокс и одна из старейших участниц общины Мария Явора должны были через две недели приехать в Магадан. Предполагалось, что они останутся у Альвины, но она продала свою квартиру и ещё не приобрела новой. Можно было понять её волнение.

— Тебя приглашают выступить на телевидение? — спросила она. — Ты выступаешь и рассказываешь о «Доме Мадонны»?

В ответ я засмеялась:

— Нет, я просто приехала побыть с друзьями. Разделить с ними жизнь, попытаться понять друг друга.

Рая пригласила на этот вечер нескольких девушек из театра на встречу со мной, чтобы я рассказала им о «Доме Мадонны». Встреча была назначена на пять, они начали приходить с шести, а общий разговор состоялся после семи. Рая, отвечая на бесконечные звонки, готовила ужин на десятерых: рис с капустой и луком и пирог из чего-то. Она смешивала продукты, не измеряя их количество, как мы привыкли делать в «Доме Мадонны».

На большом рояле в комнате Раи и Володи разложили фотографии «Дома Мадонны», книги Екатерины, привезённые из Парижа в прошлом году, и новые тексты о «Доме Мадонны» на русском. Девушки стеснялись, так что Володе самому пришлось забрасывать меня вопросами о жизни Екатерины, традициях «Дома Мадонны» и моём духовном пути.

— Вы не скучаете? — временами спрашивала я.

— Нет, нет! — был ответ.

Семнадцатилетняя Ира, владеющая английским, сказала, что им доводилось встречать только православных монахинь в рясах с длинными рукавами, всегда с покрытыми головами. Для них апостолат мирян — какая-то совершенно незнакомая форма христианской жизни.

— Сами увидите, — предупреждал их Володя, — Мириам такая же, как вы: весёлая, красивая...

Перед ужином я расстелила на рояле шаль Екатерины. Мы зажгли свечку, и девушки помолились своими словами. Я ничего не понимала, но видела их искренность.

За ужином я попросила их рассказать о себе и об их пути к Богу. Они молчали до тех пор, пока Володя, уставший переводить, не попросил Иру его заменить. Одна из самых молчаливых девушек начала рассказывать о себе, а затем её примеру последовали все остальные. Меня поразило то, как Святой Дух действовал в их жизни. Для каждой из них поворотной точкой стала встреча с отцом Александром Менем.

Вторник 11 августа 1992

Днём мы с Володей отправились к малым сёстрам, чтобы навестить Елену Владимировну Вержбловскую, еврейку, которая сама себя крестила на Пасху, когда ей было восемь лет. В тот мо-

мент она отчётливо ощутила Божье присутствие. В конце 1930-х они с мужем оказались в заточении в ГУЛаге за свою веру. Он погиб в лагере. Её выпустили во время войны, и она стала тайной православной монахиней. Уже будучи старрой, вступила в общину малых сестёр. Сейчас ей почти девяносто, она слепая. Мы беседуем по-французски — этот язык Елена выучила ещё в детстве. Мне кажется, я говорю со старицей. Она спрашивает, сколько мне лет, откуда я, но мне гораздо интереснее узнать о ней.

*Елена Владимировна
Вержбловская
(1899–1998)*

— Пожалуйста, — говорю я, — расскажите о своей жизни.

— Жизнь такая длинная! Мне ведь уже восемьдесят восемь. Как я могу вам рассказать?

— Ну, тогда расскажите о Боге. Кто Он для вас?

— Вот так вопрос!.. — Потом добавила. — Он очень далеко и очень близко. Всю жизнь я любила Бога. И только теперь... иногда... начинаю понимать, что Он любит меня.

Володя, которого она обожает, привёз с собой синтезатор и сыграл для неё музыкальный плач, который он написал после смерти отца Александра Меня. Елена тоже много лет работала с отцом Александром, и когда она слушала эту пронзительную мелодию, по её щекам катились слёзы.

Затем мы пили чай с малыми сёстрами. Они знают книгу «Пустыня», и сестра Клер, ответственная этой маленькой общины, сказала мне, что её отец был крещён в приходе «Дома Мадонны» в Париже. Когда мы прощались, я попросила Елену Владимировну молиться за меня.

— Молиться? — задумалась она. — Я вообще-то малOVER. Но попробую.

У Раи вечером была репетиция. Мы с Володей, выйдя от малых сестёр, доехали на метро до центра и прошлись по старой Москве. В сумерках стены и башни Кремля, золотые купола его церкви поразили меня своей красотой. Володя прямо

и просто рассказывал о том, как недавние политические изменения сказались на его поколении:

— Падение коммунизма — это и наша победа, и трагедия. Не стало врага. Но он был частью нас самих, и мы не знаем теперь, как жить. Я раньше думал, что ненавижу Советский Союз, а сегодня вижу, что он во мне живёт. Моё поколение растерялось больше всех — наши лучшие годы уже позади. Прежде мы не могли достичь своих целей и предавались мечтам. Сейчас стало возможным всё — а мы продолжаем мечтать.

Москва, говорит он, прежде была культурным центром. А теперь это коммерческий центр, который притягивает к себе людей, потому что здесь можно делать деньги.

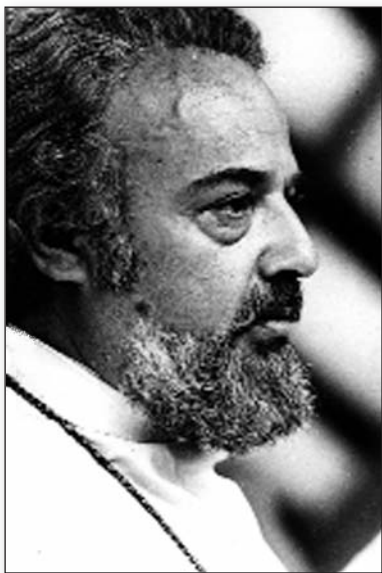
Он рассказал мне об отчуждении от своего отца и о лжи коммунизма. Вспоминал, как в студенческие годы они с сестрой путешествовали по России и пели под гитару песни о Боге и вере. Его высказывания в поддержку независимости Прибалтики дошли до властей, и ему закрыли доступ в аспирантуру. До этого из-за травмы кисти он не стал профессиональным скрипачом. В конечном итоге изучил журналистику и социологию.

И когда вечером в Твери он пел свои старые песни, он думал о прошлых путешествиях, мечтаниях и надеждах, и это породило печаль.

— Тот мир ушёл, — сказал он. — И теперь мы не знаем, кто мы такие. Раньше мы страдали за веру. Я потерял работу в газете, потому что носил крестик и меня спросили, верю ли я в Бога. Сегодня все, от бывших коммунистов до бандитов, называют себя христианами. Раньше я понимал эту страну. Я знал, по каким законам она живёт и как найти своё место в жизни. Сегодня я уже ничего не понимаю. Каждый из наших друзей несёт в себе ужасные конфликты и противоречия. Мы одновременно и любим, и ненавидим Россию.

Среда 12 августа 1992 – Новая Деревня

Сегодня пасмурно, и на сердце тяжело. Мы едем на электричке и затем на автобусе в Новую Деревню — подмосковное селение, где был приход отца Александра Меня и где он похоронен. Рая купила цветы, чтобы положить их на могилу. Я везу с собой шаль Екатерины, но не решаюсь её достать из сумки — это может

о. Александр Мень
(1935–1990)

показаться слишком театральным жестом.

В маленькой деревянной церкви служат Литургию, но мы не стоим до конца. Как объясняют мне Рая с Володей, служащий сегодня поп враждебно относился к отцу Александру. Да он и поставлен тут был специально следить за Менем и стучать куда надо о его действиях. Для Ерохиных и их друзей нынешняя реальность Новой Деревни противоречит их живой памяти. Здесь есть ещё один священник, ученик Менья. Он уехал в отпуск и взял с собою ключ от мемориальной комнаты отца Александра,

чтоб настоятель её не разгромил. Мень убит, духовная война продолжается.

Мы вышли из церкви, и Володя присоединился к молодым людям, которые работают на строительстве крестильни. Я возвращаюсь к осыпанной цветами могиле, чтобы помолиться.

Мне кажется, что Екатерина где-то рядом. Я молюсь ей и отцу Александру о Рае и Володе, о всех тех, кого я встретила, и о России. И мне на сердце приходит мысль: *«Я знаю, зачем приехала в Россию. Чтобы вы, Екатерина, могли сюда вернуться. Настало время для вашего возвращения. И вы тут очень нужны.»*

Мы пешком возвращаемся на железнодорожную станцию в соседнем городе Пушкино. Володя указывает на дома, которые он посещал вместе с отцом Александром. Он говорит, что Мень явил ему лик Бога, а теперь у Володи нету сил найти Бога самому.

— Но Бог в твоём сердце! — я восклицаю необычайно горячо. Не знаю, почему это так важно для меня. — Володя, слушай, ты должен верить! Бог в твоём сердце. Он не покинул тебя. Он даст всё, что тебе нужно. Он обещал!

По пути домой я покупаю Рае розу. Она счастлива. Я могла бы подарить ей целый букет, но из уважения к хозяевам нельзя сорить деньгами. Это абсурд, но я совершенно извелась мыслями о том, как быть с чемоданом всяких мелких вещей, что я собрала для них в нашем парижском доме: туалетной бумагой, мылом, яркими наволочками, которые кто-то отдал нам перед моим отъездом, разноцветной фольгой, подобранной на улице. Я также привезла зубные щётки и пасту, салфетки, аспирин и обезболивающие, пластыри и немножко одежды.

Не оскорбят ли их сии дары?

Не так давно Рая сказала мне:

— У нас есть немного, но мы счастливы.

А нынче утром Володя заметил:

— Ты принесла к нам в дом свою улыбку и своё сердце.

И вот после возвращения из Новой Деревни я нахожу момент и зазываю Раю в мою комнату. Показываю подарки и пытаюсь объяснить суть своих терзаний. Она, как всегда, понимает.

— Мириам, ты опасалась? Напрасно. Ты же видишь, как мы живём. Эти вещи — богатство для нас. У нас кончается мыло, и я уж думала, что делать. А Бог вот позаботился. Мы оставим себе то, что нам нужно, а остальное раздадим.

Ей понравились наволочки и цветная фольга. Губки для мытья посуды кажутся ей сокровищем — она даже доверила мне мытьё посуды. Я уже вручила им кленовый сироп и мёд из Комбермера, кофе, две прелестные жестянки чая, коробку мюсли и паштет. Две последние вещи они отложили для путешествия на автобусе.

В этот вечер мы решили отключить телефон, так что втроём пребывали в мире. Я предложила пойти в ресторан, просто чтобы выйти из дома, но Рая сказала, что Москва не похожа на Францию — рестораны тут и весьма дорогие, и не слишком приятные.

— А почему бы нам не устроить праздник дома? — спросила она. — Поджарим цыплёнка, у нас есть шоколад и бутылка вина, что ты привезла.

Но когда мы пошли покупать цыплёнка, обнаружилось, что дичь в нашем конце Москвы невозможно найти.

— Не беда, — сказала Рая. — У нас есть рис.

Каждый день я усваиваю новые уроки. Вопреки моей парижской кулинарной подготовке, в самом деле разве важно, что мы будем есть, — цыплёнка или рис? Важна не еда, важно побыть вместе, пообщаться.

Когда я спрашиваю, какое вино они предпочитают: белое или красное, — они начинают хохотать.

— Просто вино! — говорят они мне.

— Понимаешь, — говорит Володя, — мы так обычно не отдыхаем. Во всяком случае, перестали после того, как всё подорожало. Может быть, потому мы всё время суетимся и спешим, что наша жизнь стала дикой.

В начале вечера Рая сказала:

— У нас был печальный, трудный день. Давайте веселиться!

Однако для меня это был один из самых насыщенных вечеров из всех, что мы провели вместе.

Рая спрашивает, не удивляет ли меня то, что они и их друзья всё время шутят, несмотря на то, что жизнь тяжела. Понимаю ли я её тяжесть?

— Сегодня, когда я пошла за покупками, — рассказала она, — мужик продавал помидоры. Было много вялых, но он мне сказал: «Зачем выбираешь? Они все хорошие». Я швырнула их обратно, пошла и купила у другого. И такое отношение мы встречаем каждый день. Люди семьдесят лет были рабами. Потеряли уважение и к себе и к другим.

В прачечной, куда Ерохины сдают постельное бельё и кухонные полотенца, новое бельё, подаренное им во Франции, стянули. Их метку с номером нашили на чьи-то застиранные простыни, и они не могли ничего доказать. Они ощущают бессилие перед обществом, где беззаконие растёт.

А их собственная малая группа другая: Рая с Володей, Оля Ерохина, Соня, которую я встретила у Оли и которая сегодня днём приехала к нам помолиться за отца Александра, Елена Владимировна и старая женщина с морщинистым лицом, которую мы встретили в Новой Деревне (Мария Витальевна Тепнина), — её посадили в лагерь за то, что, будучи студенткой, отказалась проголосовать за смертный приговор несправедливо осуждённому товарищу.

— Мы безумцы, — говорит Рая.

Сумеют ли они выжить при своём безумии, спрашивают они меня.

*«И уцелевшее в доме Иудином, оставшееся пустит опять корень внизу и принесет плод вверху, ибо из Иерусалима произойдет остаток, и спасенное от горы Сиона. Ревность Господа Саваофа сделает сие» (4 кн. Царств 19:31,32). «Если бы Господь Саваоф не оставил нам небольшого остатка, то мы были бы то же, что Содом, уподобились бы Гоморре» (Исаия 1:9).

Я думаю, они подобны юродивому Василию Блаженному. Родились мы на Востоке или на Западе, мы все — *остаток* в библейском смысле слова*. Мы все безумны ради Бога, когда сражаемся с жестокостью и извращённостью общества. Я пытаюсь объяснить им, что Запад в духовном смысле глубоко нездоров, но они, несмотря на то, что побывали в Европе, ещё не готовы меня услышать.

Я так люблю их обоих. Они распяты на кресте своей страны. Нынче ночью вновь моё сердце переполнено слезами.

Весёлый вечер?

Четверг 13 августа 1992

Сегодня в Третьяковской галерее я вдруг поняла, что нахожусь в зале с величайшими иконами мира: среди прочих, тут была Владимирская икона Божией Матери и рублёвская Троица, где три Лица Бога представлены в виде ангелов, которых принимал Авраам. Многочисленные репродукции Троицы, которые я видела, не могут передать красоту и гармонию оригинала и того невероятного мира, который излучают лица. Меня потрясает поток света, струящийся из очей Спасителя на иконе Рублёва. Я ничего не знаю об иконах, но понимаю, что сейчас они меня учат. Их присутствие превращает музей в храм.

Мы с Раей возвратились домой. Там Володя и его сестра Оля разговаривали по-английски с братом Гийомом — голландцем, членом общины Тэзе, который вот уже пятнадцать лет живёт в Бангладеш. Он остановился в Даниловом монастыре, но столкнулся с неприязненным отношением к себе. Из-за того, что он протестант. Сегодня вечером он поездом отправится в Санкт-Петербург. Оля с Володей пытаются до своих петербургских друзей, чтобы они его приняли.

Рая уходит на репетицию. Я вижу, как Володя собирает еду в дорогу для брата Гийома. Я знаю, что холодильник у них почти пуст. Володя кладёт в пластиковый пакет яйца, сваренные вкрутую, банку паштета, которую я привезла из Парижа (и которую они планировали взять с собой в путешествие), яблоки и питьё. Затем он кладет туда большую часть плитки шоколада, которым мы наслаждались вечером накануне. Они никогда не едят шоколада, а брат Гийом сейчас приехал из Европы, где его, несомненно, хорошо угощали. У них всего так мало, но они без колебания отдают всё, что имеют.

Мы с Володей сажаем брата Гийома в поезд и гуляем по вечерней Москве. Володя показывает мне здание российского парламента, у которого он с тысячами других добровольцев стоял перед танками во время попытки переворота в августе 1991 года. Рая тогда была в Израиле, и если бы путч удался, они бы могли никогда не увидеть друг друга.

Мы идём по Арбату. Московские улицы пусты. После работы и покупки еды люди торопятся домой — у них уже не остаётся сил на что-то ещё. Дома обшарпаны, неухожены. Мы идём по бесконечным улицам. Володя показывает мне прекрасный круглый дворик, который он для себя случайно открыл, когда работал неподалёку. В этот вечер мы оба немногословны.

Пятница 14 августа 1992

Выйдя из своей комнаты утром, я вижу, что Володя пытается починить текущий кран. В конце концов он зовёт на помощь друга.

Я вымыла голову, и Володя находит, что я похожа на Лилю Брик, возлюбленную Владимира Маяковского. Он и Рая говорят об искусстве и поэзии. Показывают мне альбомы графики двадцатых годов. Мне открывается новый мир культуры.

Мы с Раей идем в Шереметьево, — роскошную усадьбу восемнадцатого века на окраине города, где друзья организовали для нас частную экскурсию. В целом я понимаю объяснения гида, если не считать деталей. В близлежащей церкви идёт прекрасная вечерняя служба, но я вижу, что Рая чувствует себя уютно в ультраправославной атмосфере.

Я серьёзно беспокоюсь за Раю. Она настолько переутомлена, что, быть может, находится на грани срыва. На вечерней прогулке я говорю об этом Володе.

Я ценю эти вечера. Это позволило мне увидеть многие места Москвы, а кроме того, тут я могу задавать вопросы по-английски, обмениваться мнениями и многое узнавать. Сегодня Володя спросил меня, хотела бы я снова жить в США.

Я не знаю, что ответить:

— Я не такая, как большинство американцев, — говорю я ему. — В 1960-х многие из моих сверстников протестовали против политики нашего правительства и почувствовали своё отчуждение от собственной страны. Я никогда не отождествляла себя с США и американской культурой. Кроме того, мой настоящий дом — это община «Дом Мадонны», и тут наша культура основывается на Евангелии. Не знаю, может ли это понять русский?

Он сравнивает это со своим собственным чувством отчуждения.

— Надо быть сильным, чтобы жить в России, — говорит он. — Я перестал понимать, что тут творится. Нужно снова найти себя.

Суббота 15 августа 1992

Пока мы гуляли вчера вечером, из Парижа мне звонила Тереза. Сегодня утром мы, наконец, могли поговорить. Она поздравила меня с Успением и сказала, что встретится со мной в Тэзе двадцать третьего августа.

— Видишь, чем Россия отличается от других стран? — сказал Володя жене. — Тереза говорит, что в воскресенье приедет в Тэзе на машине — и она действительно приедет. Это просто. Мы говорим, что приедем туда на автобусе, но кто знает, доедем ли мы? Будет ли автобус? Не сломается ли он? Будет ли бензин? Не бросят ли нас водители? — И, повернувшись ко мне. — Мириам, вот это и есть жизнь в России.

Сегодня Успение. Но поскольку православный календарь на тринадцать дней расходится с тем, что принят католической церковью, а я решила целиком и полностью жить в мире Раи и Володи, я и не собиралась участвовать в богослужении. Однако их предложение пойти на Божественную Литургию стало маленьким подарком от Бога.

Теоретически храм Космы и Дамиана возвращён Московской Патриархии, но поскольку занимавшая его типография ещё не переехала, Литургия совершалась в небольшой комнате на втором этаже. Другие комнаты используются там как офисы, склады или классы для занятий. В одной из них Володя учит детей пению по воскресеньям. Чтобы все желающие могли участвовать в ночной службе на Пасху, рассказывает Володя, пришлось сломать замок типографии, и Литургия совершалась среди печатных станков. Иисус вышел из гробницы, взломав запечатанный вход, а они сбили замок и вошли в храм!

Божественная Литургия пронизывает всё моё существо. В отличие от роскошных богослужений в больших соборах, служба в тесной комнате с хором из пяти человек проста и смиренна, но это всё равно Божественная Литургия со всей её глубиной и запредельностью. Я благодарна Богу, Екатерине и архиепископу Рае за то, что они познакомили меня с Литургией св. Иоанна Златоуста, так что я могла тут молиться от всего сердца, хотя и не знала церковнославянского.

Вечером я иду с Володей и Раей на репетицию «Страстей Господних». Они будут показывать эту мистерию в Германии. Впервые актёры играют в костюмах и под музыку, которую написал Володя и которую он исполняет с Олей. Они используют не только пение, но и скрипку, флейту, ударные и кларнет. Ведущий читает текст, и всё это зрелище необычайно красиво.

Я наблюдаю, как работает Рая. Она — взыскательный режиссёр, и меня поражает запас её энергии. Позже она говорит мне, что молодым людям не хватает дисциплины и постоянства. Эта работа опустошает её, и порой она сомневается, стоит ли результат того, чтобы тратить столько сил и бороться с разочарованиями. Меня трогает то, что она с Володей воспитывает эту молодёжь, давая ей уроки дисциплины, творческой отдачи, солидарности и веры. Раз в месяц театральная группа собирается для того, чтобы вместе молиться.

Воскресенье 16 августа 1992

В это утро до завтрака, произнеся молитву, мы съели кусочки просфоры, которую принесли со вчерашней Литургии.

Володя ведёт меня в Кремль. У входа охранник говорит нам, что тут проход для русских запрещён.

— А я сопровождаю американку, — парирует Володя, и мы проходим.

Для меня интереснее всего впечатления Володи.

— Кремль, — говорит он мне, — отражает историю России: это роскошь царского двора, который был заброшен, когда Пётр Великий перенёс столицу в Санкт-Петербург, а затем гнёт коммунистического режима.

Он всегда сторонился Кремля, но теперь ощущение всеобъемлющего зла, которое он тут испытывал, ушло. Его удивляет то, что все кремлевские соборы начали реставрировать. Он видит в этом воскресение.

Я убеждаю Раю с Володей, что с удовольствием посижу вечером дома, пока они будут репетировать. Я смогу накипятить воды для путешествия, намеченного на вторник, и погладить выстиранную одежду. Я не привыкла греть утюг на огне, и потому прожгла воротник одной из Володиных рубашек.

Позже, когда я переключивала свои вещи, я внезапно увидела две крохотные бутылочки с канадским виски, которые Тереза незаметно сунула в мою сумку. Я выставляю их на стол на кухне вместе с рюмочками из шкафа. Получилось очень празднично.

Рая, вернувшаяся после полуночи, готова заплакать, увидев это.

— Ты действительно заплачешь, когда увидишь, что я сделала с рубашкой, — предупреждаю я её, но, похоже, это её не волнует.

Они рады и этому неожиданному подарку и возможности расслабиться после тяжёлого дня. Спасибо тебе, Тереза!

Понедельник 17 августа 1992

Наш отъезд назначен на семь часов завтрашнего утра, так что сегодня нам надо к нему готовиться. Я глажу, а потом мы с Раей идём покупать еду для поездки на три-четыре дня. Ближайший государственный продуктовый магазин поражает меня — там пустые полки и витрины. Мы направляемся в другой, в десяти минутах ходьбы от первого. Тут есть какая-то еда, но к ней в при-

дачу — огромная очередь, и Рая принципиально отказывается тратить время на ожидание. Она покупает мясо, что для неё роскошь, а в киоске по пути домой мы берём картошку, помидоры и яблоки, которые стоят необычайно дорого.

К вечеру сборы закончены. У нас ночует Соня Рукова. Она была регентом хора в Новой Деревне при отце Александре, а также преподавала в воскресной школе, фотографировала и переводила. Сейчас ей пятьдесят восемь и здоровье у неё слабое, но её одарённость проявляется во всём, и ей всё интересно. Она говорит медленно и чётко. Мне хорошо с ней.

Пока мы с Соней вдвоём ужинаем, я слышу, из другой комнаты Раин голос. Она говорит необычайно сердитым и жёстким тоном по телефону. Через несколько минут они с Володей приходят на кухню и сообщают нам, что отправление автобуса откладывается до вечера вторника. Причём им никто не объяснил причины задержки. Они не знают, как связаться с водителями, они даже не знают, кто они такие и откуда арендован автобус. Они и раньше всё время сомневались в том, что всё получится, что в последнюю минуту не возникнет неразрешимых проблем или что водители не скроются с деньгами, полученными в задаток.

Я никогда не видела Володю в таком гневе. Он сердито повторяет:

— Это Россия!

Раю терзают дурные предчувствия и она думает, не отменить ли эту поездку вообще. Происходит что-то ещё, но я не всё понимаю, и сейчас не время задавать ненужные вопросы. Они возвращаются в комнату: им нужно оповестить тридцать шесть человек об изменении расписания. Потом Рая возвращается к нам и устало говорит:

— Наши дела всё хуже и хуже. Теперь Володя и Оля ссорятся.

Этот раздор ясно указывает на то, что тут участвуют злые силы, но я не смею ничего сказать. Я понимаю, что это лишь один из этапов их непрестанной борьбы за осуществление своих планов и желаний. Как бы я хотела говорить по-русски свободнее! Но пока мне остаётся только молиться и просить о духовном заступничестве.

Я захожу в спальню за своими чётками и вижу, что Соня стоит на коленях перед иконами. Соня говорит:

— Знаешь, мне очень жаль Володю и Раечку, но, если честно, я рада тому, что сегодня мы сможем как следует выспаться.

Наконец, все ложатся спать. Володе нужно встать в шесть утра, чтобы отвезти ещё часть денег водителям.

Вторник 18 августа 1992

Поскольку у нас неожиданно появился свободный день, Рая с Володей решили сводить меня в Донской монастырь. Я соглашаюсь — по крайней мере, это повод вытащить Раю из дома. Ожидая, пока она соберётся, я беседую с Соней, которая ещё вчера вечером, в трудную минуту нашей жизни, начала задавать мне вопросы о «пустыне». Каким прекрасным даром была бы «пустыня» для Москвы, где люди всегда переутомлены и полны напряжения!

В монастыре моя иллюзия, что я, наконец, могу следить за ходом разговора, развеялась после встречи с сердитым монахом: ему не понравилось, что я ношу крест, а при этом моя шея открыта и у меня короткие рукава. Я не понимала ни слова и думала, что его заинтересовал мой крест, и потому я ему улыбнулась и начала объяснять, что слова «Рах-Caritas» на нём означают «мир и любовь». Меня удивил Раин сдержанный тон в разговоре с ним. Затем я услышала, как монах говорит:

— Здравствуйте!

И Рая увела меня от него. Я думала, что у Раи просто плохое настроение. И только по пути домой она сказала, что священник не был рад моему присутствию и счёл мой вид оскорбительным. Она сказала ему:

— Это наша гостья из Франции; вы можете по крайней мере с ней вежливо поздороваться.

Сама Рая в широких брюках, мы обе с непокрытыми головами. Если бы я знала, что моя блузка покажется тут неуместной, я бы оделась иначе из уважения к монастырю и кресту, который я ношу.

Мы забыли об этой неприятной встрече: Соня нарисовала схему, по которой мы могли найти в одной из часовенок на монастырском кладбище чудотворную мироточивую икону святы-

теля Николая. Её нигде не было, а после инцидента с монахом Рая не решалась ни у кого спрашивать. Мы уже собирались уходить, как вдруг увидели святого Николая прямо перед собой. Мы даже чувствовали исходящее от иконы благоухание.

Мы молились. Я не знала, что святитель Николай в России считается покровителем путешественников. Мы, безусловно, нуждались в его ходатайстве.

В четыре часа Рая, Володя, Соня и я, нагруженные сумками, спальными мешками, запасами еды, книгами, театральным реквизитом, костюмами и музыкальными инструментами, сели в метро. На конечной остановке где-то на краю Москвы мы должны были встретиться с остальными путешественниками и — как мы надеялись — сесть в автобус, который проедет через Россию, Белоруссию, Литву, Калининградскую область, Польшу и Германию, чтобы доставить нас во французскую деревню Тэзе.

*Мириам, Рая, Наташа Ермакова,
Соня Рукова, Катя Завалова*

«Наша американка»

Отъезд

Никого не удивляет, что автобус опаздывает, но ожидание затягивается, и я тоже начинаю сомневаться в том, что он придёт вообще. Мы собираемся на стоянке и поём песнопения Преображения, которое православная церковь отмечает девятнадцатого августа. Я думаю: как удивительно, что мы можем делать это на улице не скрываясь. Ещё пять лет назад это невозможно было себе представить.

— Старые дни миновали, — радостно твердит кто-то из молодых.

Соня, человек другого поколения, качает головой.

— Не так всё просто, — загадочно произносит она.

Начинается дождь, и сорок человек спешат укрыться на станции метро, неуклюже волоча за собой багаж. Володя с Олей пытаются выяснить, где же наш автобус.

— Может ли такое быть во Франции? — задаёт мне риторический вопрос Володя. — Автобус, который опаздывает на три часа?

Он говорит, что автобус может прийти ближе к ночи, или завтра, или вообще не прийти. Но он, наконец, появляется в полдевятого вечера. Пока мы укладываем свой багаж и рассказываемся, проходит ещё час. Наше путешествие начинается!

Примерно половина из сорока пассажиров — театральная труппа. В основном это молодёжь, самым старшим из них чуть больше двадцати, многие — студенты. Все они пришли в Церковь благодаря отцу Александру Меню. Это одарённые люди.

Соня, которая села рядом со мной, является как бы нашим неофициальным духовным наставником. На протяжении пятнадцати лет она регентовала при отце Александре и знает богослужение вдоль и поперёк. Она побывала в Лурде и Лизье, почитает Малую Терезу и хотела бы молиться в «пустыне». Во время путешествия мы постоянно молимся с ней вместе.

Прочие пассажиры — это прихожане либо московского храма Космы и Дамиана, либо храма Новой Деревни, где служил отец Александр. Кого-то из них Рая и Володя знают очень хорошо, а кого-то совсем не знают.

Хотя все путешественники запаслись своей едой, мы едим одновременно, пропев «Отче наш» и благословив пищу. Рая, сидящая с Володей, постоянно передает еду нам с Соней. Они всё время заботятся обо мне.

В начале у всех нас изобилие еды. Рая даже прихватила с собой кусок жареного мяса, которое мы благоразумно съедаем в первый день путешествия, боясь, что оно испортится. У нас есть варёные яйца, помидоры, огурцы и сыр, хотя последний мы в основном отдаём Соне, когда её запасы кончаются, — она ест только молочные продукты. У нас есть яблоки, пакет русского печенья и пачка мюсли, привезённая мной из Франции. У нас есть также баночка французского паштета и большая банка с консервированной колбасой. Все путешественники прихватили с собой кипячёной воды.

Леса служат нам общественным туалетом. Ночью мы сделали первую остановку и кто-то объявил:

— Мальчики направо, девочки налево!

Я засмеялась, когда услышала это хорошо знакомое выражение в глубине России.

День первый

Сегодня праздник Преображения, и мы передаём друг другу коробочку с просфорами, которые кто-то взял с собой для раздачи. Люди собираются в проходе вокруг Сони и Володи, и мы поём службу Преображения.

Мы часто молимся в этом путешествии — и молиться совершенно необходимо. Мы этим живы. На Западе в критические минуты мы молимся своими словами, а тут я могла почувствовать силу литургической молитвы, в которой как бы вся Церковь возносит наши прошения к Богу. Меня поражает, как естественно и с какой верой эти молодые люди поют церковные песнопения, которые в основном знают наизусть, передавая друг другу несколько молитвословов. И снова я с благодарностью думаю о наследии «Дома Мадонны», которое позволило нам познакомиться с православным богослужением.

Время от времени кто-то берёт в руки музыкальные инструменты и в проходе быстро появляется целый оркестр: две гитары, скрипка, флейта, кларнет, блокфлейта. Они исполняют русские произведения и рефрены из Тэзе, расписанные для оркестра.

Володя, единогласно избранный предводитель путешествия, решил, что мы поедем на север через Литву в Калининградскую область, где пересечём границу с Польшей. Хотя у нас есть бумаги, где говорится, что мы христианская группа, путешествующая в рамках культурного обмена, он опасается сложностей на границе и думает, что нам лучше не ехать через Брест — основной пограничный пункт, где всегда столпотворение.

Мы пересекаем границу с Литвой без проблем. На пограничника производит впечатление мой американский паспорт с многочисленными штампами, который по виду отличается от тридцати девяти прочих документов в красной обложке. Я с волнением въехала на территорию Литвы, где родились двое из моих предков.

Мы приехали к Багратионовску, пограничному пункту Калининградской области, уже в сумерках. Подумывали, а не пересечь ли границу ночью, но наши водители настояли на том, что нам надо запастись бензином, для чего пришлось давать большой крюк.

На протяжении всего путешествия водители были источником проблем: они создавали препятствия в самые решительные моменты и не желали сотрудничать с нами как единой командой.

— Так всегда: кому больше всех платят, те меньше всех работают, — сказала Рая после того, как водители два часа меняли спустившуюся шину, которую они могли бы заметить ещё прошлой ночью.

Ещё одна досадная проблема: две девушки стали кокетничать с водителями, всё сильнее отчуждаясь ото всех остальных. С этим мы не можем ничего поделать, а напряжение растёт.

Примерно в километре от польской границы наш автобус остановился в хвосте длинной очереди машин, преимущественно автобусов и грузовиков. Володя и ещё несколько мужчин отправились выяснять ситуацию. Через полчаса они собрали всех нас, чтобы объяснить, что происходит.

В очереди около сорока машин, а пограничный пункт не работает по ночам и выходным. Люди на машинах, стоящих в очереди первыми, уже провели на границе по четыре дня и ночи. Для нас это грозило неприятностями. Если мы будем ждать, мы попадём в Тэзе в середине следующей недели, и тогда у нас останется слишком мало времени до выступлений в Германии с первого сентября. У нас возникнут проблемы с едой, питьём, душем и туалетом. Спать можно будет только в автобусе. Соня слаба здоровьем, и с нами едут несколько детей.

Поскольку уже одиннадцать вечера, нам остаётся только устроиться на ночлег. Мужчины будут по очереди дежурить у автобуса, чтобы из багажных отделений ничего не украли.

Володя подходит к моему сиденью:

— Так что у тебя ещё одно русское приключение!

Его слова меня ранят. Я не ищу приключений, я хочу быть одной из них. Но его замечание содержит правду, от которой невозможно отмахнуться: мне самой не о чем беспокоиться.

С ними я в безопасности, я никуда не спешу и, так или иначе, доберусь до Парижа. Для них всё обстоит по-другому: это очередное препятствие из тех, что им приходится преодолевать всю жизнь. Как бы я ни старалась стать тут одной из них, мы находимся в разных условиях. И когда я бодрствую, молюсь и жду вместе со всеми на протяжении сорока часов, проведённых на границе, моё сердце не покидает боль.

Пытаюсь разрядить напряжение:

— Может быть, стоит показать спектакль пограничникам? — говорю я в шутку.

Володя смотрит изумлённо и беспомощно.

— Американский юмор, — поясняю виновато.

Он минуту глядит на меня и говорит:

— Да, Мириам, но для американского юмора нужны американские условия.

Я сдерживаюсь, чтобы не заплакать. Заткнись, твержу самой себе.

Через несколько минут я ощущаю на плече Володину руку. Он принёс мне еды и одеяло, чтобы я завернула ноги, потому что я слишком легко одета для этой холодной ночи. Они с Раей пекутся о моём благополучии, и это проявление доброты на фоне всех их волнений снова вызывает у меня слёзы.

Я жму его руку.

— Пожалуйста, не беспокойтесь обо мне. У вас хватает причин для тревог.

День второй

Мы так и не знаем, удастся ли пересечь границу в этом месте. Главный пограничный пункт в Бресте закрыт на несколько дней — по официальным данным, «на ремонт», — и сюда, вероятно, устремится огромный поток машин. Местные власти начинают проявлять беспокойство, а это значит, что могут закрыть и этот пункт.

На следующее утро Володя вместе с Сергеем и Марией, которые работают в Москве в ЮНЕСКО, идут к пограничникам, чтобы поговорить о нашей ситуации. Быть может, наши бумаги дают нам какое-то преимущество. Мы быстро составляем списки детей и больных людей из нашего автобуса, предлагаем

подросткам притвориться, что они немного моложе, а всем прочим вспомнить про любые проблемы со здоровьем.

Делегация возвращается через два часа. Им предложили отправиться в Калининград, в сорока километрах отсюда, и оплатить экологические сборы, дающие право просить пропуск через границу. Но и тут нет гарантии, что они этот пропуск получат.

В таких ситуациях всё зависит от причуд начальства и взаимоотношений с ним. Ещё в Москве Рая объясняла мне, что русские с незапамятных времён никогда не придавали значения законам. Советская система не отличалась гибкостью, и потому люди учились обходить её, как могли, но она, используя силу, поддерживала какой-то порядок в повседневной жизни. Теперь старый порядок остался в прошлом, и возник хаос, так что люди чувствуют себя столь же беспомощными и бессильными, как и при тоталитарном режиме.

Все сдают деньги на экологические сборы и на такси, чтобы Володя с Сергеем и Марией могли поехать в Калининград. Когда они уезжают, с ними никто не прощается, люди просто тихо говорят им:

— С Богом.

— Теперь будем молиться, — говорит Рая оставшимся.

Сейчас полдень, и мы не узнаем ничего нового по меньшей мере в течение трёх часов. Мы выходим из автобуса на обочину дороги. За нами выросла гигантская очередь из автомашин. Мы находим солнечное место на краю поля и начинаем молиться Богородице. Поскольку мы ещё отмечаем Преображение, мы поём песнопения этого праздника. Читаем и поём акафист Божьей Матери. На нас с удивлением смотрят проходящие мимо люди из других автобусов. Некоторые стоят и смотрят, а иные крестятся. Старая местная женщина, проезжавшая мимо на велосипеде, останавливается, и по её губам видно, что она нам подпевает. Она долго стоит рядом с нами.

Мы читаем розарий — традиционную католическую молитву, которую отец Александр Мень предлагал использовать своим прихожанам. Мы молимся Сергию Радонежскому и Серафиму Саровскому, святому Георгию Победоносцу, чудотворцу и покровителю путешественников Николаю Угоднику, а также

Франциску Ассизскому. По словам семнадцатилетней Иры, это была «горячая молитва».

После молитвы мы идём в деревню купить еды. Рая бежит назад, чтобы занять денег у одного из наших, и, вернувшись, успевает купить последнюю оставшуюся буханку. Соне нужно молоко, но в молочном магазине осталось только масло. На маленьком рынке, осаждаемом мухами, мы покупаем немного вишни, которую завёртывают в кулёк из газеты. Рая надеется найти молоко, но, поддавшись уговорам, вместо этого покупает яблоки.

Наша калининградская делегация возвращается в четыре часа. Мария вскакивает в автобус с восклицанием:

— Удалось! Удалось!

Рая бежит встречать Володю. Это лишь первый шаг, проделанный с молитвой и упорством. Они долго говорили с майором, который отказывался дать им пропуск.

— Внезапно, — рассказывали они, — мы почувствовали, что сломили его упорство. Он взял деньги, подписал бумагу, и мы поспешили удалиться, пока он не передумал!

В эти дни я лишь смутно понимала, что происходит. Я не понимала разговоров и лишь время от времени задавала вопросы тем, кто говорил по-английски — но не Володе, — чтобы они кратко объяснили мне суть дела. Подробности мне были не нужны, и в каком-то смысле отсутствие лишней информации помогало мне молиться. Я не выпускала из рук чётки. Этим утром, проходя мимо моего сиденья, Володя заметил, что на моих коленях лежат молитвы «Отче наш» и «Богородице Дево» по-церковнославянски, которые он для меня напечатал на машинке, когда был в Париже.

Он на миг улыбнулся и сказал:

— Хорошо, что ты всё время молишься.

Далее нам предстояло попасть в первые ряды очереди, предъявить чиновникам пропуск и попросить, чтобы нас пропустили побыстрее. Но дежурный офицер сменился, и прошлые обещания утратили силу. У нас оставалась одна шаткая надежда: в течение нескольких дней автобус с детьми стоял на маленькой площадке около границы. Если им дадут разрешение пересечь границу и он освободит это место, мы можем его занять и просить, чтобы и нас пропустили. Иначе нам придётся

стоять в очереди. Это может занять несколько дней, и границу могут закрыть в любую минуту.

Ближе к вечеру молодые люди снова собрались на траве, чтобы помолиться. Они сели в круг, и каждый из них по очереди говорил о том, что для него значит Преображение. Я могла лишь сказать, что Иисус явился в славе, чтобы приготовить учеников ко тьме Страстей.

— Мы не знаем, что с нами будет, — сказала я, — но знаем, что Иисус есть Господь. Мы знаем, что Бог нас любит. Мы знаем, что Он здесь, и что бы ни случилось, Он всегда будет с нами.

Мы с Олей Ерохиной подошли к границе. Там было двое ворот на расстоянии примерно в пятьсот метров одни от других, и пешеходам позволяли ходить между ними. Справа от нас лежало большое поле подсолнухов, мы сорвали их и грызли семечки.

Ситуация на дороге становилась всё хаотичней. Теперь тут собралось около полутора тысяч людей. Местные жители расставили на перекрёстке лотки с дорогими безделушками, сигаретами и крепкими напитками. Женщинам стало опасно ходить поодиночке и даже группами без сопровождения мужчин. Утром мы чистили зубы в стороне от автобуса, к нам подъехала машина и двое пьяных парней стали зазывать нас прокатиться. Один из них схватил нашу девушку за руку и потащил к машине, но тут подошёл кто-то из наших мужчин, и парни испарились. А вечером, когда мы возвращались из города, из темноты выскочил мужчина и попытался обнять Иру. Володя шёл впереди, и когда Соня позвала его на помощь, мужчина растворился в ночи.

И вот мы с Олей проходим мимо контрольного пункта и видим, что автобус с детьми исчез! Место освободилось, и наши люди кинулись его занимать. Володя угрозами заставил наших упрямых водителей подогнать автобус через толпу машин к свободному месту. Ещё одно чудо! Мы всё ещё стоим по эту сторону границы, но видим, что Бог нам помогает.

Местный житель предложил нам постели, чистую воду и тёплый душ за весьма скромную плату. Рая спросила, не хочу ли я пойти, но я предпочла остаться с группой. Соня также не желала покидать остальных, но некоторые приняли это предложение, включая мать с ребёнком-инвалидом.

Другая женщина сказала, что мы можем купить у неё свежего молока на ферме в двух километрах отсюда. Мы с Раей, Володей, Соней и Ирой отправились к ней. Мы почти испытывали счастье — я уже привыкла к тому, что наше настроение может меняться почти мгновенно. Даже Володя, который постоянно пытался спасти наше положение с помощью решительных действий, казалось, расслабился.

На ферме мы наполнили две бутылки парным молоком, а третью выпили тут же. У него был чудесный вкус! Ещё одна женщина предложила нам тёплый чай из своего термоса, который она хотела освободить для молока. Уже три дня мы не пили чая, и я чувствовала райское блаженство. Ещё мы вместе выпили бутылку кефира, который мне не нравился в Москве, но тут показался прекрасным.

Мы сидели на скамейке во дворе, освещённом мягким светом, играли с кошками, мы были счастливы побыть вместе и радовались, что Бог заботится о нас. Несмотря на всю неопределённость нашей ситуации, в эти моменты мы обрели покой.

Вернувшись к автобусу, мы испугались, потому что некоторых девушек не было на месте. Несмотря на усталость, Володя и другие мужчины вооружились фонариками и пошли на дорогу. Соня призвала оставшихся помолиться Антонию Падуанскому, который помогает найти потерянное. Вероятно, он оценил наш экуменизм, потому что вскоре нам удалось собрать рассеянное стадо.

На нашем новом месте туалет стал более сложной проблемой. Теперь между нами и лесом простиралось поле, и при этом скоплении людей всё оно было покрыто мусором и коровьим навозом. Поскольку мы не могли отправляться в лес поодиночке, мы старались, как могли, справиться с этой новой проблемой.

День третий

Утро было ужасно холодным. Володя хотел поговорить с дежурным офицером в девять утра, когда открывался пограничный пункт, а в полдевятого все мы собрались у автобуса на утреннюю молитву. В тот самый миг, когда внимание наше ослепело, Рая увидела, что Володя, Сергей и Мария подходят к капитану.

— Скорей, скорей! — закричала она. — Молитесь! Любую молитву!

Мы стали петь «Достойно есть» и «Царице моя преблагая». Мария подбежала к автобусу и запрыгнула в него.

— Она пришла за пропуском! Мы можем ехать!

Не верилось, но это было правдой. Мы кинулись к автобусу.

— Водители! Водители! — закричали все.

С трудом автобус продвигался между машинами, мы преодолели первый пост и остановились перед вторым. Тут мы поняли, что в спешке забыли двух пассажиров. Кто-то побежал искать, пока мы ожидали, когда нас пропустят дальше.

Но не пропустили.

Володя мрачно уселся на своё место рядом с Раей.

— Деньги нам тут помогут? — спросила я тихо. — Доллары?

Володя покачал головой:

— В России это всегда вопрос взаимоотношений. Мы поправились тому капитану. Но не нравимся этому майору. Когда мы ему сказали, что едем молиться, он ответил: «Вот и хорошо, оставайтесь тут и молитесь». Так что нам придётся ждать, пока его не сменит кто-то другой.

И действительно, через полчаса новый офицер поднял шлагбаум, и мы подъехали к таможене — последнему пункту на российской стороне.

Чтобы упростить нашу жизнь, Володя просил нас не покупать ничего на границе. У нас не было с собой алкоголя, и мы заполнили декларации о наличной валюте. Русский пограничник, собиравший наши паспорта, долго и сурово сравнивал мою фотокарточку с моим лицом. Все вздохнули с облегчением, когда он перешёл к следующему пассажиру. Затем мы вышли из автобуса, выгрузили багаж и стали ждать. Прошёл ещё один час. Пограничник вернулся и стал выкликать нас по одному и возвращать нам паспорта, после чего можно было войти в автобус. Дойдя до моего паспорта, он нахмурил брови и прорычал:

— Где ваша американка?

Все засмеялись, и я вышла вперёд, взяла паспорт и быстро залезла в автобус. Там одна девушка обняла меня.

— Наша американка, — тепло произнесла она.

В час дня в пятницу мы уже едем по польскому шоссе. Нам ещё предстоит путешествовать два с половиной дня. После полуночи мы приезжаем во Вроцлав, где большая часть пассажиров располагается на ночлег в приходском зале, а меня с несколькими другими отправляют спать в польскую семью. Меня радует не столько ночное угощение, сколько возможность принять тёплый душ и лечь на настоящую кровать.

День четвёртый

Наша хозяйка разбудила нас в восемь утра, приготовила нам завтрак столь же обильный, как и вчерашний ужин, и снабдила едой на остаток пути.

Чтобы миновать границу с Германией, нам пришлось заплатить сто пятьдесят марок.

После остановки оказалось, что один паренёк отстал. А поскольку автобус не мог развернуться на разделённой автострате, нам пришлось ждать на обочине, пока Володя с двумя юношами не пробежал три километра назад, чтобы найти отставшего.

На другой остановке нас встретила группа молодёжи, расположившаяся на улице, чтобы перекусить. Они поняли по нашему номеру, что мы из России, и тепло приветствовали нас по-русски. Оказалось, что это баптисты, немцы, выросшие в России и вернувшиеся на историческую родину. Они занимались евангелизацией русских солдат, всё ещё стоявших тут. Подарили нам Библии, религиозные книги, а детям раздали шоколадки — и те охотно поделились со взрослыми.

Вечером мы остановились в живописном маленьком городке в Баварии. Нам приготовили ужин в приходском доме, и на столах мы увидели немецкие колбаски, сыры, хлеб из грубой непросеянной ржаной муки, а также пиво, холодные напитки и лёгкие закуски. В отличие от детей, показавших сегодня пример хорошего воспитания, кое-кто из молодых людей собирал всё, что осталось, в свои сумки.

Мы расположились на полу гимнастического зала католической школы, расстелив спальники.

День пятый

Поскольку мы не могли остаться на воскресную мессу в католическом приходе, мы пели песнопения Литургии в автобусе, опустив евхаристическую часть. Соня, сидевшая справа от меня, указывала, что за чем следует, в то время как Володя, стоявший в проходе слева, пел ектеньи глубоким басом.

Наша жизнь стала спокойней, и я могла поговорить с ним о нашем путешествии.

— Ты справлялся с трудностями при помощи гнева? — спросила я.

Он покачал головой:

— Нет, со стороны это могло походить на ярость, но я был абсолютно спокоен. Я должен был всё время оставаться внимательным и не позволял себе расслабиться. Единственную ошибку я совершил, когда поверил пограничнику, обещавшему нас пропустить.

— Это была благодать Божья, много молитвы и упорный тяжёлый труд, — сказала я.

— Такова вся наша жизнь, Мириам. Теперь ты это можешь понять.

Ранним вечером мы подъехали к французской границе. Я шутя сказала, что если Франция, «моя» страна, не будет нас пускать, я верну чиновникам свой вид на жительство. К нашему изумлению, мы пересекли границу даже не останавливаясь! Я настолько привыкла к сложной жизни на Востоке, что начисто забыла о порядках на границах стран Евросоюза.

Мы в иной стране — и в ином мире. В моём сердце живут смешанные чувства, и мне понадобится немало времени, чтобы в них разобраться. Эти люди стали частью меня самой.

И вот на рассвете понедельника мы въезжаем в Тэзе.

Глава четвёртая

«Встань — и иди!»

Стоял один из удивительных розовых вечеров, когда косые золотые лучи заходящего солнца мягко ложились на камни высоких серых домов на набережной Сены.

Париж во всей своей красе.

Я стояла на мосту между Нотр-Дам и правым берегом и чувствовала, что как бы уже распрощалась со всем этим.

Годы, проведённые во Франции, казались мне кульминацией жизни в «Доме Мадонны». Наша жизнь была богата событиями и приносила удовлетворение. Мне нравилось, что меня окружают история и культура; у меня было возможность писать и редактировать. Во время каникул я могла путешествовать по Европе, побывать в Израиле и в нашем доме в Гане.

Все мои мечты осуществились. Но почему же я так часто ощущала пустоту, застой в своей жизни с Богом? Почему я чувствовала, что сбилась с духовного пути?

Путешествие в Москву вернуло меня к центру моего бытия. Оно объяснило мне суть моего призвания куда лучше, чем я могла бы ожидать. Никогда я не была в такой мере чувствительна к духовной реальности. Не потому ли я чувствовала себя в России как дома, несмотря на все противоречия, напряжение и бытовой хаос, с которыми я там столкнулась?

Это не просто какое-то переживание, которое я могу уложить на полочку памяти в категории «опыт путешествий». Это должно было стать важнейшей частью моей жизни. Когда я спросила Бога, что с этим делать, то, похоже, Он сказал: *«Открой своё сердце и люби больше»*.

Духовнику я написала:

Что же произошло со мной в Москве?

Я открыла совершенно новый образ жизни, непохожий на то, что мы знаем на Западе, и поняла, как он формирует людей. И этот опыт был глубоким и сильным потому, что я полюбила этих людей. Любить — это значит себя чему-то или кому-то посвящать. Я сама не знала, что могу быть настолько открытой. Бескорыстная отдача, с которой ко мне относились, породила во мне желание вложить все мои силы в то, чтобы учиться «любить, любить, любить, не считаясь с ценой».

Прикоснувшись к корням нашего апостольского призвания в России, я обрела желание жить жизнью «Дома Мадонны» более радикально — жить в бедности, в большем отречении от материальных запросов и от надобности управлять. Я хочу возвращать это новое понимание призвания и не возвращаться к комфорту прежней жизни.

* Представители мирян, мирянок и священников, вместе отвечающие за «Дом Мадонны».

Я послала трём нашим руководителям* не только свой московский дневник, но и очень личное письмо:

Русских, которых я встретила, не нужно «евангелизировать». Они должны понять, что они не одиноки, и наша готовность им помочь поможет им крепче стоять в своей вере.

Я вижу две реальных нужды. Прежде всего, молодые люди стремятся понять, как связать свою духовную жизнь с повседневностью. Именно святость повседневности — то, что мы называем «назаретской жизнью», — Екатерина вынесла из старой России, и это нужно воссоздать.

Во-вторых, мы можем принести сюда «пустыню». Повседневная жизнь тут полна напряжения и порождает усталость, и я не знаю, как кто-либо может сохранить связь с Богом без времени молчания и уединения.

Из всего, что я написала, должно быть понятно, что в моём сердце произошло важное изменение. Если это угодно Богу, я готова покинуть Париж.

Джин написала в ответ:

Да, нет сомнений, что Бог тебя к чему-то готовит. Твоё сильное чувство присутствия Екатерины указывает на то, что Святой Дух зовёт тебя в какой-то момент отправиться в Россию. Но пока это не должно тебя отвлекать от текущих задач. Будь внимательна к нуждам нашего парижского дома и *молись, молись, молись*.

Я стояла на мосту, купаясь в лучистом вечернем свете, и думала: не схожу ли я с ума? Почему я хочу поменять эту красоту на убожество потрёпанной Москвы?

Москвы? Но если наша община откроет свой дом в России, это будет вовсе не Москва, а Магадан, в 7500 километрах на северо-восток, на берегу ледяного Охотского моря. Этот город был построен Сталиным для управления трудовыми лагерями, находящимися в той области.

Из-за его связи с лагерями в Магадан не пускали иностранцев, и даже русские могли посетить его лишь по специальному разрешению. В 1989 году время этих запретов кончилось, и город начали посещать иностранцы — среди них члены Ротари-клуба из Уайтхорса (Юкон, Канада). Один из них подарил переводчице Альвине Воропаевой книгу «Пустыня».

Альвину воспитала бабушка, член баптистской общины, в Уссурийске, к северу от Владивостока, но советское образование разрушило её детскую веру. Энтузиастка по своей природе, она приняла всё, чему её учили, до той поры как муж открыл ей глаза на противоречия между усвоенной ею риторикой и окружающей действительностью.

После развода с мужем Альвина с сыном вернулась в Магадан, где прошло её отрочество. Жизнь была трудной, но Альвина умела бороться. Она нашла работу переводчика в геологическом институте. К тому времени, когда сюда прибыли члены Ротари-

Альвина Ворopaева

клуба, Альвина подрабатывала переводчиком у иностранных (в основном протестантских) миссионеров, которые стали появляться в городе. Она начала вспоминать о своей детской вере, и когда прочла «Пустыню», в её жизни произошёл решительный переворот.

Альвине захотелось перевести эту книгу на русский. По приглашению Труды Месснер, возглавлявшей отделение «Дома Мадонны» в Юконе, она посетила Уайтхорс и Комбермер. В декабре 1991 года её крестили в часовне «Дома Мадонны». Альвина пригласила Джин Фокс и Марию Явору посетить молодой католический приход в Магадане следующим летом. Будучи в Москве, я говорила с Альвиной по телефону накануне их визита.

Хотя лагеря были закрыты в 1960-х, слово «Магадан» продолжало вызывать ассоциации со сталинскими репрессиями. Русским из других частей страны было трудно себе представить жизнь обычных людей в городе, пробуждающем такие ужасные воспоминания, суровый климат и удалённость которого усугубляли трудности повседневной жизни. И Джин, и Мария явственно почувствовали тут какую-то моральную подавленность, несмотря на человеческое тепло и духовную жажду тех, кто их принимал. Кто-то назвал Магадан «чёрным ходом» России; возможно, это справедливо, но одновременно этот город стоял на родной земле Екатерины.

Мария, как она мне писала, почувствовала, что тут нужно срочно открыть наш дом, и добавила, что будет рада жить со мной в Магадане, «если до этого дойдёт дело». Читая и перечитывая это письмо, я содрогалась.

Боже, пожалуйста, молила я, не посылай меня в Магадан. Я не сибирячка. Это бы значило уйти в изгнание, оставив всё, что я люблю. Но я понимала, что мои симпатии и антипатии тут не играют никакой роли. Если Господь действительно при-

зывает меня покинуть Париж, я не должна указывать Ему на то, чего мне бы хотелось. Бог меня куда-то приглашает. Я могу это принять, могу отвергнуть, но не вправе торговаться.

Меня что-то притягивало — то, чего я глубоко желала и чего не могла обрести своими силами. И когда я стояла над Сеной, глядя на сияющий в закатном свете Нотр-Дам, я поняла: можно иметь больше, только имея меньше. Если я хочу идти вперёд, мне остаётся только шагнуть в неизвестность.

Бог сказал в моём сердце: «*Доверяй Мне*».

Соборность

Приехав следующей весной в Комбермер на ежегодную встречу ответственных, я тотчас же устремила к маленькой хижине, где жила Джин.

— Что с Магаданом? — спросила я, когда мы поздоровались.

— Если мы откроем там дом, мы сделаем Марию ответственной и пошлём тебя и Альму, — ответила она. — Но сначала нам надо обсудить это на встрече. Это должно быть единодушным решением всей нашей семьи. Это состоится лишь в том случае, если у нас будет *соборность*.

Русское понятие соборности Екатерина ввела в духовный словарь «Дома Мадонны» около двадцати лет назад. Она говорила, что это единство ума, сердца и души, к которому призваны все члены общины, когда им нужно принять решение, влияющее на всю семью. Возвращение «Дома Мадонны» на родину Екатерины относилось к категории именно таких решений.

Мы начали обсуждать «русский вопрос» (как его называла Джин) на третьей и последней неделе встречи. Днём всех тех из нас, кто побывал в России, попросили поделиться тем, что они там пережили.

Мария и Джин с чувством рассказали о своём посещении Магадана в прошлом августе. Я говорила о Москве. Двое других рассказали о паломничестве с православной группой два года тому назад: они плыли по Волге и по пути посещали стоящие на берегах монастыри и церкви. Хотя их расстроило то, что им не разрешили присутствовать на перенесении мощей преподобного Серафима в Дивеево, как сперва пообещали, им удалось совершить паломничество к духовному сердцу России.

Это не походило на рассказы путешественников. Каждый из нас говорил из глубин своего сердца, и сердце каждого из нас тронула и преобразила Россия. Мы старались передать опыт присутствия Бога, опыт соприкосновения с корнями нашей миссии и то, что это значит для нашей духовной жизни и нашего призвания.

Когда последний из нас умолк, атмосфера изменилась. Как мне показалось, все участники встречи ощутили силу того, что пережили рассказывавшие. Как будто на нас сошёл Святой Дух.

Когда мы перешли к вопросу об открытии нашего дома в Магадане, некоторые, особенно мужчины, выражали беспокойство в связи с экономической и политической нестабильностью России. Один из священников сомневался в том, насколько католическая община «Дом Мадонны» уместна в преимущественно православной стране.

Хотя мне не свойственно выступать на общих собраниях, я неожиданно поднялась со своего места.

— Наш разговор, — начала я, — касается самой сути призвания «Дома Мадонны». Мы едем в Россию не «обращать» людей, но любить их и в простоте им служить. Екатерина привила нам любовь к православной духовности, и мы дышим «двумя лёгкими» Церкви. Это реальность, и она принесёт свой плод, если мы будем всегда слушать, что говорит Дух. Мы не можем всё запланировать заранее. Нам придётся многому учиться, и мы непременно будем делать ошибки. Но если мы будем стоять перед Богом, сохраняя верность нашему призванию, Он покажет нам, куда двигаться дальше. В моём сердце, — продолжала я, — живёт желание ответить на призыв «встань — и иди!» радикальным образом, без боязни. Может быть, у нас ничего не получится. Может быть, нам даже придётся вернуться домой. Но если мы поедem в Россию, нам не стоит пытаться себя защищать. Мы должны быть готовы отдать всё.

— Мы просто будем пытаться проживать жизнь «Дома Мадонны», — тихо сказала Джин. — Нам надо лишь помогать людям восстановить связь с их христианскими корнями и сказать «да» всему тому, что уже есть, чтобы дать всему хорошему свободу. «Дом Мадонны» — нечто вроде хранилища той веры, которую отняли у людей в ужасный период их истории.

Мария добавила:

— В советской России людей отучили верить и доверять. И им очень важно видеть других, которые живут своей верой.

Отец Пелтон, старший священник, откашлявшись, сказал:

— Для меня есть один самый ясный знак — у нас есть приглашение от католического епископа. И теперь нам надо только договориться с ним о задачах нашей миссии*. Не думаю, что это будет слишком сложным делом.

* Община «Дом Мадонны» открывает свои новые миссии по приглашению местного епископа, с которым община договаривается о конкретных задачах данного дома.

В комнате воцарилась тишина — и эта тишина обладала особым качеством, которое я никогда не встречала прежде. Похоже, что то время, когда мы в молитве слушали Бога и друг друга, удалило не только наши сомнения и тревоги, но и барьеры, отделяющие нас друг от друга. В результате возникло такое единство веры и такое доверие, которое явно создали не мы сами.

И кто-то негромко произнес:

— Думаю, тут у нас есть *соборность*.

Они станут моим народом

После этой встречи я вернулась в Париж. Открытие новой миссии было назначено на сентябрь, а сейчас мне надо было навести порядок, чтобы я могла передать ответственность за дом Терезе. Джин посоветовала мне провести летние каникулы в Москве у Раи и Володи, чтобы активно учиться у них всему, что мне пригодится.

Неудивительно, что этот мой второй визит сильно отличался от первого. В прошлом году я открывала для себя совершенно новый мир, а теперь этот мир должен был стать моим собственным. Однажды утром я стояла на станции метро, глядя на текущую мимо толпу людей, и внезапно меня поразила мысль: «Они станут моим народом!»

Рая с Володей предложили мне посетить Дивеево на праздник преподобного Серафима, но этот замысел осуществить не удалось, как и план посетить Оптину пустынь, и мне казалось, что мне снова нужно просто делить повседневную жизнь с друзьями. Оказалось, что это было хорошей подготовкой к Магадану.

Прошлым летом Рая старалась не отпускать меня в город без сопровождения. В этот раз я отправилась за покупками — сначала вместе с Раей, потом в одиночку. Я научилась брать с собой пластиковый пакет, покидая дом, сравнивать цены и сразу покупать то, что не слишком дорого стоит, потому что, вероятно, новой такой возможности не представится. Я узнала, что конверты можно купить на почте и что всё — от паспортных сборов до коммунальных услуг — оплачивают в отделении государственного банка. Когда Рая пошла регистрировать мою визу в ОВИРе, я отправилась вместе с ней, чтобы увидеть, как это делается.

Когда всего за три дня было объявлено об изъятии из обращения всех денег, выпущенных до 1993 года, из которых можно было обменять на новые лишь определённую часть, я увидела, что на улицах появились необъятные очереди и как возмущённые люди пытались использовать свои деньги, которые вот-вот превратятся в мусор. Невозможно было купить самые необходимые вещи, поскольку некоторые магазины и продавцы отказывались принимать старые купюры, а поменять их на новые ещё было невозможно. Когда один продавец начал возвращать сдачу помидорами, люди либо глядели на него с недоумением, либо смеялись.

Французский священник из католического прихода св. Людовика сказал, что мне не стоит беспокоиться о новом законе, ограничивающем возможности неправославных религиозных общин.

— В России столько поводов для беспокойства, — сказал он, — что если начать беспокоиться один раз, ты уже никогда не остановишься.

Запущенность Москвы поразила меня с новой силой. Краска отслаивалась от домов, тротуары были в выбоинах. В то же время повсюду я могла видеть леса и рабочих, занимавшихся реконструкцией.

Володя сказал мне, что за последние несколько лет только в Москве было открыто двести пятьдесят православных храмов. И когда субботним вечером мы гуляли по городу и ненадолго заходили на всенощную в один храм за другим, мне казалось, что я вижу исполнение пророчества Малахии: *«от востока солнца до запада велико будет имя Мое между народами»* (Мал. 1:11). Это вос-

становление наследия было удивительным, но меня ещё глубже поражали масштабы его целенаправленного разрушения.

Володя организовывал однодневные путешествия для прихожан, и однажды мы вместе поехали в Коломну, находящуюся в двух часах езды на поезде от Москвы. Этот город — историческая сокровищница, большинство зданий в его центре построены в семнадцатом веке. Мы видели церкви на каждой улице. Хотя только в двух из них совершались службы. Володя предлагал нам молиться у каждой её святому. Это разные вещи: стоять перед иконостасом действующей церкви, либо молиться в окружении лесов и стройматериалов, либо обращаться к святому храма, в котором размещён склад. Но самое глубокое впечатление оставила молитва, когда мы стояли в грязи перед руинами храма, перестроенного под фабрику, которая давно была закрыта.

Два-три раза в неделю я посещала с Раей и Володей литургии в их церкви Космы и Дамиана. Год назад службы совершались в маленьком помещении на втором этаже; сейчас типография уже переехала и храмом в целом можно было пользоваться, хотя ещё требовались большие работы для его восстановления.

Меня укрепляли тепло и гостеприимство прихода, в котором два священника и дьякон стремились создать христианскую общину. Они постоянно говорили о необходимости воплощать свою веру в повседневной жизни, без конца повторяя: «Быть православным — значит быть свидетелем».

Когда я представилась диакону Георгию Чистякову и сказала о наших магаданских планах, он просто сказал мне:

— Ваше присутствие важно для нас.

Дух храма Космы и Дамиана, отражавший дух отца Александра Меня, не был типичным для православных приходов. Я познакомилась и с другой крайностью, когда однажды вечером, во время прогулки по городу, мы забежали в маленькую церковь, чтобы укрыться от дождя.

Шла вечерняя служба. Я уже знала, что женщины в православных храмах покрывают голову, и потому привыкла носить с собой платок. Я надела его и тихо стояла сзади, и на меня накатывали волны общей молитвы.

За нами наблюдала женщина в чёрном лет сорока. Вскоре она подошла ко мне и спросила:

— Вы верите в Бога?

— Да, конечно, — ответила я.

— Но вы не православная.

— Нет, я католичка.

Она произнесла что-то, что я не могла понять.

— Простите, я просто хочу помолиться, — сказала я мягко.

— Тогда надо молиться правильно и креститься по православному! — выпалила она и отошла от меня.

Посещая православные церкви, я хотела одновременно и оказывать уважение, и оставаться собой. Покрыть голову — это казалось мне знаком вежливости, но я продолжала креститься слева направо. Да, это сразу показывало, что я принадлежу к Католической церкви, но почему я должна притворяться кем-то ещё?

Я сказала себе: если я намерена жить в этой стране, мне стоит привыкнуть к подобным инцидентам. Я пыталась принести свою боль как искупление за грехи и католиков, и православных. Разве это не вопрос любви? И не только любви к прихожанам Космы и Дамиана или людям, которых я считаю своими, но и к тем, кто меня отвергает.

Володя сказал:

— Как ты крестишься — это твой язык. В русской деревне ты не говоришь по-английски, если хочешь, чтобы тебя поняли. Если ты хочешь говорить на католическом языке, тебе нужен переводчик, который объяснит, что ты просто иностранная туристка. Иначе твоя манера креститься может показаться людям провокацией.

Я спросила Раю:

— Как вы справляетесь с этим напряжением? Оно же никогда не прекращается?

— Живёшь себе и живёшь, — ответила мне она.

Неожиданное напутствие

Вернувшись в Париж в начале августа, я продолжала готовиться к отъезду. Однажды мы с Терезой пригласили к себе на ужин Ива Амана, автора знаменитой биографии отца Александра Меня. Ив Аман — практикующий католик, которого в 1990 году пригласили на Синод епископов Европы как эксперта из

мирян, — служил атташе по культурным связям во французском посольстве в Советском Союзе, а теперь преподаёт в Парижском университете. Глядя на его скромные манеры, никто бы не догадался, каким почётом он пользуется как специалист по России.

Мы обсуждали сложности православно-католических отношений в Москве, и я сказала:

— По крайней мере, мы сможем забыть об этих конфликтах в Магадане.

— Там вы столкнетесь с точно такими же конфликтами, — ответил он.

Он подчеркнул, что нам очень важно представиться тамошнему православному епископу и убедить его в том, что мы приехали не заниматься прозелитизмом, но молиться и служить людям.

Когда мы прощались, он повернулся ко мне и сказал:

— Я всегда испытываю беспокойство, когда слышу о католических общинах в России. Но после нашего с вами разговора я могу искренне сказать, что не только спокоен за «Дом Мадонны» в Магадане, но и счастлив, что он там будет.

Глава пятая

«Дом Мадонны» в Магадане

23 сентября 1993 года около полуночи полупустой самолёт Аэрофлота из Анкориджа прибыл в маленький аэропорт Магадана. Старенький автобус доставил Марию, Альму, меня и других пассажиров к потрёпанному терминалу, где таможенники осмотрели содержимое девяти наших чемоданов. Нас встречала — со слезами, с цветами и с распростёртыми объятиями — Альвина Воропаева и миловидная молодая особа по имени Лиля.

В течение трёх лет Альвина с надеждой молилась об этом и пыталась убедить всех, кого могла, — священника католического прихода в Магадане, епископа сибирских католиков, руководителей «Дома Мадонны», — что духовная семья Екатерины Колышкиной де Гук Дохерти должна вернуться на родину её основательницы через сей малоприятный вход. И теперь Альвина сама не могла поверить, что это свершилось. Как, впрочем, и мы.

Пока шофёр загружал наши вещи в багажник микроавтобуса, мы расположились в машине и приготовились к пятидесятикилометровому пробегу сквозь ясную холодную ночь. Альвина щебетала по-русски, я одна могла её понять. Чешское происхождение Марии и природная восприимчивость восполнили бы недостаточность формального обучения языку, но нынче она утомилась и не могла сосредоточиться. Альма же, для которой язык был всегдв проблемой, устремила взор в окно.

Въехав в город, мы свернули на Пролетарскую, одну из самых оживлённых улиц Магадана. В отличие от Москвы, где

вдоль домов растут деревья, тут мы увидели лишь несколько маленьких лиственниц. В этот поздний час улица была пуста. Убогие утилитарные здания даже без намёка на красоту...

Ближайшие три недели нам предстояло жить в двух комнатах дома, три этажа которого занимал банк, а на четвёртом и пятом была гостиница. Один из администраторов этой гостиницы, член католического прихода, предложил нам пожить тут бесплатно, пока не найдём себе жильё.

Маленький, но подтянутый сторож помог донести нашу тяжёлую поклажу по четырём пролётам лестницы. Следуя за Альвиной, мы прошли через грязноватый вестибюль, где нам кивнула дежурная, и спустились в тускло освещённый холл, в который выходили двери наших комнат. Альвина вместе со своими друзьями из прихода приготовила наше жильё с любовью: тут были тарелки, столовые приборы, кастрюли и сковороды, консервы и всякие-разные съестные припасы. На горячей плите стояла кастрюля с супом, но мы слишком устали, чтобы есть.

Альвина с Лилей попрощались и ушли. Мы соорудили постели, засунув свои одеяла в русские пододеяльники, и скоро заснули.

Мы пробудились ото сна сияющим хрустальным утром. Через окно Альма и я разглядывали сталинский цементный город. Повсюду сплошь пятиэтажки, когда-то белые. По улице спешили принаряженные люди. Вдалеке со всех сторон виднелись сопки, которые, как нам объясняли, «выше холмов, но ниже гор». Они были бурыми с сединой – в Магадан вошла стареющая осень.

Мы радовались тому, что поселились в гостинице для русских, а не для иностранцев. Комнаты предназначены были не только для сна, но и для еды и общения. Определили, что одна будет спальней, а другая – гостиной, и уж почти навели некий порядок, когда зашла подруга Альвины Римма с девятилетней дочкой – показать нам город.

Сперва, поднявшись по крутой и длинной улице, мы посетили православную церковь Святого Духа. Сияющий белизной храм с голубой изразцовой кровлей и золотыми куполами, как знак надежды в этом блеклом городе. Когда мы вошли, в храме

Магадан

совершалось крещение, а затем пожилая женщина в чёрном платье и платке приблизилась к нам и с нескрываемой радостью обняла Марию, Альму и меня. Оказалось, это староста. Она уже познакомилась с Марией в прошлом году и была рада её снова видеть.

Выйдя из церкви, мы столкнулись с матушкой Параскевой, которая тоже встречалась с Марией и Джин год назад. Приземистая и полная матушка, также одетая в чёрное, говорила высоким, как у девочки, голосом, а глаза её сияли, и в них было что-то детское. Её сын Серафим выглядел как подросток, изо всех сил старающийся походить на взрослого. Они были старообрядцы.

Продолжая наш путь по выщербленной бетонной мостовой среди крышек люков, на которые Римма советовала не наступать, попутно заходили в магазины, чтоб посмотреть, что там продают. По витринам ничего нельзя было понять, вывески были лаконичны: «Продукты» или «Товары». Мы отметили один, в котором торговали разными сортами рыбы по разумным (как нам показалось) ценам.

Магадан стоит на сопках, и после пары часов восхождений и спусков мы были готовы пообедать и отдохнуть. Римма повела нас обратно в отель по улице Ленина, на которой здания, построенные японскими военнопленными после войны, отлича-

лись некоторым изяществом. Лиственницы, растущие вдоль улиц, уже лишились своих игл.

Альвина позвала нас к себе на ужин. Её двухкомнатная квартира находилась в пяти минутах ходьбы вверх по сопке от нашей гостиницы. К нашему удивлению, нас ждал прекрасно сервированный стол и семь-восемь других гостей, которые специально приоделись по такому случаю. Альвина не предупредила нас, что намечается вечеринка, и потому мы не переменяли одежду, которую носили весь день, но, похоже, абсолютно никого (кроме нас) не смущало это несоответствие. Важно было, что мы пришли, и наша застенчивость быстро улетучилась под действием тепла собравшихся подруг Альвины из её прихода. Кто-то достал бутылку шампанского, и все не раз произносили тосты «за „Дом Мадонны“».

Покупаем квартиру

Поскольку домовладельцы, сдающие жильё внаём, берут с иностранцев побольше, считая их богачами, нам посоветовали купить квартиру. Альвина следила за газетными объявлениями, и после еды мы пошли посмотреть одну квартиру, которая продавалась. Она находилась в квартале, построенном в сталинские годы, и состояла из трёх просторных комнат с прекрасными встроенными деревянными шкафами, хотя кухня там была крохотной. Мы решили, что это чересчур элегантно для нас.

На второй день нашего пребывания в Магадане Лиля (молодая женщина, встретившая нас в аэропорту с Альвиной) показала нам другую квартиру неподалёку от нашей гостиницы. Дородный мужчина лет тридцати с небольшим, которого звали Михаилом Тимофеевичем, открыл нам дверь и показал помещение. Там также было три комнаты, туалет, ванная и кухня средних размеров — последнее было очевидным преимуществом по сравнению с той квартирой, что мы осматривали прошлым вечером. Был также застеклённый балкон с верёвками для сушки белья. Лия объяснила нам, что зимой лоджии тут используются как морозильники, а летом — как парники. Квартира была в весьма приличном состоянии, а обои, которые отставали от стены, можно было легко подклеить.

Но это было ещё не всё. Михаил Тимофеевич предложил последовать за ним. Мы вышли из квартиры и вошли в дверь в стороне от главного входа, спустились в тёмный, продуваемый сквозняком коридор и подошли к мощной металлической двери с висячим замком. За ней находился подвал, в котором можно было держать вещи и продукты. Люк в полу вёл в погреб, где хранили картошку и другие овощи.

Это был привлекательный вариант. Мы пошли посоветоваться с Альвиной и потом осмотреть ещё одну квартиру по объявлению. Она помещалась на краю города около бухты Нагаева, где строилось несколько новых домов. Мы с трудом нашли нужную квартиру, и атмосфера этого места нас насторожила. Когда мы стояли на тротуаре, пытаясь сориентироваться, из окна дома вылетела пустая бутылка и разбилась у наших ног. Где-то через минуту за ней последовала вторая бутылка.

— Похоже, это место не для нас, — сказала Мария.

Мы вернулись к Альвине. Она позвонила Михаилу Тимофеевичу сказать, что мы покупаем его квартиру, и договорилась с ним встретиться у неё дома следующим вечером, чтобы обсудить детали.

Сказать «наши головы кружились» было бы недостаточно сильным выражением. Это был наш второй день в России, и мы уже собирались приобретать недвижимость. Мария, которой нужно было подписывать необходимые бумаги, ещё почти не умела написать свою фамилию кириллицей.

Мы ничего не знали о соответствующей процедуре. Могут ли иностранцы вообще приобретать собственность? Альвина позвонила секретарю прихода, и мы узнали, что с этим проблем не возникнет.

В воскресенье вечером мы, как и договаривались, встретились с Михаилом Тимофеевичем у Альвины. Он согласился подождать до четверга, чтобы мы могли обменять доллары на рубли. Когда мы втроём удалились на кухню, чтобы посоветоваться наедине и помолиться перед принятием окончательного решения, Михаил Тимофеевич решил, что мы испугались и откажемся от покупки. Альвина прервала наше совещание, сказав, что он уходит, и Мария поспешила его остановить.

В среду мы обменяли шестнадцать тысяч долларов на рубли, а на следующий день Альвина отвела нас в нотариальную контору, где Михаил Тимофеевич стоял в очереди с полпятого утра. Когда мы ждали вместе с ним в узком тускло освещённом коридоре, выяснилось, что он не может продать квартиру без письменного согласия жены, являвшейся совладелицей. Она с детьми уже обосновалась на Украине, согласие можно было выслать телеграммой, и нам пришлось ждать ещё один день.

В пятницу мы вернулись в нотариальную контору с телеграммой, но нотариус отказался принимать документы от Альвины, потому что её диплом переводчика был выдан на её девичью фамилию, а в её российском паспорте стояла фамилия мужа. Альвина побежала домой позвонить своей подруге, также переводчице, которая пришла со своим дипломом. В её документах тоже были неправильности, но Михаил Тимофеевич сумел направить нас к не столь дотошному другому нотариусу. Нам нужно было сбегать ещё в одно место, чтобы заплатить налог на продажу, а затем вернуться и завершить процесс покупки. Мария аккуратно написала свою фамилию по-русски, и мы подарили нотариусу бутылку шампанского, которую Михаил Тимофеевич посоветовал нам купить в ближайшем киоске.

Вернувшись в квартиру, которая стала нашей собственностью, мы передали торжествующему Михаилу Тимофеевичу деньги, а он вручил нам ключи. Он ушёл, а мы с Альвиной остались в магаданском «Доме Мадонны»! Мы стали на колени в комнате, которая, как мы уже решили, будет часовней, и возблагодарили Бога.

В течение следующей недели продолжали жить в гостинице, а днём мыли квартиру, белили потолки и покупали самую необходимую мебель. Нашу гостиницу собирались закрывать, и потому мы могли тут очень дёшево купить почти всё необходимое.

Столица Колымского края

Магадан находится между двумя бухтами: Гертнера на востоке и Нагаева на западе. С начала 1930-х и до смерти Сталина в 1953 через Нагаеву бухту поступали заключённые, которым

Магадан. Бухта Нагаева

предстояло работать и умирать в Колымской области, — более трёх миллионов людей прошли через эти ворота. В течение нескольких лет после нашего приезда всё, что мы видели, пробуждало в нас подобные ассоциации. Пни на сопках напоминали нам о женщинах, которые зимой валили берёзы и сосны при температуре минус пятьдесят. Колымская трасса, что ведёт из Магадана на север и покрывает более тысячи километров, молчаливо свидетельствовало о заключённых, из которых один погибал после каждых десяти новых метров проложенной дороги. Эта трасса в буквальном смысле слова стоит на костях. А дом, в котором мы купили квартиру, находился на месте, где раньше был женский лагерь.

Гигантский памятник Ленину колоссом возвышался в центре города над необозримой площадью, которую сбоку подтыкала ныне заброшенная циклопическая постройка о шестнадцати этажах — бывший будущий обком КПСС. Через семь лет статую тихонько перевезли в укромное место, а недоделанное здание демонтировали до второго этажа, ставшего фундаментом величественного православного собора.

Магадан был административным и образовательным центром многих населённых пунктов, выросших вокруг лагерей

и переживших их закрытие. С 1960-х годов государство предоставляло особые льготы смельчакам, готовым осваивать Дальний Восток несмотря на его климат и удалённость. Сюда отправлялись тысячи геологов и людей других профессий. К 1989 году население города достигло 152 тысяч.

После падения советской власти центр уже не мог давать субсидии этому региону. К моменту нашего приезда в 1993 году сотни семейств переехали отсюда на «материк», как тут называют всю остальную Россию. Нередко возле жилых домов мы замечали огромные контейнеры, в которые грузилась мебель и другие вещи, в том числе автомашины. Эти контейнеры морем доставлялись во Владивосток, а потом они по железной дороге путешествовали по Сибири. Кроме того, нам приходилось видеть въезжавшие в город по колымской трассе грузовики, набитые вещами людей, которые переселялись в город из умирающих окрестных посёлков.

Обустроиваемся

Пятиэтажный дом, в котором мы жили, был защищён от шума машин на оживлённой Пролетарской улице двумя другими пятиэтажками, между которыми располагались дворы. Из окна кухни был виден обширный государственный детский сад. Перед нашим домом располагались средняя школа № 30 и городское хоровое училище. И со всех сторон нас окружали многоэтажки, а за ними высились сопки и горы.

Поскольку почти каждый день мы возвращались домой, обвешанные покупками, мы радовались тому, что наша квартира на втором этаже. Самая большая и самая светлая комната стала гостиной и библиотекой. Вместо стандартного набора из софы и стенки мы составили в центре комнаты два стола и вокруг них поместили стулья. Позже, когда мы узнали о существовании маленькой мебельной фабрики, заказали книжные полки, которые занимали всё больше пространства у стен по мере роста нашей русской библиотеки.

Другая комната, с балконом, была поменьше. Тут мы расположили три кровати и тумбочки, платяной шкаф с вешалками для одежды и большой деревянный стол. Здесь мы спали и занимались конторской работой. Нам нравились российские

ящики на колёсиках, задвигавшиеся под стол, и одеяла с пододеяльниками. Одежда, которой мы не пользовались, лежала в чемоданах в ногах кроватей, а под койками, по совету Альмы, мы поместили выдвижные коробки. Когда посещали русские дома, мы всегда обращали внимание на то, что русские держат личные вещи не на виду, и старались подражать их аккуратности.

Третья комната стала часовней. Этот духовный центр нашего дома обустроивался на протяжении нескольких лет: мы заменили голубые обои с узорчиками на светлые с текстурой, а вместо пластикового столика установили деревянный алтарь, заказанный нами на магаданской мебельной фабрике. На пол постелили найденный нами восточный ковёр, и повесили шторы из ткани, купленной во время поездки в Новосибирск. Долгое время мне было трудно молиться перед бумажными иконами Господа и Богородицы, висевшими на стене по обе стороны от распятия. Хотя это были репродукции икон, висевших в келье преподобного Серафима, мне не нравился этот западный стиль иконографии. Но к тому времени как один из наших друзей заказал настоящие иконы для нашей часовни, я уже научилась глядеть глубже, не считаясь со своими эстетическими предпочтениями.

Мы переехали из гостиницы девятого октября. Один канадец, с которым нас познакомила Альвина, помог нам погрузить сумки и купленную мебель на его большой «форд» с кузовом.

В тот день начал падать первый снег. Затем тот человек сделал второй рейс, чтобы забрать мебель, которую мы купили у одного прихожанина, переезжавшего в Москву.

Мы были счастливы заснуть в собственном доме и легли в постели в спальнях мешках, укрывшись каждая двумя одеялами и положив под головы наволочки, набитые чем попало. Но как только мы начали засыпать, нас разбудила громкая музыка из соседней квартиры – настолько громкая, что кровати под нами дрожали. Беруши не помогали, а музыка продолжала играть почти до четырёх утра. Это стало частью нашей жизни и продолжалось каждую мучительную ночь в первый год.

В прошлом году, когда Альвине не удалось принять у себя Джин и Марию, тележурналисты Элла и Василий Остапенко от-

крыли для двух американок свой дом и свои сердца. Эта встреча поменяла жизнь русской семьи, которая видела в Джин и Марии воплощение Божьей любви. В свою очередь, Джин и Мария были тронуты гостеприимством Эллы и Василия и их духовной жадной. Так возникла глубокая дружба, в круг которой затем вошли и мы с Альмой.

Русская мебель разбирается на части, и при каждом переезде её разбирают и снова собирают. Элла с Василием помогли собрать наши кровати, столы и шкафы. Вместе со своими друзьями Димой и Женей они трудились все выходные, чтобы помочь нам обустроить наш дом.

Среди знакомых Альвины был человек по имени Эльбрус, названный так в честь самой высокой горы Кавказа. Он работал геологом в том же институте, что и Альвина. Однажды он пришёл к нам вместе со своей коллегой Татьяной и спросил, чем они могут нам помочь. Он принялся собирать кухонный шкаф, купленный нами в мебельном магазине, а Татьяна, талантливая швея, сделала для нас шторы и тюлевые занавески.

Когда мы впервые были на приходской мессе, к нам подошла учительница английского, дававшая частные уроки, и предложила любую помощь. Инна оказалась для нас бесценным источником практических сведений. Она стала нашим ангелом-хранителем, и у неё был дар появляться точно в нужную минуту.

Первое неприятное приключение произошло с нами на первой неделе жизни в нашей квартире. Мы мыли всё, что могли, и не знали, что каждый раз, когда мы выливаем ведро в ванну или раковину, вода из протекшей трубы течёт по стене недавно отремонтированной кухни наших соседей снизу. Эти соседи были к нам очень добры, возможно, потому что мы «американцы» и ничего не понимаем. Инна позвонила в домоуправление и тоже упомянула, что мы – американцы. Явно, только таким образом можно было чего-нибудь добиться.

На следующий день в дверь к нам позвонили двое не слишком трезвых мужчин. Они говорили так быстро, что сначала мы просто не поняли, чего они хотят, но тут вовремя появилась Инна, которая объяснила, что они пришли делать ремонт. Они исправили трубу на другой день, нанеся лишь незначительный ущерб стене нашей кухни.

Девятого ноября, ровно через месяц после нашего переезда, приходской священник отец Остин Морбахер отслужил первую мессу в нашей маленькой часовне. Он положил Святые дары в маленькую деревянную дарохранительницу, которую с любовью сделали для нас братья из «Дома Мадонны» и которую мы привезли с собой из Комбермера. Пришла Альвина, и мы молились вместе.

Засыпая этой ночью, мы могли видеть через открытую дверь красные отблески электрической лампочки в дарохранительнице. Таинственное присутствие Господа мы ощущали как благодатный дар. Все эти годы в Магадане мы продолжали чувствовать защиту и действие этого явления в нашей жизни и в жизни тех, кто к нам приходил. Поклонение Святым дарам и Евхаристия были главными источниками нашей духовной силы.

Учимся жить в России

С самого первого дня в Магадане, когда Римма с дочкой показывали город, нам было ясно: Господь хочет, чтобы мы как можно больше участвовали в жизни Его народа. Мы также понимали, что если двери нашего дома действительно будут открыты в любое время дня и ночи, необходимо, чтобы Господь расширил наши сердца. Для каждой из нас это было неповторимым духовным странствием.

Воля Божья являлась в каждом мгновении. Звонят в дверь — приглашаем зайти. Если мы в это время ели, ставим ещё одну тарелку и усаживаем с нами. В другое время предлагали гостям чай со сладостями, какие у нас были. Мы вскоре поняли, что традиция гостеприимства «Дома Мадонны», которую привила Екатерина, прямо связана с её русскими корнями.

К нам никогда не приходили с пустыми руками: приносили шоколадки, выпечку, сахар, иногда наволочки или ещё какие-то вещи, которые, по мнению посетителей, могли нам понадобиться. Альвина рассказывала им о нашей жизни в «Доме Мадонны», но мы поняли, что приходить с подарком, хотя бы скромным, — это русская традиция.

Мы учились у друзей, как жить в России. Учились всему: как и где делать покупки, как заклеивать окна для защиты от лед-

нящих ветров, как замораживать бруснику на балконе, чтобы зимой есть витамины, и где оплачивать ежемесячные счета. Секретарь и помощница отца Остина показывала, как оформлять бесконечную бумажную канитель.

Много времени и сил уходило на поиск необходимых вещей для дома. Положение в городе было нестабильным, и наши друзья и сами не знали, где найти то, что нужно. Простейшая покупка туалетной бумаги становилась достижением.

Люди ценили, что мы едим такую же еду, что и они сами. Инна пришла помочь квасить капусту, другие научили готовить борщ, котлеты и пельмени. Элла принесла морскую капусту и показала, как с нею обращаться. Она сказала, что в ней много железа и она будет важной добавкой к нашему рациону.

Часто к нам заходила Людмила, работавшая фармацевтом, чтобы посмотреть, как мы поживаем. Хотя мы любили глядеть на двор из окна кухни, её беспокоило, что у нас нет занавесок и что люди с улицы также могут глазеть на нас. Однажды она измерила наши окна, вышла и вернулась со светлой тканью, снова оглядела наши окна и распрощалась. На другой день она пришла с парой сшитых ею занавесок.

Нас часто посещала Татьяна Кононова с девятилетним сыном Кириллом. Этот мальчик прислуживал священнику во время мессы. В прошлом году Татьяна пристроила сына помогать в раздаче гуманитарной помощи прихожанам, «чтобы он увидел, как живут другие». Однажды, зайдя на мессу, он заметил сияние, окружающее отца Остина. Через несколько месяцев он крестился в Католической церкви. Вскоре его примеру последовали мать и старший брат. Таня преподавала в младших классах и была объявлена лучшим учителем города. Она часто заходила к нам, чтобы поработать над нашим русским языком.

Через какое-то время после нашего приезда Вероника и её дочь Нелли, работавшая врачом, пригласили нас в двухкомнатную квартиру, где Нелли жила с двумя дочерьми-подростками. Муж Нелли был убит прошлым летом. Литовка Вероника попала в Магадан в 1949 году как политическая заключённая. В эти ужасные годы ей помогла жить её христианская вера.

— У меня нет счастливых воспоминаний о тех днях, — откровенно поведала она.

Вероника

Лагеря необратимо подточили её здоровье, но ни возраст, ни болезни, ни метели, ни скользкие оледенелые тротуары не мешали ей посещать мессу по воскресеньям.

Нина и Надя сводные сёстры. Они к нам часто заходили, поскольку основанная ими музыкальная школа находилась буквально в соседнем доме. Надя руководила школой, а Нина преподавала вокал. Её хор из учеников старших классов пел на воскресных литургиях.

Как-то раз в воскресенье после мессы Нина пригласила нас к себе на обед. Я описала этот визит в своём дневнике:

На автобусе мы с Надей отправились все вместе в отдалённый район, где у Нины однокомнатная квартира. У неё два сына. Один живёт с женой и детьми в Санкт-Петербурге. Второй, Толя, живёт с матерью. Ему восемнадцать, скоро в армию.

Надин муж судовой механик, месяцами в плавании. Их утлые судёнышки малы, их сильно швыряет на волнах. Но даже когда суда стоят в гавани, многие из команды остаются на борту: их семьи живут в дальних посёлках, а доехать не на что. Жалования моряки не получают, но иногда им подбрасывают деньги, которые они тут же пропивают.

— Вот так эти здоровенные мужики становятся алкашами, — подытожила Надя.

Когда мы вышли из автобуса, Надя по пути зашла в магазин, чтобы купить цыплят на обед.

Надя и Нина вместе готовили еду, а мы с живейшим интересом, теснясь на крохотной кухне, где были также собака и кошка, наблюдали за приготовлениями.

Нина извинилась, что у неё есть только вилки и ложки и разномастные тарелки. Она поставила на стол бутылку молдавского вина. Ей пятьдесят три, и она имеет право на пенсию, но ей приходится трудиться на двух работах, потому что из-за инфляции её пенсии не хватит на жизнь. Люди постоянно говорят нам, что в России все становятся бедными.

Хотя она выглядела усталой, Нина просила нас побыть у неё, сколько хотим.

— От вас исходит какая-то чистота, — сказала она. — И когда вы здесь, это приносит покой. С вами так легко общаться.

Каждый, кого мы тут встречаем и к кому проникаемся любовью, живёт с неразрешимыми проблемами. Мы слушаем их в нашей бедности — эта бедность связана не только с незнанием языка, но и с тем, что мы другие и приехали из иного мира. Мы не можем отвечать словами — только любовью и молитвами.

Великий и могучий

Напряжённость русской жизни и то, что нам приходится учиться всем мелочам, усугубляется плохим знанием языка. Это, несомненно, самое мучительное в нашей здешней жизни. При выполнении любой задачи и при встрече с любым человеком приходится искать правильные слова. Каждый вечер мы в изнеможении падаем на кровати. Когда у нас гости и разговор затягивается, Альма порой оставляет попытку понимать и засыпает прямо за столом.

Я говорю и перевожу больше всех нас, но Мария, благодаря своему славянскому происхождению и, что ещё важнее, глубокому умению слушать, часто понимает людей лучше, чем я. Альма довольна уже тогда, когда ей удаётся сказать «здравствуйте» или «до свидания» вовремя, но для наших русских друзей куда важнее её широкая улыбка, её безграничное гостеприимство и готовность прийти на помощь в любой ситуации и в любой момент.

Несколько человек, включая Инну и Таню, решили позаниматься с Марией и Альмой русским. Однако изучению языка сильнее всего мешало то, что в нашей жизни было слишком много дел и у них не оставалось времени на учёбу.

Никто из наших друзей, кроме Альвины и Инны, не говорил по-английски, и в конечном итоге это пошло нам на пользу: приходилось использовать те слова, что мы знаем, восполняя недостающие интуицией и смехом. Наши друзья терпеливо и добродушно сносили, как мы терзаем их прекрасный язык. Мы были благодарны тем из них, кто мог говорить просто и чётко, так чтобы мы могли их понять, и поражались их способности переводить наши неправильные предложения на язык, понятный всем остальным.

Мы совершенно не знали, что делается в мире. Тогда у нас не было телевизора и, хотя на кухне было радио, которое тут висит в каждой квартире и передаёт официальные программы, мы не могли его понимать. В первые дни октября, когда ещё жили в гостинице, мы заметили, что все жадно смотрят телевизор, и узнали, что в Москве происходит какое-то столкновение между Ельциным и российским парламентом. Лишь позднее мы поняли, насколько серьёзно всё обстояло, так что иной исход событий мог бы быстро прервать жизнь «Дома Мадонны» в России.

Рождение католического прихода

В 1992 году, когда Магадан посетили Джин и Мария, воскресные мессы служили на третьем этаже того самого здания, где располагалась наша гостиница. Теперь, год спустя, прихожане собирались в кинотеатре, пока не будет отремонтирован зал на четвёртом этаже большого плохо отапливаемого здания на улице Горького, куда от нашего дома можно было дойти меньше чем за четверть часа. Этот зал был открыт в ноябре 1993 года, и старики, в большинстве своём с артритами и одышкой, безропотно взбирались по неровным ступенькам на четвёртый этаж, чтобы участвовать в мессе.

Мы скоро поняли, что в Магадане словом «церковь» называют не здание, но общину верующих. Приходская община приняла нас и стала для нас неиссякаемым источником воодушевления и поддержки.

В те годы Католическая церковь, все административные структуры которой в советской России были упразднены, переживала эпоху восстановления. В 1993 году были рукоположены два епископа, которых назначили апостольскими администраторами, соответственно, для Европейской России и для Сибири и Дальнего Востока. Обе эти территории огромны. И всё надо было воссоздавать заново. Поскольку до революции на богослужении католики использовали латынь, все литургические тексты пришлось переводить на русский. Пока эксперты кропотливо работали над каждым словом, один студент Магаданского университета переводил с английского как мог для отца Остина к каждому воскресенью нужные богослужебные отрывки.

Бескрылая индейка

Марии пришло в голову отпраздновать наше официальное открытие шестого декабря – католики в этот день отмечают память святого Николая, которого так любят в России. Отец Остин Морбахер подарил нам к этому дню замороженную индейку, которую он только что привёз из Анкориджа. Мы пожарили её накануне, и когда достали индейку из плиты, она источала такой неотразимый аромат, что мы не выдержали и тут же сожрали её крылышки!

В день нашего праздника мы пришли на полуденную мессу и там узнали, что богослужение перенесено на вечер, причём оно состоится в нашем доме! Поскольку нам не хватало умений делать нужные вещи быстро, это потребовало от нас спешных дополнительных приготовлений.

Ближе к вечеру друзья начали приносить нам лакомства для чая после службы. Мальчик Кирилл, придя из школы, обнаружил на нашем столе пирожки. Он надкусил один и мигом выплюнул, сказав, что у него смертельная аллергия на рыбу. Нас попросил не беспокоиться: он скажет, если ему станет плохо.

К семи вечера в нашей часовне собралось около тридцати человек. Дети сидели на полу, а взрослые не без труда расселись на стульях и табуретках. Последним пришёл отец Остин. Мы зажгли свечи Адвента, и батюшка отслужил чудесную

мессу, где все собравшиеся пели песнопения — не те, которые мы подготовили, но те, что запевали усердные приходские музыканты.

После службы отец Остин осыятил столько воды, что каждый желающий мог взять её домой. Мы ходили по всей квартире, и он с удовольствием окропил каждый её угол. Под конец мы оказались в гостиной перед нашей иконой Казанской Божьей Матери, где спели «Богородице Дево» — православный гимн, который мы часто исполняли в «Доме Мадонны».

Мария обратилась к собравшимся с кратким приветственным словом:

— «Дом Мадонны» — это дом Богородицы, а значит, это также и ваш дом. Приходите к нам, когда сможете, — мы будем вам рады. Приходите помолиться. Приходите обрести покой в сердцах Господа и Его Матери.

Она поблагодарила всех за доброту и помощь, и мы раздали бумажки, на которых было написано чьё-то имя — мы просили каждого молиться за того, чьё имя ему достанется.

Еда исчезла в тот же миг, как её подали на стол. Мы трое были так заняты, что не успели поесть, и радовались, что съели крылья индейки накануне!

В разгар праздника на кухню вбежала испуганная Альвина с криком:

— Александр умирает на постели Мириам!

Кто-то вызвал скорую помощь, и в тот самый момент как отец Остин совершал помазание больной, в спальне появились трое в белых халатах, которые вошли в квартиру без звонка. Александре стало лучше, и она смогла отправиться домой в сопровождении двоих гостей. Я была так занята посетителями в гостиной, что даже толком не поняла, что произошло.

Около девяти гости начали расходиться. Но когда мы думали, что теперь можем побыть втроём и набраться новых сил, а также убрать в доме, пришли двое новых друзей с букетом огромных хризантем. Мы подали на стол остатки еды и посидели с ними. Затем вернулись две женщины, провожавшие Александру, и посидели до полдвенадцатого.

Решив отложить уборку на завтрашнее утро, мы свалились от усталости, предчувствуя, что люди могли понять слова

Марии «это дом Богородицы, а значит, это также и ваш дом» совершенно буквально.

Поминовение усопших

С каждым днём слабое декабрьское солнце восходило всё ниже над горизонтом. Снега было мало, но заглодало до минус двадцати пяти, и из-за студёного ветра мы часто промерзли до костей. Мы стали привыкать к сильному ветру, который почти сбивал нас с ног на углу нашего дома. Было нелегко держаться прямо, ходя по обледеневшим тротуарам и мостовым. Иногда, поскользнувшись, кто-то из нас падал, но, к счастью, обошлось без серьёзных травм.

Под нами в однокомнатной квартире на первом этаже жила Маргарита с тремя компаньонами: Тамарой, Васей и Митей. Все они были алкоголиками. У Маргариты были короткие седые волосы, живые голубые глаза и испорченные зубы. Мы не знали, в какой час дня или ночи она поднимется к нам, но если она появлялась рано утром, то это обязательно был именно тот день, когда мы решили выспаться. Иногда она приходила чего-нибудь попросить, а порой приносила солёную рыбу или вкусную снедь из овощей. Когда мы вместе пили чай, покатывались со смеху от её рассказов.

Рано утром шестнадцатого декабря Маргарита прибежала к нам, чтобы вызвать скорую. Накануне, когда никого дома не было, Тамара выпила две бутылки корейской водки. Маргарита, пришедшая после полуночи, нашла её распростёртой на полу и положила на постель. К утру Тамара была мертва.

Мы спустились к Маргарите, прихватив с собой святую воду и православный молитвослов. Тамара лежала на постели лицом к стене, на её губах и щеках запеклась кровь. Как совершенно всерьёз сказала Альма, она выглядела «очень мёртвой». Мария окропила тело и квартиру святой водой, а я стала читать молитвы об умерших на церковнославянском. Маргарита, Митя и Вася глядели на нас молча, но с уважением. Они были потрясены происшедшим. Тамаре было всего пятьдесят четыре.

В последующие недели мы стали свидетелями Маргаритиных усилий собрать денег, чтобы похоронить Тамару как полагается, а не в общей могиле, «словно собаку», как возмущённо говорила

Маргарита. Это ей удалось, хотя похороны всё равно получились бедные. Простояв несколько часов на холодном кладбище в тонкой куртке и лёгкой обуви, она замёрзла. Мария и Альма, обе медсёстры, долго отогревали её после переохлаждения.

Прошло три года, и все они — Маргарита, Вася и Митя — также умерли от злоупотребления алкоголем.

*Любовь никогда не изменит —
наше первое Рождество в России*

Сомневаюсь, что кто-нибудь в Северной Америке или Европе видел что-то подобное Рождеству в Магадане, начисто лишённому рекламной лихорадки. Русская православная церковь празднует Рождество, лишь недавно ставшее официальным праздником, седьмого января, а украшенные ёлки, подарки и семейные застоля связаны тут с празднованием Нового года.

В 1993 двадцать пятое декабря приходилось на субботу — то есть на обычный учебный и рабочий день для России. Поскольку отец Остин не собирался служить ночную мессу, мы решили позвать друзей для молитвы и трапезы в рождественский сочельник.

В пять часов вечера Мария всё ещё пекла рождественские сладости. Одна наша подруга — еле нашедшая себе место между раковиной и кухонным столом — пыталась помыть посуду, а мальчик лет десяти помогал мне переписывать рождественские песнопения по-русски. Вскоре сюда придут другие дети, будет больше грязной посуды, больше шума — короче говоря, нагрянет беспорядок.

Наконец в нашей часовне собрались, кроме нас троих, восемь взрослых и пятеро детей. На алтаре, в окружении сосновых ветвей и свечей в сияющих зелёных и красных фонариках, стояло прекрасное резное изображение Рождества, сделанное одной женщиной из «Дома Мадонны». Мы нервничали, поскольку нам предстояло руководить молитвой на языке, которым никто из нас не владел как следует, но наше беспокойство быстро прошло благодаря поддержке друзей — они сами провели пять кругов розария, напомнили мне о молитвах, которые я по ошибке пропустила, огласили чтения из службы сочель-

ника и душевно подпевали «Тихую ночь» по-русски. В свободных прошениях мы молились обо всём мире: о верующих и неверующих, о католиках, православных и протестантах, о нашей общине, о семьях, о друзьях и врагах.

Люди оценили наши простые праздничные украшения. В гостиной стояла пластиковая ёлка, которую мы нашли в шкафу, с разноцветными стеклянными шарами, мишурой, найденной вместе с ёлкой, скорлупками грецких орехов, завёрнутыми в цветную фольгу от шоколадок, и двумя-тремя украшениями, которые нам подарили. Мария сделала рождественскую звезду из картона и фольги и водрузила её на верхушку ёлки. Кроме того, у нас был вертеп, репродукции икон и светлые драпировки. И над всем возвышалась освещённая тусклым светом лампы Казанская икона Божией Матери, висевшая в красном углу.

Гости ушли, и только мы троём присели отдохнуть за стаканом вина, как пришла помолиться в нашу часовню помощница отца Остина Люба. Она выпила с нами чаю и уже собиралась уходить, как в дверях показалась ещё одна наша подруга Марина, увидавшая, что в окне нашей кухни горит свеча. Хотя было совсем поздно, она знала, что её здесь ждут. Это был для неё первый праздник Рождества после того как она стала христианкой.

В день Рождества многие верные прихожане не могли отпроситься с работы, чтобы пойти на мессу, но некоторые из них пришли — и иных мы раньше не встречали. Не все могли сесть, так что многие стояли вдоль стен и в проходах. Регент Нина была в это время на работе, её хористы в школе на занятиях, но собравшиеся от всего сердца пропели пять куплетов «Тихой ночи», а также «Как Ты велик» в конце службы. Когда священник предложил прихожанам поприветствовать друг друга в знак мира, это продолжалось долго. Люди перемещались по тесному залу, чтобы обняться. Отец Остин крестил четырёх детей и троих взрослых, а потом стоял и глядел на прихожан с такой родительской нежностью, что наши глаза наполнились слезами.

На улицах города ничто не напоминало о Рождестве, но тут, на четвёртом этаже здания, заполненного офисами, приход

в мир Христа праздновали искренне и с глубокой верой, которая превосходила всё, что мы знали. Надежды, мечты и будущее каждого верующего были в руках Спасителя, родившегося от Марии в Вифлееме.

Интересно, что большинство друзей, пришедших отпраздновать с нами Рождество этим днём и вечером или позвонивших нам, чтобы пожелать всего наилучшего, были неверующими. В частности, нам позвонил человек, называвший себя атеистом, который тонко перевёл на русский книгу Екатерины «Моё русское прошлое». К нам на чай зашёл Эльбрус — он был в пиджаке и галстуке и держал в руках белую хризантему. Элла Остапенко тогда была в Санкт-Петербурге, так что мы пригласили в гости её мужа Василия и не слишком удивились, что он пришёл с Димой, неверующим евреем, и с Женей, Диминой женой, считавшей себя православной.

Они принесли бутылку русского шампанского и предложили выпить «за праздник».

— За Рождество, — тихо добавила Мария.

— За вашу прекрасную веру, — сказал Дима, — хотя сам я её не разделяю.

Было непросто поддерживать разговор за столом. Хотя Советский Союз прекратил своё существование, они, по словам Василия, оставались советскими людьми. Никто не знал, как долго продлится свобода, а повседневная жизнь становилась всё более непредсказуемой. Мы только что услышали новость о посёлке Ягодное в пятистах километрах к северу от Магадана, где из-за аварии на электростанции десять тысяч человек остались без тепла и света при пятидесятиградусном морозе.

После ухода гостей Мария, Альма и я попытались выразить словами то, что мы пережили. Вновь и вновь в России мы сталкивались с сочетанием радости и боли.

Но утренние крещения свидетельствовали о том, что на руинах коммунизма растут новые духовные побеги. Снова и снова отец Остин восклицал:

— Христос рождается!

А все собравшиеся отвечали:

— Славьте Его!

Иисус родился, Он воскрес из мёртвых, и тут, в этом заброшенном городе на краю России, крохотная горсточка людей силою благодати обрела духовное зрение, чтобы увидеть Его победу. И нам выпала честь стоять рядом с теми, кто стремился возродить живую веру.

В рождественский сочельник Марина сказала нам:

— Мы, русские, хотим иметь духовную опору. Коммунисты наобещали нам светлое будущее, а ценности, к которым они прибегали в своей болтовне, были христианскими. Может быть, именно поэтому мы так верили в коммунизм, а когда он рухнул, естественно обращаемся к Богу. Мы ищем вовсе не новое ученье, нет. Кругом всё так зыбко. Что будет завтра, неизвестно. Но нам важно одно: что есть Бог, что Бог есть любовь, что любовь никогда не изменит. И что бы ни произошло, Бог с нами!

Глава шестая

С нами Бог

Наша жизнь была всегда перенасыщена событиями, мы мучительно пытались понять новый язык и иную культуру, а кроме того у нашего существования был ещё один трудный аспект — мы всегда были вместе.

Мы ведь такие разные! Мария воспитывалась в Нью-Йорке, её родители эмигрировали из Чехословакии. Альма росла на ферме и была пастором менонитов прежде чем стать католичкой. Я недавно приехала из Парижа, из совсем другой культуры. Наши личности, пережитой опыт, наши привычки строить взаимоотношения очень различались. Это разнообразие обогащало дневник нашего дома и ежемесячные выпуски новостей, но совместная жизнь по двадцать четыре часа в сутки в тесном для нас помещении была нелёгкой.

Нам мучительно не хватало «пустыни», места, куда можно было бы регулярно удаляться на сутки. Когда ты привык за многие годы проводить один день в неделю наедине с Господом, это становится образом жизни, который позволяет держать своё сердце пред Богом и жить в общине.

Мы понимали, что, независимо от «пустыни», не сможем выжить в Магадане без молитвы. Искушение того зла, что совершалось на этой земле, было важной частью нашего призвания, и эта духовная битва всегда присутствовала в нашей жизни. Она вызывала другие сложности и делала конфликты острее. Город, в котором мы жили, был создан для обслуживания системы наказаний, разрушавшей человека, созданного по образу и подобию Божию. В этой некогда христианской стране была предпринята настойчивая долговременная попытка вырвать

Бога из памяти и жизни граждан. Сатана объявил эту землю своей и не думал её оставлять.

Нам было крайне трудно жить без «пустыни», но мы учились на нашем опыте. Это вынуждало нас приносить Богу в молитве — как жертву за других — ситуации, которые мы не могли контролировать. Невозможность побыть наедине позволяла нам идентифицироваться с нашими русскими друзьями, которым всегда не хватало своего личного пространства. Отсутствие запасного выхода вынуждало нас выходить на пределы того, что мы считали своими границами, поскольку наших собственных ресурсов было недостаточно, чтобы сделать то, о чём нас просил Бог. Когда наши силы кончались, мы могли только полагаться на милость Бога — и Он поддерживал нас.

Вот чему учила нас Россия, и ее уроки продолжались все годы нашей жизни в Магадане.

Издание «Пустыни»

У нашей миссии была ещё одна важная задача — вернуть слова Екатерины в Россию. Джин попросила меня взять на себя эту задачу и, в частности, вместе с Альвиной работать над русским переводом и изданием книг Екатерины.

Когда мы приехали в Магадан, «Пустыня» уже была передана одному местному издательству. Четырнадцатого октября, через три недели после нашего приезда, Альвина позвонила нам и сказала, что у нас есть сорок восемь часов для последней корректуры перед изданием книги. Я поспешила к Альвине, и мы работали до двух ночи, потом немного поспали и снова сели за работу. Она читала вслух русский перевод, а я сверяла его с английским. Понимая, что моего знания русского недостаточно для выполнения задачи, я горячо молилась, чтобы Бог указал мне хотя бы самые вопиющие ошибки. Мы с ней посмеялись над одним остроумным, но ошибочным выводом, сделанным Альвиной под влиянием её визита в Комбермер: переведа буквально выражение «chewing the fat», она написала в примечании: «В Доме Мадонны на полдник к чаю подают шкварки!»*

В процессе нашей работы я чувствовала волнение, потому что слышала, как идеи, ставшие неотъемлемой частью

* Примечание переводчика: идиоматическое выражение со значением «болтать», в буквальном переводе — «жевать жир».

Мария, Альма и Мириам

нашей жизни, звучат на языке той культуры, в рамках которой они зародились. Когда я читала «Пустыню» на русском, я вспоминала о том, как читала первые стихи Книги Бытия на еврейском.

Печать книги не раз откладывалась, и мы не могли понять, чем вызвана очередная задержка. Как говорила Альма:

— Это всё равно что покинуть пустыню, чтобы помочь собрать сено перед дождём, — а потом увидеть, что дождь вовсе и не собирался идти.

В какой-то момент директор издательства просто пропал на неделю.

Духовная битва, идущая вокруг публикации книги, указывала нам на важность этой задачи. Нам оставалось только молиться, и мы молились горячо.

15 декабря 1993 года Мария записала в общем дневнике нашего дома:

Мы вместе с Мириам и Альвиной отправились к директору издательства в надежде понять, что там происходит. Директор снова вышел на работу, он был кроток и застенчив и предложил нам договориться обо всём с Татьяной, редактором книги. Похоже, ста-

рый контракт потерял силу и нужно составлять новый. Мириам отстаивала некоторые важнейшие положения, и, если не вдаваться в подробности, мы выяснили, что нужны ещё деньги. Это очень запутанная ситуация, порождённая в первую очередь инфляцией. Нам сказали, что работа начнётся, как только издательство получит от нас аванс, и что книгу можно будет издать в конце февраля. Однако мы уже слышали подобные обещания раньше! Но в целом мы были довольны встречей и почувствовали проблеск какой-то надежды. Одно преимущество нового контракта будет состоять в том, что будет напечатано только пять тысяч экземпляров, а не десять, как предполагалось раньше, и с этим количеством справиться будет гораздо проще.

9 марта 1994 (запись Мириам)

Этим утром Мария, Альма, Альвина и я отправились в издательство в двадцати минутах ходьбы от нас, где нам вручили первый экземпляр «Пустыни» на русском! Нам показалось справедливым подарить его Альвине, чьи инициатива, энтузиазм и умения сделали публикацию книги возможной.

Первая тысяча экземпляров уже была напечатана, и работник издательства отправился с нами в типографию, где мы могли забрать столько экземпляров, сколько сможем унести. В конечном итоге он договорился с машиной, чтобы та отвезла нас домой вместе с тремя сотнями книг. Водитель отказался брать с нас деньги.

Отец Остин по своей доброте предложил нам хранить весь тираж в одной из комнат на четвёртом этаже. Вскоре мы начнём рассылать отдельные книги друзьям в России и Европе, но остальными мы займёмся, вернувшись после каникул в конце мая.

В Магадане мы прежде всего послали «Пустыню» православному епископу Ростиславу. Мы пытались представиться ему

и получить его благословение, но у нас не получалось связаться с ним в его канцелярии, чтобы договориться о встрече. Наконец я позвонила секретарю нашего прихода, которая дала мне номер домашнего телефона епископа. Он сразу поднял трубку, когда я позвонила. Да, он получил нашу книгу, сказал он, и будет рад встретиться с нами.

Когда мы пришли, епископ работал в крохотной комнате в подвале православного храма. Мы пришли чуть раньше назначенного времени, и нас попросили подождать владыку в небольшой комнате. Он появился через десять минут и, улыбаясь, извинился, что заставил нас ждать, и... за убожество обстановки. Мы поздоровались с ним в православном стиле — сложили ладони лодочкой, получили благословение и поцеловали его руку.

Мы знали, что епископу всего лишь тридцать два, и были поражены спокойной властностью его манер. Маленький и хрупкий, синеглазый; рыжие волосы забраны назад и стянуты резинкой; медово-медная борода. Он прибыл в Магадан в начале декабря.

Епископ поблагодарил нас за книгу, сказав, что она отражает «настоящую духовность Евангелия» и поможет многим людям. Я постаралась рассказать ему о нас, о Екатерине и о том, что мы приехали в Магадан, чтобы любить, служить и молиться, чтобы слушать, учиться и идти рядом с людьми, стать для них кем-то вроде Симона Киринейского. Владыка внимательно слушал, казалось, его тронули эти слова. Он сказал, что рад видеть нас в Магадане, подарил каждой из нас недавно изданный буклет о православных святых и снова благословил нас, выразив надежду, что это не последняя наша встреча.

Не могу выразить словами, с какой великой радостью мы возвращались домой!

Дружба и поддержка работников Пушкинской библиотеки стали для нас ещё одним даром Божьим. Они сами предложили нам устроить в большом зале библиотеки официальную презентацию «Пустыни» пятого апреля, в четверг Светлой недели. За несколько дней до того в этом же зале была выставка растений, и отдельные горшки с цветами ещё не успели убрать. Библиотекари сделали стенд с книгами «Дома Ма-

донны», а мы добавили сюда фотографии Екатерины и наших общин.

Собралось всего лишь около тридцати человек, большинство из которых мы знали хотя бы в лицо, если не по имени, а также наши друзья. Там были двое журналистов с радио, и двое — с телевидения. Среди последних был наш близкий друг Василий, вместе с которым пришла его жена Элла.

Директор библиотеки сказала краткое слово об уникальности книги «Пустыня» и о том, что мы решили издать её в Магадане. Она выразила убеждение в том, что духовность этой книги очень нужна России и что «Пустыня» поможет многим людям. Затем директор представила собравшимся Альвину.

(Запись Марии Яворы)

Когда я сидела и смотрела на Альвину, я думала о том, сколь многое Бог совершил в её душе и как Он теперь сияет через её жизнь: её лицо было прекрасным, оно светилось, когда она рассказывала о том, как в её руки попала «Пустыня». Она также рассказывала о Екатерине, о её жизни в России и бегстве отсюда и о возникновении «Дома Мадонны».

Затем выступала Мириам, и если она и нервничала, этого никто не заметил. Она говорила, что через Екатерину мы получили великий дар из России и что теперь мы счастливы вернуть России то, что нам подарила Екатерина. Екатерина, сказала Мириам, понимала, что проблемы нынешней цивилизации имеют духовные корни, а потому нуждаются в духовном разрешении. Мириам говорила о том, что суть пустыни познаётся сердцем.

Все мы в конце апреля разъехались на каникулы, причём я отправилась в Москву, провести месяц с Раей и Володей. Теперь, после периода жизни в России, всё показалось мне совсем иным!

Ерохины встретили меня в аэропорту. Я разговаривала с ними, ожидая получения багажа, и увидела, что они удивлённо смотрят на меня.

— Я говорю слишком много? — спросила я смущённо.

Володя в ответ рассмеялся:

— Ты говоришь не слишком много, ты говоришь *по-русски!*

Среди прочего я приехала в Москву для того, чтобы найти тут людей, которые могли бы распространять «Пустыню». Система распространения, действовавшая в советское время, развалилась, и я просто не знала, с чего начать. Я чувствовала себя девочкой в Зазеркалье, но упорно просила Святого Духа, чтобы Он указал мне, что делать.

Мне удалось дозвониться до архиепископа Кондрусевича, и, к моему удивлению, он был готов встретиться со мной в тот же день. Он снабдил меня адресами всех католических приходов Европейской части России и посоветовал связаться с Жаном-Франсуа Тири, молодым бельгийцем, возглавлявшим организацию, которая занималась распространением религиозных книг по стране. Именно это было мне нужно.

Через два дня я встретила Жаном-Франсуа — и не могла поверить своему счастью. Его организацию «Духовная библиотека» поддерживала Католическая церковь Европейской части России и ассоциация «Помощь Церкви в беде». У него были большие связи с католическими приходами на территории бывшего Советского Союза, а также с некоторыми православными приходами, и они получали у него книги за полцены. Если мы сможем переправить тираж «Пустыни» в Москву, Жан-Франсуа готов взяться за распространение книги.

Православная Пасха

В этот раз мне выпало счастье прожить Страстную неделю и отпраздновать Пасху вместе с Православной церковью. В Магадане это было неосуществимо. Сначала мы думали, что будем время от времени ходить на православные службы, но поняли, что ни физически, ни психологически невозможно жить двумя разными литургическими календарями.

Рая с Володей хотели поехать на ночную пасхальную службу в Звенигород, куда можно было добраться от Москвы на электричке за полтора часа. Древняя церковь с фресками Андрея Рублева стала действующим храмом, и Володя был знаком с та-

мошним священником. Поскольку до утра никакой транспорт не работал, нам предстояло провести там всю ночь.

Когда мы прибыли в Звенигород, было без малого десять, и мы неспешно прошли мимо церкви восемнадцатого века, в которой теперь помещалась местная администрация, и оказались среди деревянных сельских домиков. Закат уже сменяла ночь, когда мы оказались на краю поля и увидели вдалеке храм, стоящий на холме.

— Как долго туда идти? — спросила Рая.

— Два часа, — ответил Володя.

— *Два часа!* — воскликнули мы с Раей.

— Ты не шутишь? — спросила Рая. — Два часа ходьбы, чтобы потом три часа стоять на службе?

— Я думал, это будет нашим паломничеством, — не слишком уверенно ответил Володя.

Рая сердито молчала, когда мы шли по полю и среди кустов. Но ничего другого не оставалось, потому что мы давно сошли с пути, по которому ездит автобус. Я не ожидала, что нам предстоит ночная прогулка, и надела праздничные и скользкие туфли, и потому старалась не свернуть себе шею в наступившей темноте. К счастью, я прихватила с собой фонарик, который привыкла носить в сумочке в Магадане.

С Божьей помощью мы дошли до города. Казалось, вся молодёжь Звенигорода также направляется к церкви — и среди них было много пьяных. Когда мы взбирались на холм по лестнице, на Володю свалился пьяный мужчина, и они упали вместе. Если бы не Володин рюкзак, набитый едой, который смягчил удар, Володя мог бы серьёзно удариться. Рая так переживала о нём, что забыла о гневе. Я же схватилась за перила, потому что сама чуть не упала. Взволнованные этим происшествием, мы поспешили войти в церковь.

Я не привыкла к тесноте на богослужении, что часто встречается в России. Маленький храм был забит людьми. У человека с клаустрофобией тут мог бы случиться истерический приступ, я же просто была испугана. Володя крепко взял за руки нас с Раей и в буквальном смысле прокладывал нам путь сквозь толпу своим телом, волоча нас за собой, так что мы оказались у боковой двери, за которой была узкая лестница,

ведущая на хоры. Мы расположились на ступеньках: тут можно было дышать и отсюда мы могли видеть царские врата иконостаса.

Но наше убежище оказалось не столь надёжным. Когда мы тихо сидели, слушая песнопения, мимо нас пробежал человек с пламенно рыжими волосами, резко изогнутыми бровями и дикими глазами — он был вне себя, — а затем вернулся и стал кричать, что мы загораживаем проход. Потом хор стал спускаться вниз для крестного хода, и нам пришлось освободить лестницу, так что мы снова оказались в плотной толпе людей, которые теперь держали горящие свечи. Я думала, что сейчас кто-нибудь загорится, и паникующая толпа, разбегаясь, растопчет людей.

Володе с Раей пришла в голову блестящая мысль. Мы не будем выходить из церкви на крестный ход, но положим вещи под лавку и расположимся так, что, когда все вернутся, окажемся прямо перед иконостасом. И вот, когда мы наслаждались передышкой, разглядывая рублёвские фрески, мы услышали первые звуки пасхального песнопения:

*Воскресение Твое,
Христе Спасе,
Ангели поют на небесах,
и нас на земли сподоби
чистым сердцем
Тебе славити.*

Эти слова звучали всё громче и громче, и наконец их сменил долгожданный тропарь: *«Христос воскрес из мертвых, смертью смертью поправ и сущим во гробех живот даровав!»*

Храм снова наполнился. Люди со свечами давили на нас. К моему ужасу, прямо рядом с нами возникла очередь на исповедь, что ещё более усилило напор толпы и толчки, которые чувствовали наши спины. Я не отрывала глаз от Володи — источника безопасности. Я боялась упасть в обморок. Кто способен молиться в таких условиях?

И затем со мной произошло нечто совершенно удивительное. Это не было просто эмоциональным переживанием или

феноменом толпы. Я почувствовала, что меня окружило, захватило и повлекло то событие, которое мы праздновали, реальность воскресения Христова, которая жила в этой службе. Пение, которое не прекращалось на протяжении двух с половиной часов, было подобно волнам, которые меня несут. Снова и снова звучал пасхальный тропарь и из царских врат выходил улыбающийся священник, который благословлял нас светильником с тремя свечами — в честь Святой Троицы — и трижды восклицал «Христос воскресе!», на что все отвечали словами: «Воистину воскресе!».

После окончания службы, когда собравшиеся выходили на свежий ночной воздух, я — несмотря на двухчасовой путь и два с половиной часа, проведённых в церкви, — горячо желала только одного: чтобы служба началась снова и никогда не кончалась!

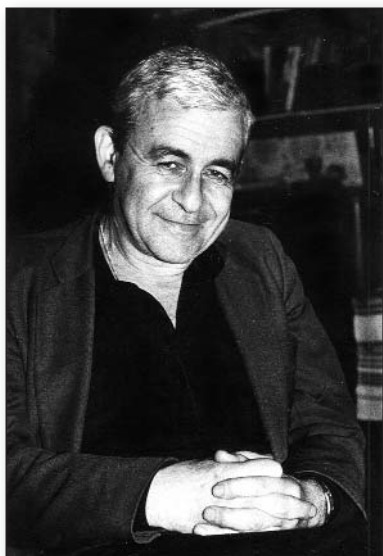
Знакомые Раи и Володи позвали нас перекусить в маленький приходской дом, стоявший неподалёку. Мы выложили привезённую нами еду, включая пасху и куличи. Другие люди также принесли эту традиционную снедь и другую еду и вино — разумеется, всем также подавали чай. И мы снова и снова возглашали: «Христос воскресе! Воистину воскресе!»

Было уже около шести утра, когда мы при свете зари сели в автобус, довезший нас до железнодорожной станции, откуда мы вернулись в Москву. В девять мы сели за свой завтрак: были кулич и пасха, яйца и фрукты, кофе и ликёр. Мы падали с ног от усталости, но никому из нас не хотелось, чтобы праздник кончился.

Встреча с Екатериной в Санкт-Петербурге

Я могла бы наслаждаться пасхальными богослужениями всю неделю, но Светлая седмица была единственным временем, когда мы с Раей могли съездить в Санкт-Петербург.

Отец Георгий Фридман, крестивший Раю прошлым летом, доминиканец еврейского происхождения и священник греко-католического обряда, отец которого провёл двадцать лет в колымских лагерях, показал нам, где жила семья Екатерины, — этот дом стоял всего в десяти минутах ходьбы от Зимнего дворца. Я легко могла представить её на этих улицах, которые

о. Георгий Фридман

в основном сохранили тот же вид, что имели до революции.

Екатерина рассказывала и писала о своей жизни в Петербурге, где выросли её родители и где у них была большая квартира на третьем этаже здания на углу Большой Морской и Гороховой. Большую часть детства она провела в других странах, где работал её отец, а летом жила в их тамбовском имении. В 1910 году Кольшкины вернулись в Санкт-Петербург, и тринадцатилетняя Катя поступила в женскую гимназию княгини Оболенской. Через три года она вышла замуж. Избранником Екатерины стал её об-

ворожительный кузен Борис де Гук.

Молодые переехали в отдельную квартиру на Галерной, в нескольких кварталах от дома родителей Екатерины. После начала Первой мировой войны они оказались на фронте: Борис как инженер, Екатерина как сестра милосердия. В феврале 1917 года разразилась революция, а затем в октябре Ленин захватил власть. Знакомый Екатерине мир исчез, и ему на смену пришёл иной мир, полный опасностей и голода. Когда друзья известили Бориса о том, что ему неминуемо грозит арест, он со своей женой бежал в Финляндию.

Когда мы подошли к зданию, где жила семья Кольшкиных, отец Георгий предупредил меня, что петербургские подъезды славятся своим дурным запахом. И действительно, войдя на лестницу, мы почувствовали запах мочи. На третьем этаже располагались две квартиры. Мы нажали кнопку звонка слева, но звонок не работал. Мы постучали, но ответа не последовало. Я собиралась позвонить в другую дверь, но тут, к своему изумлению, мы обнаружили, что первая дверь не заперта. Такого никогда не бывает в больших городах.

— Екатерина открыла её для нас, — прошептала Рая.

Затаив дыхание, мы вошли внутрь.

Мы явно оказались в коммунальной квартире, беспорядочной и грязной. Мы огляделись и громко откашлялись, чтобы привлечь внимание жильцов, и из полуоткрытой двери вышла неопрятно одетая девушка. Отец Георгий объяснил, что до революции тут жили наши знакомые и что мы хотели бы оглядеть квартиру. Девушка оказалась неожиданно любезной.

Мы могли понять, где тут раньше располагались комнаты, за исключением большой кухни. Конечно, всё в квартире разваливалось и было запущенным. Я была слишком сильно потрясена и не могла задавать вопросы. Девушка сказала нам, что изначальную квартиру разделили пополам, другая половина на ремонте, но по случаю выходного там никого нет.

Поражённые увиденным, мы вышли на улицу.

Отец Георгий сказал:

— Если «Дом Мадонны» откроет миссию в Петербурге, может быть, вы могли бы купить эту квартиру?

Несколько дней спустя, когда православные друзья говорили нам о том, как рады они были получить книжку «Пустыня», Рая заметила:

— Похоже, Петербург приветствует Екатерину.

На другой день мы с Раей пошли на Смоленское кладбище на краю старого города, где находилась могила блаженной Ксении Петербургской, над которой была возведена маленькая часовня. Рядом стоял храм Смоленской Божьей Матери, которую помогала строить Ксения, тайно переноса кирпичи по ночам. Жившая в восемнадцатом веке Ксения стала юродивой, чтобы молиться о душе своего умершего мужа.

Вспоминая рассказ Екатерины о том, как в детстве она самостоятельно отправилась в паломничество, я думала: не приходила ли она и сюда, к столь любимой в Петербурге святыне?

Поставив свечу к образу блаженной Ксении, помолившись у её могилы и по обычаю трижды обойдя часовню, мы с Раей вложили записочки с прошениями в трещины в стене часовни. Затем присели на кладбищенскую каменную скамейку. Мимо нас проходили старухи в платочках. Рая указала мне на даму в чёрном, которая держалась прямо и изящно двигалась.

— Петербургская дворянка, — пояснила Рая. — Их мало осталось.

Солнце грело воздух и наши лица. На деревьях набухали почки. Кошки спали среди могил, а из кустов выпархивали птицы. Ветви деревьев качались, и их тени двигались по надгробным плитам. Я начала что-то говорить и неожиданно расплакалась. Я почувствовала присутствие Екатерины — так отчетливо, как если бы она стояла за моим плечом.

Приключения с распространением книг

На следующей неделе я вернулась в Магадан. К этому моменту мы решили купить ещё одну квартиру, чтобы использовать её как «пустыню». Мы только начали искать, как узнали, что Ванда, хозяйка соседней однокомнатной квартиры, собирается переезжать. Хотя мы думали о двух комнатах, перспектива иметь такое место по соседству казалась привлекательной. Цена казалась нам разумной, и Ванда начала заниматься приватизацией квартиры, чтобы её можно было продать. К нашему удивлению, хозяйка третьей квартиры (с двумя комнатами) на нашей площадке сказала, что в следующем году или чуть позже, возможно, тоже уедет. Был ли это знак, что нам понадобятся три квартиры?

В тот момент нам нужно было решить одну сложную задачу — отправить несколько тысяч экземпляров «Пустыни» в Москву. Почту из Магадана отправляли только по воздуху, так что подобная транспортировка оказалась бы немислимо дорогой. Была и другая возможность, также требующая расходов, но значительно меньших: отправить книги по воде во Владивосток, а оттуда поездом. Для этого их следовало упаковать в коробки и зашить в мешки в соответствии с требованиями перевозки. Когда Люба, наш постоянный консультант, ставшая теперь близким другом, начала исследовать этот вариант, он показался нам слишком сложным.

И тут Альме пришла в голову прекрасная идея: почему бы нам не пристроить книги в чей-нибудь контейнер?

— Разве не так все вывозят вещи из Магадана? — задала она риторический вопрос.

Однажды, идя из церкви домой, я встретила с Анной, жившей неподалёку от нас, с которой я и Альма познакомились несколько недель тому назад. Анна переезжала в город, находив-

шийся в 108 километрах от Москвы, и когда она упомянула, что со дня на день должен прийти её контейнер, я спросила: нельзя ли нам арендовать место в её контейнере для перевозки книг? Ответ был утвердительным.

Затем мы должны были выяснить, готов ли Жан-Франсуа из «Духовной библиотеки» проделать путь в сто километров и забрать наши книги. Для нас такой вариант был дешевле и проще, чем перевозка по воде, да и всё в этом случае должно было бы произойти быстрее. Когда мне наконец удалось ему дозвониться, Жан-Франсуа, подумав, согласился – что нас удивило, обрадовало и наполнило бесконечной благодарностью. Он достаточно хорошо знал русские условия, чтобы понимать: для осуществления любого самого банального проекта тут требуется приложить невероятные усилия. Но он всегда делал больше возможного.*

Днём позже мы с Марией собрались выйти под моросящий дождь, чтоб окончательно договориться с Анной. Выглянув из кухонного окна, увидели у её дома не только коробки, которые мы замечали раньше, но и мебель. Стало ясно, что контейнер принадлежит Анне и его уже загружают! Поспешили туда.

Анна сказала, что нам не стоит беспокоиться. Погрузка займет около трёх часов, так что мы вполне успеем приготовить книги. Она сказала, что контейнер подвезут к зданию церкви, где мы и погрузим свои коробки.

Успеем ли? Мы тотчас же начали собирать клейкие ленты и верёвки, ножницы, пластиковые мешки и те немногие коробки, что лежали в нашей квартире, растолкали Альму, которая мирно спала, потому что это был её день отдыха.

Дождь лил как из ведра. На Пролетарской мы поймали попутку и отправились к отцу Остину за ключом от комнаты, где хранились наши книги.

Оказавшись там, мы принялись за дело. Альма отправилась на поиск картонных коробок, Мария начала паковать книги в те коробки, что у нас были, а я маркировала их. Вскоре нам на помощь поспела Люба. Пришла наша подруга Надя с десятилетним

* В последующие годы Жан-Франсуа продолжал помогать нам в распространении наших книг. Так, в 1999 году «Духовная библиотека» опубликовала первое русское издание книги Екатерины «Истории русской страны».

учеником музыкальной школы, и они стали носить коробки с четвёртого этажа. В какой-то момент мне пришлось сходить к контейнеру глянуть, много ли там ещё места, и мне сказали, что не стоит беспокоиться: поместятся все книги, которые мы упакуем.

Грузовик с контейнером подъехал к нам, Анна носила коробки вниз по лестнице и грузила их в контейнер. Она перетаскивала за один раз вдвое больше, чем мы. Мы запаковали в мешки и коробки около двух тысяч экземпляров, и Мария сказала:

— Ну всё. Я больше не смогу упаковать ни одной книги.

Когда весь наш груз был погружён в контейнер, я договорилась с Анной об оплате. Они отъехали, и почти половина тиража отправилась в путешествие вместе с простынями, кастрюлями, сковородками и мебелью Анны.

Одновременно появилась ещё одна возможность для распространения книг. Католический приход во Владивостоке располагал большими связями, и человек оттуда, с которым я говорила по телефону, готов был разослать «Пустыню» своим адресатам. Книжки можно отправить грузовым судном. Люба направила нас в контору, где делают ящики для морских перевозок. Когда клетки были готовы, две подружки из библиотеки предложили мне съездить на их микроавтобусе в загородную мастерскую.

Это было зрелище! Одна библиотекарша на высоких каблуках, другая в деловом костюме вместе со мной ищут среди обломков и ржавых частей машин, где тут наши клетки. Рабочие помогли нам запахнуть пять дощатых ящичков, по тридцать шесть килограммов каждый, в проход, а мы прикрыли клетки тяжеленными чехлами. Пока рафик бился и трясся по грязной дороге к трассе, мы втроём удерживали ящики и чехлы, навалившись всем телом, чтобы они не сокрушили окна.

Но как мы занесём неподъёмные клетки в свою квартиру на втором этаже? Когда мы подъехали к дому, шофёр и библиотекарши как-то ухитрились выволочь их из автобуса на улицу. Водитель, явно не в восторге от всего этого дела, незамедлительно уехал. В этот самый момент из газика выгружался крепкий незнакомый человек, и я попросила его о помощи. Он

взял по одному ящичку в каждую руку, затащил их на наш этаж, поставил перед дверью и двинулся наверх. Тут же Мария нашла другого мужчину, приближавшегося к нам. Он оказался соседом, с которым мы ещё не встречались, и охотно согласился нам помочь.

Мы отодвинули стулья и столы к стене, чтобы разместить ящички в гостиной, где они и стояли в течение недели. Поскольку они были сделаны из необработанной древесины и между досками были щели, мы постелили внутрь куски толстого пластика, чтобы защитить книги от воды и пыли. После воскресной мессы прихожане, образовав цепочку, спустили две с половиной тысячи экземпляров «Пустыни» с четвёртого этажа и сложили в грузовик, принадлежавший одному из них. Другая команда друзей разгрузила машину и перенесла книги к нам в квартиру.

На другой день я начала укладывать книги в ящички. Кто-то подсказал нам, где можно купить две сотни гвоздиков, которыми нужно было закрепить чехлы, и наш сосед Слава в течение двух вечеров заколотил все крышки.

Оставалось последнее шаг — доставить ящички в морпорт. В назначенный день появилась Люба вместе со знакомым ей хозяином грузовика. Мы наняли двух мужчин для переноски и погружки ящичков, каждый из которых теперь весил по сто тридцать килограммов. Мы с Любой ехали к порту в кузове. Поездка в темноте, без воздуха по тряской дороге напомнила нам обоим о том, как некогда перевозили политзаключённых.

...Это был день чудес.

В морском порту мы оказались среди множества железных контейнеров и запущенных зданий. К грузовику с книгами подъехал автопогрузчик, на который наш водитель без посторонней помощи спустил тяжёлые ящички. Их подвезли к весам и взвесили: всего тут оказалось шестьсот пятьдесят килограммов груза. Весовщик сказал нам, что есть предел в пятьсот килограммов, а если груз весит больше, его полагается отправлять контейнером. Люба молчала, её лицо окаменело. Я, затаив дыхание, наблюдала, как этот человек написал на бланке: «пятьсот килограммов».

Это было *первым чудом*.

Вторым чудом было появление Виталия, водителя того грузовика, который перевозил контейнер с нашими книгами, отправленными в Москву. Тогда он всячески старался нам помочь, и вот теперь мы узнали, что он работает в этом пункте погрузки. Любе уже стало ясно, до какой степени это мужской мир, и, увидев объём перевозимых грузов, она решила, что мы не сможем сегодня оформить все документы, раз у нас нет нужных связей. Но тут появился Виталий.

Я не совсем поняла, что происходило, но, проведя десять месяцев в Магадане, знала, что не стоит задавать лишних вопросов. И Виталий и Люба постоянно исчезали из переполненной конторы.

Затем Люба предоставила переговоры Виталию, и мы с ней отправились обедать в большую пустую столовую в соседнем помещении.

В час дня мы услышали, что Любу просят подойти к служащему. Нас отвели во двор, где под проливным дождём, ничем не покрытые, лежали наши ящики. Я молилась о том, чтобы пластик внутри оказался не дырявым.

Служащий сообщил нам, что адрес, который я так старательно выводила водоустойчивым маркером, подписан неправильно: ящики отправляются не в сам Владивосток, а на сортировочную станцию. И теперь его надо переписать заново на шести поверхностях каждой из пяти клетей — то есть и на верхушке и основании, недоступных для нас. Нам нужно было также написать наши имена полностью, а не инициалы.

Люба использовала всё своё обаяние, чтобы раздобыть бледноватую чёрную краску, обрубок кисточки со склеенной щетиной и запачканную ткань. Она сказала, что напишет все адреса сама, а мне оставалось только защищать её от дождя зонтиком. Но как мы будем писать адрес на той поверхности, на которой ящики стоят? Первый рабочий, которого Люба попросила нам помочь, отказался.

Чудо третье. Мимо проходил молодой служащий, регулировавший поступление грузов, у которого был перерыв, и он любезно согласился наклонить все ящики один за другим, чтобы мы могли написать адрес.

На это занятие у нас ушло два часа.

Мы вернулись в контору, я подписала нужные бумаги и оплатила перевозку. Наконец, после пяти с половиной часов, проведённых на пункте отправки, мы были свободны.

И перед нами встала ещё одна проблема: как вернуться в город? Автобусы ходили нерегулярно, а мы замёрзли и промокли, так что нас ужасала мысль, что придётся идти пешком. Люба, которой пришлось изгибаться, вставать на цыпочки и половину времени писать на ящиках буквально вниз головой, была переутомлена и промокла до нитки. Протянув немного денег пожилому человеку, который дал нам краску, мы вышли из пункта погрузки и тут же наткнулись на фургон, стоящий на дороге с заведённым мотором. Водитель собирался в город и согласился отвезти нас до места своего назначения — оказалось, оно располагается в двух шагах от канцелярии церкви! Это было *последнее чудо* того незабываемого дня.

Отец Майкл

Наше первое магаданское лето продолжалось. Мы собирали ягоды и грибы, гуляли и часто готовили лососину, потому что свежая рыба тогда была в изобилии. Мы купили квартиру Ванды и мягко напоминали ей, что она обещала отремонтировать кухню и ванную до своего отъезда. Двое новых друзей помогли нам наклеить в коридоре и главной комнате новые обои с оранжевыми узорами, которые мы нашли у себя в шкафу. Это был несколько странный цвет для «пустыни», но мы решили, что нужно использовать то, что заботливо даёт нам Бог.

В начале сентября новой квартирой можно было пользоваться. Все мы стали еженедельно отправляться в пустыню, у нас появилось новое ощущение ценности этого особого времени вместе с Богом и благодарности за такую возможность.

Четырнадцатого сентября, в день Воздвижения Креста по католическому календарю, мы отпраздновали первый год миссии «Дома Мадонны» в Магадане. На следующий день в город приехал отец Майкл Шилдс, сорокачетырёхлетний священник из Анкориджа, чтобы посвятить свою жизнь «молитве в лагерях».

Отец Майкл был высоким и сильным, с курчавыми чёрными волосами, густой бородой и весёлыми тёмными глазами. Он

всегда готов был смеяться. На его серой рясе, фасон которой он сам придумал, было нашито красное сердце с крестом. Он служил приходским священником, но носил это облачение как знак верности монашескому духу Шарля де Фуко.

Отец Майкл в течение тринадцати лет был погружён в приходские заботы и теперь не верил своему счастью, когда увидел, что может провести свои первые восемь месяцев в Магадане за изучением русского языка и молитвой. Каждый день он служил вместе с отцом Остином мессу и часто заходил к нам пообедать и провести час в одиночестве в нашей часовне перед Святыми дарами. Он часто был с нами. Отец Майкл заражал других своей энергией, своей полнокровной любовью к Богу и верностью молитве.

Он считал, что для христианской жизни крайне важна община, и надеялся создать маленькое братство священников, верных духовности Шарля де Фуко и России.* Отец Майкл прочёл

* Его мечта — создание общины Малых братьев Сердца Иисуса — начала осуществляться в 1996 году после приезда отца Дэвида Минса (также из диоцезии Анкориджа). Дары последнего, восполнявшие дары отца Майкла, помогли укрепить приход.

книги Екатерины и на протяжении нескольких лет еженедельно удалялся в «пустыню».

Вскоре после своего приезда отец Майкл стал по субботам утром служить в нашей часовне мессы в память всех тех, кто погиб в лагерях. Поскольку это было утро того дня, когда можно выспаться, сюда приходило немного народу, обычно не более двух-трёх человек. Одни и те же

люди ходили регулярно в течение какого-то времени, ощущая, что им нужно молиться с нами. После службы мы вместе садились за простой завтрак.

Мы всегда говорили по-русски, переводя для тех, кто не понимает. Отец Майкл очень страдал из-за своего слабого знания языка — ведь он, священник, должен был проповедовать и помогать людям Магадана. С самого начала он служил литургию по-русски, прося кого-нибудь из местных прочесть Евангелие, пока сам не научился бегло читать. Когда он начал проповедовать каждое второе воскресенье, по очереди с отцом Остином, он писал простую проповедь по-английски, чтобы Альвина перевела её на русский, и часами тренировался, чтобы

произнести чётко и гладко. Для такого прирождённого проповедника, как он, это было истинным мучением, но плоды не заставили себя ждать. Этот утомительный труд научил его мощной простоте речи, а невозможность с лёгкостью говорить и завязывать отношения приучила его не слишком надеяться на свои природные способности. Ограниченность речи дала нам навык полагаться на Бога и на помощь друзей.

Прихожане ценили тепло отца Майкла и то, что он желал им служить не только духовно, но и в практических вещах, и они его поддерживали и чувствовали свою близость к нему, как и к нам. Священство было сутью отца Майкла, и язык ему был не помеха. С годами он становился духовным отцом своих прихожан во всё более глубоком смысле.

О. Майкл Шилдс

Особое мнение

Мне самой было неприятно, что в отличие от почти всех окружающих я прохладно относилась к отцу Майклу. Сначала, по крайней мере.

Прежде всего, он проводил с нами много времени. Я в большей степени интроверт, чем Альма или Мария, и мне труднее давался русский стиль гостеприимства без границ. Многочисленные гости опустошали и утомляли меня. Я жаждала возможности побыть одной или хотя бы только в компании своих сестёр. И хотя отец Майкл был лёгким человеком, его частые визиты меня напрягали.

Он казался мне чересчур американцем. Во Франции, где я прожила десять лет, самым высшим комплиментом иностранцу было сказать, что он «тактичен», то есть мягко ступает

по новой земле. Русские, напротив, и не ожидают от иностранца ничего, кроме странности. А в то время западные люди ещё были интригующей новинкой. Тем не менее, как только мы с Альмой и Марией выходили из дома, я отчаянно старалась быть незаметной. Не только наша одежда, но и улыбки, и то, как мы рассматриваем окружающее на прогулке или прямо глядим на людей, и, конечно, наша английская речь выдавали, что мы американки. А когда с нами был отец Майкл, мы выделялись куда ярче. В своём сером облачении с нашитой алой эмблемой он неизбежно притягивал к себе взоры.

Его избыточность меня томила. Конечно, он может изящно рассуждать о радости в страдании за любовь Христову, раздражённо думала я, но всем нам приходилось этим жить куда дольше, чем ему!

Жребий брошен

В январе 1995 мы с Марией и Альмой увидели, что измотаны рождественскими днями, непредсказуемостью повседневной жизни и духовным гнётом города. Я чувствовала к тому же, что мы до невозможности разные люди. Мария настойчиво напоминала, что без единства мы не сможем выдержать духовного напряжения нашей жизни, но мне казалось, что я в тупике.

За время, проведённое в «пустыне», я научилась, не без великой борьбы, полагаться в своих эмоциональных нуждах не столько на людей, сколько на Бога. Неся ответственность за наш дом в Париже, я должна была принимать одиночество и просить у Бога поддержки и руководства. Моё чувство собственной идентичности окрепло, и мне казалось, я стала эмоционально более зрелой.

Но почему тогда я чувствую себя столь одинокой в этой новой обстановке, среди этих новых людей? Не окаменело ли моё сердце? Что я сделала не так?

Мария высказала предположение, что одиночество, которое я чувствую, создано мной самой, что это следствие той эмоциональной позиции, которую я оттачивала в парижские годы. Внезапно я услышала, как Бог в моём сердце говорит, что *теперь мне нужно умереть для той себя, которую я строила*

с таким трудом, и не стоять в стороне, но связать свою судьбу с Марией и Альмой.

Эта мысль меня перепугала. Почти не в силах сдержать слёзы, я говорила Марии:

— Мне кажется, что во мне живёт целый мир. Это богатый мир, и я не хочу с ним расставаться, но я слышу, как Бог призывает меня не держаться ни за что. Это моё богатство — а Он просит меня стать бедной.

Это удивило даже самоё Марию.

— Да уж, я бы не хотела оказаться на твоём месте сейчас, — всё, что она смогла сказать.

Я желала бы забыть об этом разговоре. Меня начинало тошнить каждый раз, как я о нём думала. И, что хуже всего, я не понимала, что конкретно мне надо делать.

— Я не понимаю, — продолжала я твердить Богу.

Молясь перед иконой Спасителя, я как бы поймала на себе Его взгляд, полный сострадания. *Мириам*, как будто говорил Он мне, *ты никогда этого не поймёшь умом. Я пытаюсь достучаться до твоего сердца.*

В конце марта Альма уехала на несколько месяцев в Канаду. Лихорадочный ритм нашей жизни никогда не замедлялся, и к пятнице Светлой недели, когда Мария должна была отправиться на встречу ответственных, мы с ней чувствовали себя просто больными от усталости.

Её самолёт должен был вылететь достаточно поздно, так что мы могли немного побыть с ней вдвоём до её отъезда. Незадолго до полудня мы отправились в приходскую часовню на улице Горького, где маленькая группа прихожан, ходивших сюда по будням, ожидала, когда отец Майкл придёт служить мессу. Однако, придя, отец Майкл понял, что оставил ключи от часовни в своей квартире. Он не стал ждать, что кто-то предложит принести ключи, но подумал, что всем будет проще отправиться в часовню «Дома Мадонны» и отслужить мессу у нас.

Только этого не хватало, думала я обиженно. Теперь нам придётся придумывать, из чего готовить обед на семерых!

Вернувшись домой, мы с Марией стали готовить алтарь.

Я мысленно прикидывала, что можно подать на обед. По совету Марии я уже купила пакет сосисок и сварила кастрюлю картошки, чтобы иметь под рукой дополнительный запас еды. Наверное, она это предчувствовала, думала я. Пропади оно пропадом; почему отец Майкл такой рассеянный?

По ходу мессы я начала раскаиваться в своих мыслях. Что толку вечно раздражаться и сердиться? Это Россия, и если я хочу тут быть, мне надо принимать то, что даёт жизнь.

— *Я готова принять беспорядочность этой жизни,* — сказала я Богу.

Это был чистый акт веры.

Рая в Магадане

Мария планировала провести несколько месяцев в Вашингтоне после встречи ответственных, чтобы отдохнуть и поучить русский. Альма должна была вернуться в начале июня, а вскоре к нам должна была присоединиться ещё одна помощница — Бет Холмс.

В этот промежуток мне придётся отвечать за дом. Я верила, что коль скоро мне поручили такую ответственность, Бог даст мне всё необходимое для этого. Однако по-человечески я понимала, что у Марии есть особые дары, позволяющие ей управлять жизнью дома, которых я лишена.

Из Москвы приехала Рая, чтобы побыть со мной, пока не вернётся Альма. Рая сказала, что не желает быть гостем, но хочет жить нашей жизнью и помогать мне, и она делала всё, от рекордно быстрой уборки квартиры до расстановки ударений в русском молитвеннике, чтобы мы могли правильно произносить слова. Она принимала тех, кто приходил к нам в дом, с теплом и чуткостью.

Как многому меня научила русская женщина, живущая рядом! Например, она сказала, что мне не стоит вежливо спрашивать: «Не хотите ли вы остаться на ужин?», но следует настаивать на этом. Я научилась ничего не передавать через порог и не мести пол, если ушедший от нас гость сел на самолёт, который ещё не приземлился. Я научилась стелить постель в русском стиле и подавать еду должным образом. Рая сказала нам бесценный комплимент, когда однажды заметила:

Магадан. Рая, Мириам и Альвина.

— «Дом Мадонны» принимает людей с русским гостеприимством!

Рая относится к католицизму без предубеждения. Её православную веру сформировал отец Александр Мень, а в Париже и Тэзе она познакомилась с Католической церковью и другими христианскими конфессиями. Однако в Магадане она увидела католицизм с другой стороны. И отец Остин, и отец Майкл мечтали о русском католицизме, который не предлагает своим сторонникам принять иную культуру, но обогащён частицами православной духовности. Однако приход был ещё в младенческом возрасте, да и вся Католическая церковь в России находилась на стадии восстановления.

Как-то вечером, за несколько дней до отъезда Раи, я слушала, как она говорит с нашими друзьями о русском православии. Её голос был наполнен такими любовью и страстью, каких я раньше не слышала. Она рассказывала о тех препятствиях, на которые наталкиваются новообращённые: о раздражённых бабушках, которые всех учат, как себя надо вести, о непонятности церковнославянского языка, о строгих постах. Она говорила, что эти вещи стоит принять, чтобы приблизиться к самой сути православной веры. После этого, сказала она, то, что казалось препятствием для веры, может стать её поддержкой.

Мне показалось, что тут, в Магадане, Рая наконец открыла свою религиозную идентичность. Впервые в жизни она поняла всю серьёзность раскола между Востоком и Западом, разрывающего на части Тело Христово.

— Если это настолько невыносимо для меня, — сказала она, — что тогда испытывает Бог?

В день накануне её отъезда в Москву много людей пришло с ней попрощаться. К некоторым она привязалась с самого начала, с другими отношения складывались труднее. Когда поздно вечером мы закрыли дверь за последним гостем, Рая сияла.

— Спасибо тебе, Мириам, — воскликнула она. — Ты себе не представляешь, сколь многое «Дом Мадонны» и Магадан мне дали. Думаю, я научилась видеть людей так же, как ты, — просто видеть их такими, какие они есть. Ты снова открыла моё сердце. Ты показала мне, как любить.

Снова превращение

Вскоре после Раиного отъезда из Анкориджа вернулась Альма, ещё через неделю приехала Бет. К удовольствию последней, мы стали звать её Лизой.

В последующие месяцы я с удивлением поняла, какую поддержку — и личную, и духовную — способен оказывать отец Майкл. Он был всегда доступен, не судил, и я могла поговорить с ним о моих идеях или проблемах. Постепенно я научилась ценить его ясный ум, способность наблюдать и без предубеждений относиться к особенностям другого человека. Я также начала понимать, что его духовность, казавшаяся мне романтической, была чем-то глубоко выстрадавшим. Я завидовала его способности любить «малых сих» — бедных и отверженных людей, которые собирались у нас и которых мне порой было трудно принять. Более того, я увидела, что в его отношениях с Господом и Девой Марией есть те сила и близость, к которым я сама начала стремиться.

В то лето отец Остин нередко отсутствовал. И наконец серьёзные проблемы со здоровьем вынудили его уехать в Северную Америку. Это было трагедией и для него самого, и для его прихожан, которым он открывал лик любящего Бога. Его заменил отец Майкл.

Альвина закончила перевод книги Екатерины «Soul of My Soul» («Душа моей души»), предложив для русского издания назвать её «На груди Господа». Мне нравилось это название. Оно напоминало об Иоанне, возлюбленном ученике, приклонившем голову на Тайной Вечере на грудь Иисуса и чувствующем сердцебиение Божией любви. Это соответствовало стремлениям моей собственной души, из-за чего я с особой силой переживала праздник Святого Сердца Иисуса в этом году.

Этот праздник пришёлся на субботу, и трое наших друзей пришли на мессу в нашу часовню, после чего мы все сели за завтрак. Поскольку ни отец Майкл, ни Альма не могли поддерживать разговор на русском, а Лиза не говорила вообще, я старалась хранить сложное равновесие: поддерживать беседу так, чтобы в ней принимали участие все, а одновременно не руководить всем, что происходит. В этот раз мне не удалось соблюсти должную меру, и я почувствовала, что мне нужно исповедоваться.

На исповеди отец Майкл сказал мне, что Бог призывает меня к смирению — именно это нужно для несения ответственности.

— Смирение ведёт к доверию, — сказал он.

Бог не призывает меня быть сильной, но быть слугой.

Его слова были прохладной водой для иссохшей земли моего сердца. У меня дух захватывало от неожиданного чувства благодарности. Не первый раз я видела, что на исповеди он отвечает не на мои слова, но на более глубокие нужды, которые я сама ещё не осознаю. В моём сердце распахнулась дверь, и как бы сам Господь стоял за порогом, призывая меня к себе.

Будучи в «пустыне», я записала в своём дневнике:

Как странно понимать, что я утратила привычку глубоко доверять даже священнику! И теперь мне страшно передать мою душу в чужие руки и позволить себя вести.

Почему же моё сердце стало камнем? Что такого со мной случилось, что я утратила способность открываться другим? Теперь я понимаю, о чём так настойчиво молилась Мария прошлой зимой. Задача

«связать свою судьбу» с другими наткнулась на что-то глубокое во мне, так что меня заполнили боль и страх, но теперь я вижу, что боялась сдаться и уступить. Я не понимала, что это означает уступить Богу и что я сдаюсь во взаимоотношениях любви.

На протяжении примерно пяти последних лет мои отношения с Богом стали мёртвыми, как это бывает в браке, где иногда на миг вспыхивает прежнее пламя, но где рост остановился. И теперь что-то начинается вновь. Как только я встретила с Россией, в моём сердце пробудилась глубинная страсть, о которой я и не подозревала. Вот что пробуждает эта страна — не эмоции, но страсть! И теперь я понимаю, что на самом деле это страсть направлена на Христа.

Я стала еженедельно встречаться с отцом Майклом. Я увидела, что с ним можно говорить обо всём, и открывала моё сердце, не беспокоясь о том, что он подумает обо мне. Я сказала, что мне несложно верить в то, что Бог меня любит, возможно, потому, что у меня был любящий отец. У меня есть свои раны, но мне не кажется, что Бог призывает меня заниматься ими. Самое глубинное желание моего сердца не получать любовь, но отдавать её, и самое полное выражение такой любви — самоотдача. Я могла видеть, на что похожа настоящая любовь, глядя на моих сестёр и русских друзей, и с болью начала понимать, что мне не хватает щедрости и что я склонна отвергать бедных. Я хотела глубже встретиться со Христом. Я хотела научиться любить — и нуждалась в помощи.

Отец Майкл сказал, что дело тут не в эмоциональных ранах, но в глубокой духовной сломленности. Чтобы действительно познать Христа, мне надо прикоснуться к распятому Господу сначала в своём собственном сердце, а потом в сердцах других, и особенно тех, кто страдает. Хватит ли у меня смелости, чтобы совершить такое внутреннее путешествие?

Сначала я колебалась. Я всегда боялась, что если предложу Богу отдать ему всё, Он поймает меня на слове. Я никогда не могла от всего сердца читать «Молитву передачи себя Отцу»

Шарля де Фуко. Подчиниться и отдать всё «без остатка» казалось мне полной катастрофой.

Отец Майкл убеждал меня, что у Бога есть путь для каждого из нас, путь любви.

— Он не просит тебя обезуметь. Он просит «разучиться» быть прежней собой, отложить твои опоры и определения, твои привычные действия и твоё понимание. Но этот путь ведёт на крест. Не этого ли ты хочешь?

Как я могла сказать «нет»?! Мой разум, мои страхи и самооправдание, всё моё стремление к самоутверждению и славе оказались пустотой. Я не хотела уже играть в эти старые игры.

Отец Майкл подчеркнул, что это не программа самореализации. Это не значит, что мы упраздняем все старые недостатки и начинаем жить безгрешной жизнью. Скорее мы начинаем понимать, что нам не на что положиться, кроме милости Божией.

Мы говорили о реальности греха и о потребности каяться постоянно.

— Грех подобен тройке, которой правит гордость, — сказал он, цитируя кого-то из отцов Церкви. — Три лошади — это высокомерие, осуждение и похвальба. Нам надо заменить гордость смирением, а трёх лошадей — чистотой сердца, милосердием и самоуничижением.

Он сказал, что мне нужно сознательно пытаться ставить себя ниже других, но это предложение мне казалось бессмысленным. Я думала, он имеет в виду, что мне не надо ставить себя выше других и нужно никого не отвергать и не судить, но отец Майкл объяснил мне, что это расположение сердца, а не ума. Фарисей виноват перед мытарем потому, что делал сравнения. От этой печальной склонности можно избавиться лишь одним путём — намеренно ставить себя ниже.

Я услышала в этом призыв покаяться в моей гордости и высокомерии и в том, что я стараюсь всё контролировать.

— Когда твоё сердце чисто, — сказал отец Майкл, — ты не управляешь другими и тобой никто не управляет.

Однажды, когда отец Майкл был всецело поглощён тягостной пастырской ситуацией, я сконфуженно сказала ему:

— Мне неудобно в такой момент говорить о себе.

— Мириам, — ответил он, — дело обстоит ровно наоборот. Важно именно то, что происходит в сердце.

Я как будто бы осваивала совершенно новый язык, который был мне очень нужен. На протяжении многих лет я игнорировала те аспекты католической духовности, которые мне не нравились или меня пугали. Подобным образом я не задумывалась о некоторых словах Екатерины, которая, например, говорила: «Боль — это поцелуй Христа». Сейчас, когда в моём сердце начали расти новые побеги, я поняла, что оказалась в отчаянном положении. Часы пробили двенадцать: моя духовная карета сейчас превратится в гнилую тыкву, а человеческие дары, служившие мне опорой, — в прах. У меня остался только один выбор: или смерть, или жизнь через крест.

Это было началом нового обращения. Это был мучительный процесс, от которого я изнемогала. Мне нужно было переменить все мои привычки, сложившиеся в течение жизни. Я писала Джин:

Я только учусь ходить, как малыш, но у меня не остаётся иного пути. Мне самой трудно поверить, что Бог ведёт меня к тому самому духовному путешествию, о котором говорила Екатерина, и она стала для меня близка по-новому.

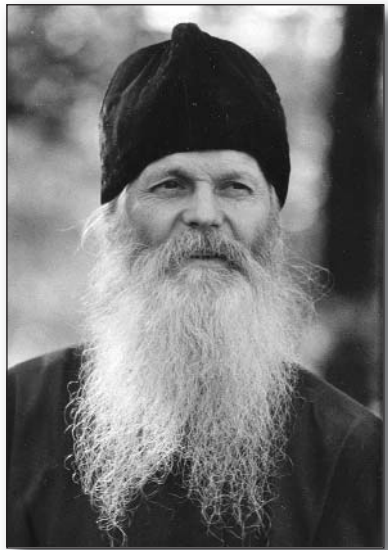
Как-то в начале сентября после исповеди, которая принесла мне глубокое исцеление, но где я почувствовала себя совсем беззащитной, я пошла домой другой дорогой по пустырю, смотря под ноги, чтобы не наступить на стекляшки, камни, куски металла и деревяшки. Внезапно я остановилась и поглядела ввысь. Я увидела ясную голубизну осеннего неба, воздух был свежим, солнце падало на моё лицо. Как будто вся моя жизнь, включая мою женскую суть, была открыта перед Богом и глубокое тепло его любви проникала в каждую пору моей кожи. Меня переполняло счастье.

Встречаю старца

Когда Мария вернулась, я начала готовиться к своим каникулам. Я планировала побыть в Москве, а затем навестить одну

православную общину в Латвии, с которой мы были в контакте.

Священник Русской православной церкви архимандрит Виктор Мамонтов жил в Карсаве — городе, стоящем у границы Латвии с Россией. Он и его помощница Алла услышали о «Доме Мадонны» в 1993 году от одного нашего общего друга, который рассказал им о нашей миссии в Магадане. Мы стали переписываться и послали им несколько экземпляров русского издания «Пустыни», которые отец Виктор давал своим духовным детям. Вскоре мы начали получать просьбы прислать эту книгу из Латвии, России и Украины.

О. Виктор Мамонтов

Отец Виктор родился в 1938 году и вырос на Сахалине — в совершенно атеистическом краю, где не было ни церквей, ни священников. Его отец служил офицером, погиб на Второй мировой войне. Отец Виктор был крещён в Москве, когда он преподавал русскую литературу в МГУ. Его крёстной матерью стала Анастасия Цветаева, сестра поэтессы Марины Цветаевой, которой была посвящена его докторская диссертация. Он поступил в один монастырь на Украине, но был вынужден его покинуть, когда накануне Олимпиады 1980 года, проходившей в Москве, борьба с религией стала активнее. Доктор наук, ушедший в монастырь, слишком сильно противоречил официальным представлениям о том, что вера — удел суеверных старух.

Ему посоветовали отправиться в Латвию, где позиция властей была умеренной, и там он в 1982 году был пострижен в монахи, рукоположен и стал настоятелем небольшого прихода недалеко от Риги. Когда к нему устремился поток студентов, молодых людей, это привлекло внимание КГБ, так что епископ перевёл отца Виктора в сельский приход в Карсаве — в лесной глуши на востоке Латвии. Но и сюда к нему приезжали люди со всего Советского Союза. После распада СССР,

когда новые границы и необходимость получать визу сделали путешествие более сложным и дорогим, его духовные дети из всех сил стремились до него добраться.

Рядом с ним находились верные помощники: Алла, работавшая преподавателем французского в университете Киева, литовка Анастасия, которая заботилась о храме и пела на клиросе с Аллой, восьмидесятилетняя Мария Фёдоровна из Петербурга, которая готовила еду и всегда продавала свечи на службах. Отец Виктор говорил, что когда на службе был только он с тремя помощницами, Мария Фёдоровна продавала свечи ангелам!

Я полюбила Карсаву — село, в котором проживало пять тысяч человек, с рядами одноэтажных домов и гнёздами аистов на деревьях. Когда я приехала, отец Виктор занимался посетителями, и я увидела его только на вечерней службе. Дело было в декабре, так что уже стемнело, когда мы с Аллой, у которой я остановилась, дошли от её дома до храма. Под ногами хрустел снег, и зимний воздух был пронизан дровяным дымом из печей. Стоящая среди сосен церковь со светящимися куполами напомнила мне часовню Божьей Матери в Комбермере.

Когда мы вошли, моим глазам понадобилось несколько минут, чтобы привыкнуть к полумраку. Лики на иконах были освещены лампадами, а единственная лампочка, горящая в храме, светила хористам. Алла предложила мне занять место рядом с ней и Анастасией, чтобы я могла следить за службой по книгам и подпевать как могу. Но до этого они усадили меня рядом с печкой, чтобы я согрелась.

И вот из царских врат вышел отец Виктор. Он казался хрупким даже в облачениях. Ему было всего пятьдесят восемь, но из-за морщинистого лица и седых волос и бороды он, скорее, выглядел семидесятилетним.

Я встала и подошла к нему, сложила ладони для благословения и затем поцеловала его руку по православному обычаю. Это не слишком естественное поведение для католиков, но с ним оно казалось самым уместным. Он взял мои руки в свои. Я смотрела ему в лицо, полное доброты, и моё сердце отчаянно билось.

Он сказал:

— Тебе будет трудно с нами, но твоя душа будет радоваться.

Я не раз видела отца Виктора на этой неделе. Я была тронута его вниманием на литургиях и следующих за ними общих трапезах. Когда я была рядом с ним, мне хотелось улыбаться от всей души или плакать от всего сердца.

Продолжительность богослужений и недостаток сна истощали мои физические силы. В вечер моего приезда двое катехизаторов из Москвы после вечерней службы проводили занятия по Писанию, а затем отвечали на вопросы собравшихся, так что это продолжалось до полуночи. В храме в шесть утра началось чтение часов, за ними последовали исповедь и Божественная Литургия, длившаяся два часа. Однажды сразу после Литургии началось отпевание, в другой раз панихида по умершим. И всё это на пустой желудок!

Не удивительно, что отец Виктор казался старше своего возраста, думала я. Алла сказала, что он продолжает жить по строгому монастырскому уставу и ночью встаёт на молитву. Начался Рождественский пост, и казалось, он вообще не ест, но он всегда клал еду на мою тарелку и с улыбкой говорил:

— Тебе надо есть, ты не привыкла к нашим постам.

По ходу недели, когда я ела, спала, посещала службы, молилась, я поняла, что участвую в целостном православном круге жизни, который достаточно прост, но очень глубок. Я всё время задавала вопросы и полюбила такое единство жизни и веры. Это напоминало мне о моём первом приезде в «Дом Мадонны». Я даже чувствовала, как моё сердце открывается под «тяжестью благодати» (выражение отца Майкла).

Всё, что мы делали, сопровождала молитва. Несколько раз мы с Аллой ходили на обед в домик отца Виктора, где также жили его сестра, его шурина, огромная немецкая овчарка и восемь кошек. Кошки занимали всё свободное пространство на кухне, где они ели, спали и ухаживали за собой и друг за другом. Перед трапезой и после неё мы молились. Когда мы вошли в кабинет отца Виктора, переполненный книгами и бумагами, мы сначала повернулись к иконам в красном углу и снова помолились перед началом нашей беседы.

Его интересовала Екатерина и «Дом Мадонны», и он их, как я могла заметить, каким-то нутром понимал. Они с Аллой

говорили, что хотели бы построить дом для уединения — он называл его «пустынькой». Они осмотрели фото «пустынь» Комбермера, которые я привезла, и даже хотели узнать точные размеры помещений.

В конце воскресной Литургии в последний день моего пребывания там отец Виктор постывил меня рядом с собой перед иконостасом и представил прихожанам, которых собралось человек шестьдесят пять. Он немножко рассказал о «Доме Мадонны» и попросил меня сказать несколько слов. Затем он и другие передали мне подарки для нашей магаданской общины. Потом была общая трапеза, где продолжали звучать вопросы и разговоры о «Доме Мадонны» и мне дарили новые подарки. Отец Виктор готов был подарить писаную икону для нашей часовни, но мы боялись, что у меня возникнут с нею проблемы на границе, потому что у нас не было нужных бумаг.

Я покидала Карсаву с необычайной радостью в сердце. Моё тело было измучено, но я чувствовала, что мой дух обновился. Я была готова вернуться домой. Впервые за всё время, что я прожила в России, я с радостью возвращалась в Магадан. Мне хотелось увидеть моих сестёр и отца Майкла, поделиться тем, что я получила от новых духовных друзей, и продолжать с ними наш духовный путь.

Глава седьмая

Крест Колымы

Молитва об искуплении зла, произошедшего в России, где были разрушены церкви и люди страдали под гнётом сталинского режима, была важной частью призвания нашего дома. Чем дольше мы жили на Колыме, тем яснее видели, как тесно история края вплетена в судьбы наших магаданских друзей.

Однажды мы с Альмой и нашей подругой Полиной отправились на долгую прогулку по ту сторону реки Магаданки. За разговором я спросила Полину, чувствует ли она связь с прошлым этих мест.

— Я расскажу вам о своей семье, — начала она.

Во время русской революции её прадед был преуспевающим крестьянином на Украине. Дважды у него отнимали всё, что он имел, и наконец в годы зверской коллективизации 1930-х годов всю семью выгнали из дома и выслали в Архангельск. Прадед отказался уезжать, сказав, что он уже стар, чтобы начинать новую жизнь, и предпочитает умереть на своей земле. Он поселился в землянке и умер в дни голодомора. Другие члены семьи скончались в ссылке. А дед попал в колымский лагерь.

— Вот и ответ на твой вопрос, Мириам, — заключила Полина. — Все стороны моей жизни и жизни моей семьи связаны с историей Магадана.

Она помолчала и тихо добавила:

— Россия ведь была христианской страной. Не возьму в толк, как она могла разрушать свои собственные церкви, сжигать свои иконы и убивать свой собственный народ...

Другая наша подруга Зина выросла рядом с женским лагерем к северу от Магадана. Её отец, врач, погиб до её рождения. Он был брошен в колымские урановые рудники. Там не было никаких средств защиты от радиоактивной пыли, так что заключённые редко протягивали больше шести месяцев. Поскольку не хватало докторов, ему позволили работать по специальности и даже соединиться с женой. Но здоровье его было навсегда подорвано. А за несколько месяцев до Зининого рождения его забрали, и больше никто о нём никогда ничего не слышал.

Вторым мужем её мамы стал «вольняшка», работавший в лагере по найму. Ещё ребёнком Зина слышала его рассказы о смерти того или иного писателя, музыканта или учёного из узников. Когда Сталина не стало, не стало и лагеря, но они с сестрой порой бродили среди заброшенных строений, где стояли штрафные бараки, виднелись сгустки крови и другие знаки человеческих страданий.

Через много лет Зина пришла к пониманию того, что её Родина — не только проклятая земля, но и «возлюбленная дочь Бога», как сказал один писатель. И она поняла, что глубочайшая страсть её сердца и значение её жизни состоит в том, чтобы помочь России вернуться ко Христу.

Историю Магадана невозможно отделить от истории лагерей. Сталину было очень нужно колымское золото, чтобы финансировать свои грандиозные проекты индустриализации, и на добычу драгоценного металла были брошены сотни тысяч заключённых, которых через всю Россию поездами везли во Владивосток, а оттуда на пароходах в Магадан. Позже этот город стал административным центром сети лагерей и поселений для obsługi.

Среди политзаключённых были убеждённые большевики, социалисты и троцкисты; все, в ком Сталин мог заподозрить соперников или кого можно было обвинить в соперничестве; все, видевшие то, что не полагалось; все смельчаки или безумцы, позволившие себе поставить под сомнение тот или иной аспект советской политики. Попасть в лагеря мог и просто подозреваемый в инакомыслии и тот, кто общался с инакомыслящими. Связь с арестантом также могла стать поводом для ареста. Вла-

Бронислава и о. Дэвид

сти требовали посадить определённое количество человек, и любого гражданина можно было обвинить в чём угодно. Большинство приговорённых к лагерям по печально известной 58-й статье были невинные люди, «дети страшных лет России», (А. Блок), попавшие под жернова того ужасного времени.

Колымские лагеря считались особенно страшными из-за тяжёлых климатических условий. Работы на открытом воздухе прекращались лишь тогда, когда температура падала ниже минус пятидесяти, но показания градусника снимала лагерная администрация, никому не дававшая отчёта. Заключённые умирали тысячами от холода, голода, болезней и переутомления.

Страстотерницы

В конце Второй мировой войны население лагерей пополнилось бывшими военнопленными, которых арестовали как изменников Родины просто за то, что они в плену остались живы. Кроме того, сюда стали отправлять многих жителей Прибалтики и Украины, подозреваемых в национализме. Среди них сюда попали две литовки: двадцатипятилетняя Вероника и Бронислава, которой тогда было двадцать один. Молодые крепкие крестьянки, привыкшие к тяжёлому труду,

смогли выжить в нечеловеческих условиях лагерей, а их твёрдая католическая вера помогла им сохранить своё человеческое достоинство.

В нашем приходе среди других сокровищ хранились чётки, которые Бронислава сделала в лагере из хлебных мякишей. Она и другие заключённые из католиков откладывали крошки от своего крохотного пайка, чтобы скатать из них шарики и надеть их на нити, вытасченные из одежды. Позже Бронислава сделала копию этих чёток и подарила её «Дому Мадонны».

Молодая журналистка однажды беседовала с бывшими заключёнными из нашего прихода и задала Брониславе вопрос о прощении. Бронислава, рассказав об одном следователе, отличавшемся садизмом, заметила, что хотела бы встретиться с ним, «просто чтобы поглядеть ему в глаза — без злобы, не чтобы плюнуть ему в лицо, но чтобы понять, как может человек общаться с тем, кого он пытал».

— Допустим, этот следователь неожиданно окажется рядом с вами на мессе, — сказала журналистка. — Вы будете готовы пожать ему руку в знак мира?

Бронислава на какое-то время задумалась, а затем сказала тихо, но уверенно:

— Да, готова. Конечно, я подам ему руку. Как я сказала, я хотела бы посмотреть, как ему живётся среди людей, которых он пытал. Но я не держу ничего против него в сердце. Я никогда никого не проклинала. Как это вам объяснить? Только что отец Майкл на проповеди сказал, что мы должны прощать тех, кто делает нам зло. Это, конечно, непросто, но что ещё нам остаётся? Бог просит нас так поступать. Если мы ненавидим и проклинаяем, что хорошего это даст? Мы верим в Бога. Наверное, человек, лишённый веры, может проклинать и ненавидеть, но мы веруем. Эта вера нас спасла. Если мы живём верой, мы должны прощать. Так меня воспитали.

Даже после окончания лагерного срока политзаключённые не могли вернуться домой. Лишённые на несколько лет гражданских прав, они были обязаны оставаться в Магаданской области и регулярно отмечаться у властей. И Бронислава и Вероника вышли замуж за людей, которых встретили в лагерях; их мужья не были литовцами, и их дети росли в Магадане.

И даже после краха коммунистической системы к бывшим заключённым относились подозрительно. Мы не раз слышали, как наши прихожане говорили:

— Раз их посадили, значит, они в чём-то провинились.

Советское сознание глубоко укоренилось в людях.

Прежде всего прочего Бронислава и Вероника пытались передать детям своё драгоценное наследие — католическую веру. Вероника сама крестила сына и дочь. Бронислава обратилась к священнику, только что освободившемуся из лагеря. Сознавая, насколько уязвима их позиция «врагов народа», обе матери крайне осторожно говорили со своими детьми. Вероника сказала своей дочери Нелли:

— Всегда помни, что ты приняла католическое крещение. У тебя не должно быть другой веры. Но никогда никому об этом не говори. Я уже побывала в лагере, и нас могут арестовать снова.

В 1992 году Бронислава услышала по радио, что еженедельно в Доме культуры служат католическую мессу. Она решила, что диктор просто что-то перепутал, но на всякий случай решила пойти и посмотреть, что там происходит. Она заплакала видя, что это и в самом деле католическая месса.

И отец Остин, и отец Майкл считали этих двух женщин духовными столпами нашего прихода. Именно на вере Вероники, Брониславы и подобных им людей — на их молитвах, верности и страдании — стоял приход Рождества Христова. Эти люди были нашим сокровищем.

Наши отношения с Акилиной никогда не были ни столь близкими, ни столь стабильными, как дружба с Вероникой и Брониславой, но каждая встреча с ней оставляла неизгладимое впечатление. Это была крохотная сутулая женщина с морщинистым лицом, голубыми глазами, носившая русский белый платок с цветочками. Она появилась у нас однажды на еженедельной встрече, где мы молились розарием. Мы не знали, кто она и как она нас нашла. Когда она произносила молитвы, было видно, что католический розарий ей малознаком. Немного позже сюда зашли двое наших друзей из баптистов, которые сказали, что договорились о встрече с Акилиной у нас.

После молитвы, когда мы сели за чай со сладостями, Акилина рассказала свою историю. Она родилась на Украине

и принадлежала к Истинной православной (или Катакомбной) церкви, которая ушла в подполье в 1927 году в знак протеста против намерения митрополита Сергия включить в ектеньи прошение о советском правительстве. Наиболее радикальные представители этой церкви отказывались от какого-либо сотрудничества с коммунистическим режимом, в котором они видели власть антихриста. Семья Акилины нигде не регистрировалась, не отдавала детей в школы, не вступала в колхоз и даже отказывалась подписывать какие-либо официальные документы. Во время голода 1933 года, намеренно организованного советским правительством, чтобы сломить сопротивление крестьян, умерли родители и несколько братьев и сестёр Акилины. В 1947 году Акилина и её сестра были арестованы и приговорены к десятилетнему сроку.

Она рассказывала о веренице чудес, которые помогли ей выжить. За отказ работать в день Пасхи её раздели догола и заставили стоять на улице на протяжении пяти дней, когда температура опускалась ниже нуля. Замёрзшая девушка думала, что умрёт, начала молиться Троице, Богородице, всем святым и даже звёздам и земле. Поражённые, мы слышали слова этой молитвы, которую она произносила, быть может, с тем же пылом, что и тогда, в лагере. И затем, рассказывала она, её окружило как бы большое толстое одеяло, так что она перестала дрожать от холода и даже начала потеть.

В другой раз при морозе минус шестьдесят всю её группу заперли в бараке за неповиновение. Им запретили топить печь и давали только одну кружку горячего чая и триста грамм хлеба в день, а охранники насмехались над ними. Чудесным образом они это пережили. К ним приехала инспекция из Москвы, все члены которой были в шубах и шапках. Когда один офицер захотел погреть руку на печке, он, к своему изумлению, почувствовал холод. Некоторые из заключённых слышали, как, выходя их барака, он бормотал:

— Может, в конце концов, Бог и правда существует?

Акулина заходила к нам раз в пару лет, и мы всегда собирались вокруг неё и снова слушали её историю, детали которой никогда не менялись. И при этом каждый раз мы чувствовали, что нас посетила посланница Бога.

У ног Христа

Меня терзали мысли о лагерях. Если ты еврейка, хотя бы и выросшая в Америке, твоё сознание мучают воспоминания о холокосте. Во Франции я встречала евреев, в том числе евреев-христиан, которые побывали в концлагерях, и всё, что я услышала и узнала от них, глубоко вошло в моё сердце. Но я ждала чего-то ещё. Слушая их рассказы, я не могла не думать о том, как они связаны с моей жизнью, столь безопасной и обеспеченной.

В Магадане мы с благоговением слушали такие истории, глубину которых мы не могли понять. Мы просто слушали, не задавая лишних вопросов ради любопытства. Мы хотели не «глядеть на» них, но «стоять рядом» с ними. Этому нас учила любовь.

Бронислава, Вероника и им подобные люди были нашими друзьями и учителями. Нам выпала честь служить им, а их доверие и дружба были для нас великой драгоценностью. Через них мы как бы омывали ноги Христовы.

Альма говорила:

— Они вынесли столько страданий, что мы никогда не сможем воздать им должное.

Я видела, как она тихо пристраивается за Брониславой на будничной мессе или садится рядом с Вероникой в воскресенье. Она никогда не упускала возможности им чем-нибудь помочь.

Паломничество в лагеря

В июне 1996 года Таня Кононова пригласила Альму совершить вместе с ней и двумя её сыновьями двухмесячное путешествие в Москву и на Украину. Вскоре после её отъезда мы с Марией совершили маленькое паломничество к недавно открытому памятнику «Маска скорби» на окраине города. Его недавно воздвигли в память о погибших в лагерях. Десять прихожан вместе с отцом Майклом вылезли из микроавтобуса, который остановился при въезде на холм, увенчанный гигантским памятником. Дальше нам нужно было взбираться по длинной лестнице, по краям которой стояли каменные плиты с названиями колымских лагерей.

Памятник, который поручили выполнить скульптору Эрнсту Неизвестному, живущему в эмиграции, представлял собой пятидесятиметровой высоты маску, которую пересекал крест. Из

Авторы: скульптор – Эрнст Неизвестный, архитектор – Камилль Казаев. «Маска скорби» – монумент высотой в 15 метров, посвящённый памяти жертв сталинских репрессии, которые были заключены в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа на Колыме.

её левого глаза катились слёзы в виде человеческих лиц. На правой стороне маски находилась вырезанная в камне лестница, ведущая во внутреннее помещение, которое наминало карцер. А над ним, на месте правого глаза, было нечто вроде окна, в котором висел лагерьный колокол.

Задняя часть монумента плоская. На ней гигантский каменный крест с висящей металлической фигурой корчащегося мускулистого человека. Это мне не понравилось. Это не был Христос, отдавший свою жизнь, чтобы все люди могли жить через Него, но человек, бунтующий против своей судьбы. Художник, мне казалось, искал единственный символ, способный сказать о смысле страданий, иначе остающихся непостижимыми.

Мы встали перед памятником и начали читать розарий о погибших в лагерях. За нами находилась бухта Нагаева.

Бронислава, побывавшая на официальном открытии памятника неделю назад, рассказала о том, как вид большой вереницы людей, поднимающихся по холму к памятнику, внезапно пробудил в ней воспоминание о её прибытии в Магадан, когда она с другими заключёнными должна была пешком идти из порта к пересыльному лагерю, находившемуся у подножия именно этого холма.

Уже тот факт, что она позволила себе говорить об этом, показался нам очень важным. Несмотря на все споры о политическом, эстетическом и духовном смысле этого памятника, самое его существование помогало понять праведность страдальницы Брониславы и других уцелевших узников лагерей и давало им свободу открыто говорить о своём прошлом. В библиотеке на встрече жертв репрессий один из присутствовавших сказал организаторам:

Вид Магадана от места, где стоит «Маска скорби».

— Спасибо вам за то, что вы возвратили нам право снова стать людьми.

В другой день мы с Марией и отцом Майклом на автобусе отправились в заброшенную деревню около бухты Гертнера на другом конце города. Около сорока пяти минут мы шли над морем к месту, где ещё недавно был детский летний лагерь, но которое до того занимали военные. Отец Майкл предполагал, что первоначально тут могла быть тюрьма. Мы могли видеть сохранившиеся бараки в разных стадиях разрушения с решётками на окнах и мощными запорами на дверях.

Мы взобрались на одну из вышек, отец Майкл перенёс сюда тяжёлый стол из сарая. У подножия вышки на этом самодельном алтаре отслужил мессу в память о жертвах колымских лагерей. Неважно, было ли это место частью ГУЛАГа или нет, тут мы могли принести Богу всю боль России, Колымы и нас самих, соединив её с болью жертвы Христа, и посвятить нашу жизнь исцелению того, что произошло на этой земле.

В это время мы внутренне готовились к паломничеству на места бывших лагерей, где мы должны были сопровождать епископа Ростислава и его клир. Они пригласили с собой отца Майкла. Мы с Марией тоже хотели туда поехать; узнав, что владыка дал своё благословение на это, мы не могли поверить своей

удаче! Нам сказали, что это путешествие будет трудным и что нам стоит взять с собой запас еды на три дня.

Семнадцатое июля, день расстрела царя Николая II и его семьи, был объявлен особым днём памяти по всей России. Мы пошли на божественную литургию в храм Святой Троицы, а после неё там служили панихиду за всех, кто погиб во время сталинских репрессий, особенно за узников колымских лагерей. Владыка Ростислав сказал об этом яркое слово и просил всех молиться о предстоящем паломничестве.

Два дня спустя в 6-30 утра мы вышли из дома. На улице слегка моросило. Отец Майкл нёс наши тяжёлые бутылки с водой и соком и большой термос с чаем. Когда мы вошли в православный храм, священник пригласил нас подождать на кухне. Скоро к нам присоединились ещё две молодые женщины. Мы с Марией вздохнули с облегчением, поняв, что не будем единственными представителями женского пола в этом паломничестве.

Когда прибыл автобус, предоставленный городскими властями, мы быстро в него погрузились и отправились, собирая священников и семинаристов по пути. Когда участники паломничества оказались в автобусе, все его восемнадцать мест были заняты.

В двух часах от Магадана услышали громкий звук — это упала на пол тяжёлая сумка, и из неё что-то текло. Это была *наша* сумка, а текло из разбитого термоса, так что чай промочил все наши вещи. Мы с Марией придали термосу вертикальное положение и начали убирать грязь, не смея глядеть на отца Майкла, который сидел впереди. А мы так старались не привлекать к себе лишнего внимания!

С нами в автобусе ехало пятеро бородатых священников в подрясниках, все они были моложе отца Майкла, которому исполнилось сорок семь. Двоих из них рукоположил предыдущий епископ. Другие паломники, дружившие с владыкой и знавшие друг друга, приехали из Москвы. Они, как и владыка, закончили университет. Там был также Алексей, дьякон, который занимался организацией путешествия и действовал с кроткой уверенностью.

Две молодые женщины были певчими. Позже в этот же день в Ягодном к нам присоединилась регент хора. Женщины были

в тёмных юбках, в блузках с длинными рукавами и в платочках, и мы были рады, что также оделись скромно.

Наконец, в нашей группе было четверо семинаристов из Свято-Троицкой лавры в Сергиевом Посаде, послушник местного монастыря, телеоператор, который раньше работал с отцом Остином, а теперь выполнял задания православного прихода, и его молодой ассистент. Епископ Ростислав с двумя другими священниками ехал на своей машине и должен был присоединиться к нам на следующее утро.

Постепенно мы начали знакомиться. Двое семинаристов настаивали на том, чтобы мы с Марией поменялись с ними местами, поскольку мы выбрали особо тряское место у заднего колеса. Отец Майкл, сидящий рядом с всегда улыбающимся отцом Дмитрием, стал объектом живого внимания — ему задавали вопросы о самых разных предметах от латинской литургии до жизни «Дома Мадонны». Мы молились за него, когда он, коверкая русский, отвечал любопытным — но его плохой язык не мешал ему общаться на глубоком уровне. Мы видели, как он достаёт из рюкзака тресник, буклет о розарии, Библию и разные молитвенники. Все эти вещи ходили по рукам окружающих, которые их разглядывали. Затем мы услышали, как он, запинаясь, произносит молитвы на церковнославянском, и нас тронули его смирение и простота.

К нам с Марией все относились с подчёркнутой вежливостью. Никто не ожидал, что мы, мирянки, должны отвечать на богословские и экуменические вопросы, которыми забрасывали отца Майкла. Нас больше всего спрашивали об Америке, но поскольку обе мы уже давно там не жили, наши ответы не были слишком содержательными. Один любопытный семинарист с густыми бровями начал спрашивать, что мы думаем о новом проекте религиозного законодательства, но дьякон Алексей пришёл нам на помощь и тихо увёл от нас этого юношу.

Мы с Марией и отцом Майклом понимали, что важны не наши неуверенные ответы на вопросы, но общая жизнь этих четырёх дней, которая помогла избавиться от сложившихся стереотипов и узнать друг друга на личном уровне. А важнее всего было то, что в эти дни мы горячо молились вместе. Не могу сказать, что мы преодолели все барьеры, но, как позже

заметил отец Майкл, «по крайней мере они теперь узнали, что мы тоже верующие».

Нас предупредили, что по пути не будет ни питания, ни туалетов до вечера, когда мы приедем в Ягодное. И действительно, на пути нам попадались только заброшенные посёлки. Люди, жившие в этих селениях, некогда обслуживали лагеря или грузовой транспорт на этой трассе протяжённостью в тысячу километров. Весь район получал поддержку из центра в обмен на поставляемое золото, но теперь финансирование прекратилось, и район оказался в запустении. Большинство посёлков было официально закрыто. Мы видели, что покинутые дома разбирали на топливо или стройматериалы. Это было тоскливое зрелище, но одновременно мы чувствовали, что этот процесс неизбежен — вся жизнь региона раньше стояла на основании, пропитанном злом.

Некогда Ягодное было приятным небольшим посёлком, но во время нашей первой зимы в Магадане произошла авария на местной электростанции, и в результате посёлок остался без отопления при морозе в минус тридцать градусов. Детей и стариков отсюда вывезли. Трубы замёрзли и были испорчены, так что многие семьи уехали отсюда. Везде нам попадались пустые дома.

Мы должны были ужинать в ресторане, но еда ещё не была готова, и потому было решено отслужить панихиду на могиле одного епископа, погибшего в лагере. Но мы с Марией её пропустили! Вместе с другими женщинами мы отправились к одной местной жительнице на квартиру, чтобы сходить в туалет, а когда вернулись, автобус уже отправился в сторону кладбища. Мы ждали остальных в маленькой церкви вместе с одним из священников, который свалился в быструю речку, когда мы оставались перекусить, так что его одежда была ещё влажной. Поскольку всё время шёл дождь, ему посоветовали остаться и посидеть в тепле.

Церковь в Ягодном представляла собой небольшое здание, в котором продолжался ремонт. С потолка и стен свисали электрические провода, с недоделанного фанерного иконостаса на нас смотрели бумажные репродукции икон; тем не менее, всё тут было готово к богослужению, так что, как только автобус вернулся, сразу началась вечерня. Затем мы пошли в ресторан,

быстро поужинали, и нас отвели в студенческое общежитие — оно пустовало во время летних каникул, — где мы провели ночь. Нам удалось убедить женщину, которая нас расселяла, что нам лучше выделить дамский туалет вместо общего с семинаристами и священниками. Когда мы гасили свет, время было уже после полуночи.

Следующий день был субботой. Поскольку никто точно не знал, во сколько начнётся литургия, а мы с Марией вообще плохо представляли себе программу этих дней, мы встали намного раньше, чем прибыл автобус, который должен был доставить нас в храм. Служба состояла из утрени, часов, литургии, водосвятного молебна. Дьякон Алексей сказал, что мы всегда можем выйти из храма и отдохнуть, если устанем.

— Нет, — возразила я, — в этом не будет необходимости.

Но вскоре после этого я чуть не упала в обморок от действия ладана, недосыпа и пустоты в желудке. Дьякон отослал нас в автобус, посоветовав что-нибудь съесть, поскольку мы всё равно не будем причащаться.

Сидя в автобусе, мы вдруг увидели, что около него стоит джип владыки. Он задержался на похоронах в Магадане и приехал в Ягодное ночью. Священники вышли его приветствовать, и мы были тронуты, увидев, как тепло он поздоровался с отцом Майклом.

Во время Божественной Литургии недостроенный храм наполнили клирики Магаданской епархии, сюда же пришло около десятка местных жителей. Было уже полпервого, когда мы отправились в тот же ресторан, где ужинали. Предупредительный дьякон Алексей спросил нас перед обедом, едим ли мы мясо. Владыка пригласил отца Майкла сесть к нему в машину на обратном пути, сказав, что поедет другой дорогой и покажет ему бывшие лагерь, которые не лежат по пути следования автобуса. Это предложение нас тронуло, несмотря на то, что из этого ничего не вышло, поскольку обильные дожди размыли дорогу, по которой хотел проехать епископ.

После обеда мы сидели в автобусе, который должен был отвезти нас в лагерь смерти в Серпантинке, к нам поднялся седой старик, опирающийся на палку. Он был в грязном коричневом плаще и подряснике. Старик напоминал юридивого.

Оказалось, это был знаменитый отец Николай, сидевший в одном лагере с епископом, на могиле которого служили панихиду. После своего освобождения отец Николай перенёс останки епископа в Ягодное для перезахоронения. Он построил две часовни, и обе они были конфискованы властями. Когда дом отца Николая сгорел дотла, епископ Ростислав пригласил его перебраться в Магадан, но отец Николай предпочёл жить в доме для престарелых неподалёку. Он хотел провести свои последние дни в тех местах, где так долго прожил.

Теперь он пришёл поздороваться со священниками. Священники его окружили — видно было, что они относятся к старцу с глубоким почтением. Мы с Марией уже много слышали об этом человеке и мечтали его увидеть. Хотя мы оставались на задних сиденьях автобуса, нас взволновала эта встреча.

Поездка в Серпантинку по горным дорогам заняла у нас около часа. Вокруг нас лежала запустевшая земля. Мы не увидели никаких следов того лагеря, о котором с ужасом говорили между собой колымские заключённые. Сюда свозили приговорённых к смертной казни для исполнения приговора. В тесноте барака они ожидали ночи, когда их начинали выводить группами по пять человек. Заведённые моторы тракторов заглушали револьверные выстрелы. Один заключённый, каким-то образом спасшийся от казни, говорил, что за ночь убивали по семьдесят человек. Как кто-то подсчитал, что за год здесь расстреливали тридцать тысяч заключённых.

Через два года после открытия лагерь был закрыт и стёрт с лица земли, а всех, кто там работал, уничтожили. Место, где он стоял, нашли намного позже, когда рабочие, занимавшиеся добычей золота, в потоке, который когда-то протекал через лагерь, нашли человеческие кости.

Над тихой долиной возвышался простой памятный камень, установленный на поросшем травой склоне. За ним стоял крест — его поставил человек, чей отец был расстрелян в Серпантинке. Рядом с именем и датами рождения и смерти отца были вырезаны имя и московский телефон сына, который надеялся таким образом узнать что-то ещё о своём отце.

Когда наш автобус подъехал к мемориалу, епископ уже ожидал нас. Мы быстро собрались около него и начали подыматься

вверх. Владыка, в чёрной рясе и вельветовой синей скуфье, начал службу об умерших. Кажется, его уже нет, а есть только одна молитва, подобная волне, омывающей ужасы истории. Патриарх предложил отслужить панихиды по всей России на тех местах, где раньше находились лагеря, и в эти дни нашего паломничества маленькая группа священников в чёрных облачениях с кадилами, собравшаяся вокруг рыжеволосого епископа, как бы приносила искупительную жертву за осквернённую Божию землю.

Молитва в Кадькчане.

Когда мы препоручили погибших милости Христа, казалось, на эту долину сошёл мир. После пения «Вечная память» владыка напомнил нам, что вечно помнить умерших может только Бог, а не мы. Человеческая память, как правило, простирается лишь на несколько поколений, но Бог держит каждого из нас в своих руках ныне и присно. Ни один человек у него не забыт и не оставлен. У *«вас же и волосы на голове все сочтены»* (Мф. 10:30).

И мне пришло в голову, что я, христианка еврейского происхождения, не случайно попала сюда. Бог позвал меня сюда из Франции, из Комбермера, из моего американского детства, чтобы я помолилась за евреев, погибших на Колыме, чтобы и они вышли из забвения безымянности и вошли в вечную память Бога. Я вспоминала слова кадиша, традиционной еврейской молитвы об умерших, где не упоминается смерть, но исповедуется вера в величие Божие:

«Да возвеличится и освятится великое имя Его в мире, который Он сотворил по воле Своей. Благословенно, и восхваляемо, и прославляемо, и возвеличиваемо, и превозносимо, и почитаемо, и величаемо, и воспеваемо имя Святого, благословен Он».

Столь неожиданно оказавшаяся в потоке еврейской истории, я понимала, что страдания моего народа должны открыть моё сердце для всех страдающих.

После панихиды некоторые из нас спустились в долину к ручью. Я подождала, пока все не отойдут от меня достаточно далеко. Мне не хотелось ни с кем говорить. Затем я спустилась и долго стояла без движения. По моим щекам катились слёзы.

Солнце сияло. Долина была пустой, мирной и безмолвной, если не считать пения, доносившегося от ручья. Не осталось следов мучений, страха, криков и отчаяния.

*А души праведных в руке Божией,
и мучение не коснется их.
В глазах неразумных они казались умершими,
и исход их считался погибелью,
и отшествие от нас – уничтожением;
но они пребывают в мифе.*

(Прем. 3:19)

Я снова поднялась на холм. У подножия мемориала лежали букетики полевых цветов и монетки. Мне тоже захотелось что-нибудь тут оставить, но у меня с собой были только верёвочные чётки, которые подарил мне в Париже филиппинец, побывавший у нас в «пустыне», и которые я обычно носила с собой в кармане. Я поцеловала чётки и положила их рядом с цветами. Когда я сказала об этом Марии, она достала из рюкзака образок святого Максимилиана Кольбе, мученика Освенцима, и добавила его к другим приношениям. Затем она помогла владке собрать в пластиковый пакет землю Серпантинки. Мне хотелось взять этой земли и в наш дом, но было некуда её положить.

Затем мы отправились в Сусуман, где нас ждал ночлег. Это путешествие заняло бы три часа, если бы у нас не сломался мотор. Водитель покопался в нём, автобус пыхтя проехал ещё какое-то расстояние и остановился окончательно. Грузовик с цепями убрал его на обочину дороги, после чего нам не оставалось ничего другого, как отдыхать и ждать подмоги. К счастью,

светило солнце, и когда мы собрали остатки еды, оказалось, что её достаточно для полдника. Никто не сетовал на судьбу.

Мы бродили вдоль дороги и по окрестным сопкам, наслаждаясь теплом и спокойствием. В других местах по соседству пейзаж изуродован кучами шлака, оставшимися после открытой добычи полезных ископаемых, а тут сопки покрывали бесконечные поля, поросшие иван-чаем. Был самый разгар короткого колымского лета, когда расцветало множество самых разных диких цветов. Эта картина казалась такой прекрасной, что можно было с лёгкостью забыть о том, что нас сюда привело.

Мы с Марией так и не поняли, откуда взялся новый автобус. Оставив нашего водителя, который сидел на ступеньках сломанной машины с двумя буханками хлеба, мы перенесли багаж в другой автобус.

Летний день становился всё длиннее по мере нашего движения на север, так что ещё светило солнце, когда в десять часов вечера мы прибыли в Сусуман. Епископ прибыл сюда раньше на своём джипе и уже начал служить вечерню без нас. В отличие от маленького храма в Ягодном, тут всё уже было отремонтировано и на стенах висели настоящие иконы. Священник жил здесь постоянно. Одна женщина так душевно приветствовала нас с Марией, что мы было подумали, что уже встречались с ней раньше, но оказалось, что это просто гостеприимство, с которым встречали всю нашу группу. То, что некоторые из нас были католиками, этому не мешало.

После богослужения нас ждал обильный ужин. Мы пришли в гостиницу около часа ночи. Чистые помещения со свежеекрашенными стенами выгодно отличались от того общежития, где мы провели прошлую ночь. Вместе с двумя певчими мы оказались в комнате, где был душ с горячей водой и туалет. Мы с радостью смыли с себя грязь дороги. Эта дорога была настолько пыльной, что, когда нам навстречу ехала другая машина, кто-нибудь вскакивал с места и закрывал люк на крыше автобуса – единственный источник свежего воздуха. Мы легли спать около двух.

Воскресенье началось с Божественной Литургии. Крохотную церквушку заполнил народ, и владыка Ростислав сказал глубокую проповедь, в которой упомянул о цели нашего паломничества.

— Мы не только молимся за умерших на Колыме, — сказал он, — но также молимся им о заступничестве, потому что молитвы мучеников обладают великой силой.

Во время путешествия мы с Марией поразились тому духовному авторитету, которым пользовался этот молодой епископ. Его родители были атеистами, но бабушка дала ему религиозное воспитание, которое легло в основу его будущего призвания. Когда церковь получила свободу, он принял постриг в Троице-Сергиевой лавре, был рукоположен в священники, преподавал в семинарии и, несмотря на молодой возраст, стал духовным наставником многих людей. Патриарх обратил на него внимание и в 1993 году поставил его епископом Магаданской епархии. Ранее некоторые другие кандидаты отказались от этого назначения. Владыке не хотелось покидать монастырь, но он принял призыв от Бога. С его появлением жизнь в епархии преобразилась.

Особенно ясно мы могли видеть духовную ревность владыки в Кадыкчане, находившемся в двух часах езды на северо-восток от Сусумана. После обеда мы забрались в третий автобус и поехали по пустой, негостеприимной и голой земле, лежавшей неподалёку от соседней республики Якутии. Небо было тёмным и грозным, что соответствовало суровому пейзажу. Мы не могли найти место встречи с владыкой, плутали по окрестным дорогам и наконец решили, что надо вернуться к ближайшему ветхому селению, чтобы там уточнить дорогу, — и тут увидели огромный деревянный крест, лежащий на склоне холма, рядом с которым стоял джип епископа.

Я никогда не забуду это место. Я никогда не забуду о присутствии Бога в совместной молитве. Оно пронзило мою душу. Оно должно было пронзить всю вселенную.

Концлагерь располагался в долине, мы могли видеть поселение горняков, выросшее на его месте. Мы стояли на берегу речки около бетонного сооружения, напоминавшего бункер, на склоне холма. В него входили через низкий туннель, который, казалось, вёл в самую сердцевину холма. Даже теперь, в середине июля, его пол был покрыт льдом. Это сооружение использовалось как карцер. Провинившихся помещали на сутки и более в это кошмарное место без еды, воды и отопления.

Зимой узники замерзали тут насмерть за несколько часов.

Меня переполнило ощущение неслыханного зла. Холодного, жадного, всеохватывающего зла. Мне хотелось закричать, но я была как в кошмарном сне, где крик замирает в горле. Дело было не в погоде, не в холодном ветре или начавшемся дожде. Это такое зло, перед лицом которого человек, если он полагается лишь на себя, чувствует себя совершенно бессильным.

На берегу реки владыка совершил молебен с освящением воды. Трижды он погружал небольшой крест в воды потока. Затем он наполнил две пластиковые кружки водой. Кто-то попросил поддержать одну из кружек отца Майкла, пока мы взбирались по холму к лежащему на нём огромному кресту. Мы окружили владыку, и он, прочитав молитвы, окропил крест святой водой. Затем он подал знак, и священники водрузили крест себе на плечи и начали с ним взбираться, почти бегом, на вершину холма. Остальные следовали за ними. На вершине уже была вырыта яма. В неё поставили крест, который предстояло надёжно закрепить.

Последовавшая затем панихида была как бы погребальной службой по всем тем, чьи кости лежат в глубине холма или разбросаны по долине. И теперь надо всем возвышался знак Христовой победы. Мы взирали на крест и пели церковные песнопения, уже ставшие нам знакомыми.

Внезапно я поняла: Голгофа навсегда избавила человека от оставленности перед лицом зла, которое, кажется, парит в тучах над нами. Люди, замерзающие в этих камерах, не были одиноки. Бездна и мрак небытия — это вовсе не конец.

Крест в Кадыкчане.

Неважно, понимали это умиравшие тут люди или нет, Христос был вместе с ними в агонии их последних часов жизни.

И теперь я поняла, почему нам не страшно быть сломленными и униженными. Потому что Он пришёл не как победитель, но как распятый, страдающий, уничижённый. И нет такого места на земле или под землей, куда бы не проникла Его милость.

Дождь шёл всё сильнее и сильнее. Засверкали молнии, но никто не шевелился до окончания молитвы. Владыка взял лопату земли и камней и засыпал в яму у основания креста, его примеру последовали все остальные, начиная со священников. Когда крест был закреплён, мы один за другим подходили и целовали его. Я прикоснулась к нему моим крестом «Дома Мадонны».

Ощущение гнёта ушло. Дождь начал затихать, а затем совсем прекратился. Из облаков выглянуло солнце, и его лучи легли на сопки.

Мы вернулись в автобус, и, пока он выезжал на главную дорогу, все всё время оборачивались, чтобы ещё раз посмотреть на Крест Христов, на его силуэт на фоне неба.

Мы вернулись в Сусуман, где нас накормили и отправили на несколько часов передохнуть в гостиницу в ожидании нового автобуса, посланного администрацией Ягодного. Первый автобус, показавшийся нам сначала убогим, теперь воспринимался как роскошь по сравнению с маленьким школьным автобусом, в который мы втиснулись, чтобы на нём возвратиться в Магадан.

И снова зарядил дождь. Во время четырёхчасового путешествия в Ягодное у нас отвалились обе лопасти вентилятора системы охлаждения мотора. В Ягодном мы около часа ждали, пока починят, но по дороге к Магадану они опять отвалились. Когда у нас вышли из строя стеклоочистители, водитель первого автобуса, ехавший с нами, орудовал ими вручную всю ночь.

Наше путешествие домой по неровной дороге оказалось долгим — оно заняло около восемнадцати часов, при этом дождь стекал по стёклам уже *внутри* автобуса. Мы мало говорили, потому что все устали и дремали. Принимавшие нас у себя жители Сусумана снабдили нас едой и питьем, так что время от времени

всем предлагали поесть. На стоянках мы ходили в туалет в кусты под проливным дождём.

На следующий день около полудня дождь, наконец, прекратился, мы вылезли в живописном месте и смогли размять ноги. Мария вместе с одним священником увидели выводок сурков, живущих в развалинах покинутого дома. Отец Дмитрий подарил нам букет полевых цветов, которые он сам собрал.

Автобус прибыл в Магадан около трёх часов дня. Некоторые священники вышли раньше в посёлках, где они жили. Отец Майкл, Мария и я сошли около приходской часовни и отправились к нам. В «Доме Мадонны» отец Майкл впервые за эти четыре дня отслужил мессу, а мы впервые за четыре дня причастились.

Впечатления от Кадыкчана и от того момента, когда владыка Ростислав водружал крест над долиной, пропитанной злом, и возвещал о победе Христа, были настолько сильными, что несколько дней я не могла думать о них без слёз. И если я начинала о них говорить, у меня перехватывало дыхание и слова застревали в горле. Это одно из самых сильных впечатлений всей моей жизни. И я молилась, чтобы оно изменило мою жизнь.

Глава восьмая

Сокровище смиренных

В 1996 году мы стали делать сознательные усилия, чтобы больше помогать бедным. Мария была убеждена, что нам нужно двигаться в этом направлении. Это также расширяло границы нашей миссии, поскольку мы в основном общались с узкой группой активных прихожан, которые сами к нам стремились.

Мы хотели подражать нашим русским друзьям, которые никогда не отказывались накормить людей или им помочь. И когда наши усилия истощали нас до предела, мы учились жить благодатью. Мы стремились жить по Евангелию без компромиссов, и в Магадане у нас для этого открылись прекрасные возможности.

Мне было несложно строить отношения с нашими образованными друзьями, которых радовал мой интерес к русской поэзии и культуре. Мария это одобряла, но она также считала, что мне важно общаться и с теми, кого мне труднее принять. Бог не мог придумать для меня лучшей школы очищения, чем эта.

Когда я сказала отцу Майклу, что меня не привлекают бедные, он сказал:

— Ты призвана делать то, что у тебя не слишком хорошо получается. Есть лишь один способ научиться любить — полюбить до гроба.

Как-то воскресным утром к нам зашла наша соседка Мирослава, маленькая женщина с морщинистым лицом и волосами, окрашенными хной. В этот самый момент мы одевались, готовясь идти на мессу. Поскольку мы продолжали заниматься

своими делами, не уделяя ей полного внимания, она почувствовала себя лишней и ушла с обидой на нас.

— Нам надо быть внимательнее к малым сим, — сказала Мария, — ибо они бесценны.

— Даже когда нас съедают? — спросила я возмущённо.

— Мы принесли обет бедности. На материальном уровне мы не можем жить так же, как местные люди, и потому можем стать бедными таким путём.

И снова её слова призывали отказаться от контроля, от барьеров, от тех условий нашей жизни, которые я старалась поддерживать. Я снова с горечью поняла, что этому инстинктивно сопротивляюсь. Возможно, притязания Мирославы на исключительное внимание не были оправданны, но разумные объяснения в данном случае не самый надёжный критерий. Мы призваны любить, не считая, сколько это стоит, и принимать каждого человека, которого нам посылает Бог.

Наше призвание меня пугало, но, встав на колени перед Святыми дарами, я почувствовала всю замкнутость моего эгоцентризма, построенного на интеллекте, открыла сердце для Иисуса и перестала сопротивляться. Я уже решила следовать за Ним, и мне не нужно было оглядываться назад. У меня нет иной жизни, кроме Христа.

Я была особенно плохо защищена от чисто физического переутомления. Мы всё время уставали, но Мария и Альма обладали более надёжными запасами энергии, чем я. Мы всегда ложились слишком поздно, я плохо спала и рано просыпалась. Меня пугала опасность потерять чувство меры и контроль над эмоциями под влиянием усталости. Меня раздражало то, что в нашей жизни нет границ и за это приходится слишком дорого платить.

Обычно я говорила о таких вещах с Марией, но тут что-то во мне сказалось: «Не делай этого сейчас. Бог призывает тебя к полному подчинению. Передай всё Божьей Матери и верь, что она даст тебе то, что нужно».

Это казалось радикальной мерой, но я сделала этот шаг веры. Следующее воскресенье также было крайне напряжённым днём, и Мария сказала, что в понедельник мы можем встать поздно и отдохнуть с утра. Я встала уже в полдевятого и чувствовала себя отдохнувшей. Я не спеша помолилась, и мне

казалось, что Богородица ответила на мою молитву. Я ничего не делала, но она взяла на себя заботу обо мне. Мне стало легко и радостно на сердце. Это был важный урок, о котором я написала в своем дневнике такие слова:

Бог повёл меня туда, где мои силы кончились, и спас меня, а теперь Он хочет, чтобы я жила на пределе сил и полагалась только на Него. Святой Дух указывает путь. *Господи, помоги мне не сопротивляться Тебе.*

Жить по Евангелию без компромиссов

Наши друзья нередко показывали нам яркий пример того, что значит жить по Евангелию. Их не пугала его бескомпромиссность и они не рассчитывали свои силы, следуя ему. Они совершали такие отчаянные шаги веры, что у нас перехватывало дыхание.

В моём сердце росло желание любить именно так. Моя духовная жизнь в значительной мере сформировалась под воздействием культуры Северной Америки, которая слишком озабочена психологией, так что в центре её стоял не Христос, но я сама. В отличие от наших друзей, я была пленником своих эмоций и потому снова и снова заходила в тупик в отношениях с людьми.

Отец Майкл предложил мне Великим постом попытаться разговаривать с Иисусом, висящим на Кресте. Он начал объяснять, что значит, как он это называл, «жить на кресте». В качестве первого шага он предложил молча и без протеста встречать ситуации, которые мне кажутся несправедливостью по отношению ко мне, чтобы «немного войти во вкус креста» и научиться «выбирать страдание». Каждый раз, когда я переживаю унижение или кто-то меня обижает, оскорбляет, я должна учиться не защищаться. Каждый раз, когда я вступаю в спор или конфликт, я должна просить прощения.

Это меня шокировало. Как будто мне предложили, подобно тореадору, спокойно стоять на арене, когда на меня бросается бык. Отец Майкл сказал, что в беззащитности я не останусь покинутой. Бог присутствует везде, и мне надо молиться о даре веры.

— Мы призваны жить в крестной любви, — сказал он, — где нам нечего защищать, где мы всё оставили и в своей беспомощности пригвождены ко кресту. Вот наша цель. Другого выбора нет, — добавил он, — если я не хочу жить, как прежде, своей головой. Я не могу создать в себе чувство любви, но могу чувствовать боль. Две эти вещи лежат близко. Боль открывает сердце.

Я писала своему духовнику в «Доме Мадонны»:

Как человек может выбрать страдание? Это идёт вразрез с человеческой природой, с моим гуманистическим воспитанием и моими прежними представлениями о вере. А хуже всего то, что такая возможность, которая всегда меня ужасала и возмущала, теперь стоит передо мной как приглашение, как призыв.

Я не могу безоговорочно согласиться на это. Я не могу сказать Богу: «Да, я выбираю путь страданий». И я не могу Его об этом просить. Но я подозреваю, что человек выбирает не «путь», но выбирает Его. Мне остаётся быть рядом с распятым Христом и говорить: *Я хочу быть с Тобой. Помогите мне не бояться.*

Вот несколько записей из моего дневника «пустыни»:

18 июня 1996

Бог учит меня жить Его благодатью. Это для меня новая духовная страна. Если Он того хочет, Он даст мне всё необходимое. Вероятно, за это придётся платить, но меня научили не считаться с ценой. Это время думать широко и ставить высоко планку.

Согласие на этот путь не предполагает, что я на это способна, и не зависит от моих способностей. Это настоящая свобода! Почему я раньше этого совсем не понимала?

Я учусь жить в борьбе, ощущая боль. Это значит дать свободу самой жизни. Не к этому ли я всегда

стремилась? Бог действительно вынудил меня отправиться на глубину, а в итоге я, подобно Петру, хожу по воде. Если я перестану смотреть на Иисуса — всё для меня кончено.

Поскольку Альма уехала на Украину и нас осталось только двое, наша невозможная жизнь стала ещё более безумной. Вчера в полночь Мария сказала, что нам необходимо составить сводный баланс. Я могла думать только об одном: чтобы Бог оценил мои усилия, — потому что в этот час цифры не желают складываться.

Весь вчерашний день нас осаждали бедные, наши «малые сии». Увижу ли я в них когда-нибудь лик Божий, как это могли видеть Екатерина, Мария с Альмой и отец Майкл? Возможно, для этого надо любить не «бедных», но пытаться любить Симу, Костю, Любу...

1 июля 1996

Я не пошла на праздник белых ночей в надежде пораньше лечь спать, но в 22:15 к нам зашла подруга, которой срочно нужно было поговорить, так что я смогла лечь только в час. Вчера было воскресенье, и мы с Марией весь день (за исключением времени мессы и одного часа отдыха днём) занимались готовкой еды, поскольку пригласили на ужин отца Майкла, двух его гостей с Аляски и Альвину. Как и можно было ожидать, только мы сели за стол, как пришла Люба и села с нами. Затем, когда мы уже всё съели, пришли матушка Параскева и Сима. Мария приготовила второй ужин, и Люба не отказалась и от него.

На прошлой неделе утром я варила большую кастрюлю супа, надеясь, что его хватит на два-три дня. Но к вечеру почти ничего не оставалось и на ужин, поскольку мы кормили всех, кто к нам заходил. «Хочет ли Бог, чтобы наш дом стал рестораном?» — с иронией спросила Мария.

Сколько раз на этой неделе я думала: «Я просто не в силах этого сделать!» Но мне в голову тут же приходили другие слова: «Господи, спаси меня, я тону!» или «Будь милостив ко мне грешной». Мы пережили это лето только милостью Божией.

Я стала меньше себя защищать. Хотя защитные механизмы продолжают работать, моя вера сильнее, и страх быстрее рассеивается. Если я разорвусь на части, значит, быть по сему. На всё воля Божья.

Как сказала Мария, бедность, к которой мы призваны в Магадане, состоит в том, что мы не в силах контролировать свою жизнь. И только доверяя Богу, можем выжить здесь. Я пока не достигла этого, но стремлюсь.

23 июля 1996

Я всё ещё чувствую на себе влияние нашего паломничества на Колыму. Вернувшись оттуда, мы с Марией несколько дней чувствовали себя больными. Мария думает, что это пищевое отравление или, может быть, вода была плохая. Я же думаю, что сила пережитого сбила нас с ног.

После Колымы многие вещи, за которые я продолжала цепляться, потеряли значение: гордость, признание, достижения. С ними непросто расстаться, но я стала ясно видеть, что они мало что значат.

Бог говорит мне: *«Стой в истине и не отрывай взора от Меня. Не смущайся. Я веду тебя».*

Поймали вора

В августе к нам на три недели из Комбермера приехал отец Том Зеллер. Он отважно делил с нами жизнь без передышек. Однажды у нас не было времени готовить еду, так что мы питались гречневой кашей в разных видах на завтрак, обед и ужин. На другой день он принёс к нам, как ему предложила Мария, грязное белье для стирки, но унёс его вечером назад в том же виде, чтобы постирать самому.

Татьяна Кононова

После своего двухмесячного путешествия с Таней и Кириллом вернулась Альма, но мы не могли её встретить. Накануне днём в нашем доме царил суматоха. Два мальчика, Коля и Витя, собирали пазлы в гостиной, а мы с Марией занимались другими гостями на кухне. В какой-то момент Мария вышла, чтобы достать деньги, которые кому-то понадобились на лекарства. Мы хранили рубли и доллары в голубой сумке под кроватью, чтобы их было легко доставать, и в суматохе Мария забыла задвинуть сумку обратно.

И только уже ложась спать, мы обнаружили, что деньги исчезли. Из всех людей, которые были у нас в доме, зайти в спальню могли только Коля и Витя.

На следующее утро Мария проснулась с твёрдым решением сказать об этом Коле и его матери Наташе, с которой мы познакомились всего неделю назад. В девять мы вышли из дома. Мы знали дом, где они живут, а поскольку Колина мама рассказывала нам, что у них недавно случился пожар, нам было несложно найти квартиру по обугленным окнам.

Их семья жила в коммуналке. Серёжа, отчим Коли, провёл нас плохо освещённым коридором на общую кухню, усадил нас на двух шатких стульях и уставился на наши ноги. У него явно было похмелье. Мария выразила настойчивое желание поговорить с Наташей, а Серёжа этому вяло сопротивлялся. Вчера они праздновали четырёхлетие совместной жизни, и мы предполагали, что Наташа находится не в лучшем состоянии, чем её муж. Наконец Мария объяснила ему, что нас сюда привело, и сказала, что, если мы не можем поговорить с Наташей, нам придётся обратиться в милицию. Поскольку Наташа не выражала желания покидать спальню, Мария решила, что мы сами пойдём к ней.

Серёжа отвёл нас в комнату, где стояли три кровати и пляжной шкаф, обои свисали со стен, а на полу была шелушащаяся краска. По комнате была разбросана одежда, а на верёвке в углу комнаты сушилось бельё. В другом углу висели бумажные иконки и крест, который Мария подарила Наташе неделю назад. На двух стенах красовались религиозные картины.

Аня, четырнадцатилетняя сестра Коли, ещё лежала в постели. На другой неубранной постели сидела Наташа, обхватив голову руками, в свитере поверх ночной рубашки.

Мария рассказала ей о пропаже значительной суммы денег. Наташа отрицала причастность своего сына к воровству и сваливала вину на Витю. Серёжа решил привести сюда Колю, который заперся в туалете и не желал оттуда выходить. Коля решительно уверял, что не брал денег, даже когда Мария напомнила ему о прежних мелких кражах: он уже присвоил фонарик, перочинный нож и ключи Альмы. Он уверял, что деньги, которые Наташа видела у него вечером накануне, — это его заработок на заправке, где он работал вместе с Витей. Он бранил мать и говорил, что она упиалась до одурения. Марии пришлось сдерживать Наташу, чтобы та не начала проклинать своего сына.

Не знаю, чем бы закончилась эта сцена, если бы в этот момент не пришёл отец Вити. Сначала Наташа отказывалась его впускать, но Серёжа предложил ей и Коле поговорить с ним на кухне. Мы слышали их громкий разговор. Аня, которая до этого сказала только одно:

— Я говорила ему, что он не должен водить к вам своих друзей, — использовала этот момент, чтобы встать с постели и одеться, сидя на мятых простынях.

Наконец переговорщики вернулись в комнату. Если мы правильно поняли речь не слишком трезвых людей, отец Вити обнаружил кражу, но к тому моменту Витя уже успел раздать деньги своим друзьям. За это отец его жестоко избил.

Мы напомнили, что в этом принимал участие и Коля, который тоже несёт ответственность за содеянное. Наташа переходила от угроз к слезам и сказала, что избьёт Колю до полусмерти. Мария попросила её воздержаться от подобных слов. Коля был

неплохим парнем, но легко поддавался влиянию компании. Мария предложила Коле подойти к ней и попросить прощения. Он неохотно согласился.

— Я прощаю тебя, и Бог тебя прощает, — сказала Мария.

Затем она предложила Коле попросить прощения у матери.

— Я его не прощу, — сказала Наташа.

— Тебе нужно это сделать, — сказала Мария.

— Ни за что.

— Тебе нужно простить его, — повторила Мария.

Мы не слышали, чтобы Наташа сказала сыну «я тебя прощаю», но она его обняла.

Мы прочли «Отче наш».

Мария хотела, чтобы отец Вити пришёл поговорить с нами, но Наташа сказала, что он на это не согласится. Она рассказала, что крестилась в православной церкви, и показала нам свою Библию. Мария открыла её на случайном месте и прочла евангельскую историю исцеления бесноватого, когда бесы отправились в стадо свиней. Наташа сказала, что в ней самой живёт бес. После того, что мы наблюдали на протяжении этих двух часов, Мария была почти готова с ней согласиться.

— Ты не сможешь вернуть украденные деньги, — сказала Мария, — может быть, ты «погасишь долг» другим образом — сходишь на исповедь?

Наташу эта мысль испугала.

— Я пойду с тобой, — сказала Мария.

— Правда?

— Конечно.

Они договорились встретиться у нас в субботу в десять часов, и Мария повторила это в слабой надежде на то, что Коля и Аня напомнят об этом родителям, когда те протрезвеют. Мы настолько мало верили в то, что Наташа исполнит обещанное, что в субботу, занимаясь еженедельной уборкой, только в полдень заметили, что они не пришли.

Всё это время я поглядывала на часы. По привычке осмотрели дом перед выходом, пошили горячего шоколаду... И поняли, что уже поздно ехать в аэропорт встречать Альму. Вернулись. Звонил телефон: Таня сообщила, что они с Кириллом и Альмой благополучно приземлились и едут в город на автобусе.

Альма была рада вернуться в Магадан. Ей казалось, что она всё лето следовала за распятым Христом. Несмотря на то, что нас разделяли тысячи километров, Бог учил всех нас троих бедности и послушанию.

Путь к сердцу

В начале сентября я две недели страдала бронхитом, так что мне, наконец-то, пришлось лежать в постели. Я заболела не в самый подходящий момент, потому что тогда мы переклеивали обои в часовне. Хуже того — у меня заболела спина. Было нечто унижительное в том, что я не могу помочь сёстрам, но ещё больше меня унижало то, что я не могу мирно принять эту ситуацию. Я купалась в собственной бедности.

27 сентября 1996

Мне не нравится эта ситуация, и ни у кого нет времени хотя бы на то, чтобы выразить мне сочувствие. Мне остаётся только одно: послушание и подчинение. Я — самый слабый член нашей общины и не в силах выбраться из своего одиночества, неудовлетворённости и саможаления.

Помилуй меня, Господи. Я не способна идти вперёд сама. Пошли мне Твою благодать. И прошу Тебя, помоги мне не сопротивляться ей.

27 сентября 1996

«Я бы многое отдал за то, чтобы оказаться на твоём месте, — сказал отец Майкл, как бы косвенно говоря о моих мучениях. — Разве не об этом ты молилась: чтобы стать малой, слабой, бедной и униженной? Бог услышал глубинную просьбу твоего сердца. Ты молилась о том, чтобы увидеть свои грехи, а теперь ты стоишь в этих грехах и можешь просить о милости».

Он сказал, что мне не надо бояться своей злости и чувства протеста, но позволить себе прочувствовать эти эмоции. Он советовал мне читать Псалмы.

3 октября 1996

Моя спина лучше, и я как будто вернулась из другой страны — страны слабости, унижения и боли. Отец Майкл прав. Именно об этом я молилась. Бог ведёт меня на новую духовную землю, к реальности Креста, и я не хочу терять того, что мне было даровано.

8 октября 1996

Утром мы поговорили с Марией: похоже, в марте мне предстоит на несколько месяцев отправиться в Комбермер. Меня ужасает мысль покинуть Россию на такой долгий срок и пропустить Великий пост и пасхальные дни, но я глубоко понимаю, что моя вера и мой крест не привязаны даже и к России.

Когда я работала над подготовкой русского издания автобиографии Екатерины «Истории русской странницы»*, я впервые со всей ясностью

* Истории русской странницы. М.: Магаданское книжное издательство. 1999.

увидела, что она отождествляет себя с униженным Христом. И я тоже чувствовала себя юродивой, когда просила Бога продолжать делать

во мне то, что Он начал. Я плакала, но просила ещё. Я стремлюсь к жизни, и к жизни с избытком. «Вот, Он убивает меня, но я буду надеяться...» (Иов. 13:15).

Всё лето мы трудились без остановки. Я пыталась делать то, что требовала жизнь, и это оказалось слишком для моего тела. В результате я шесть недель мучилась бронхитом, и у меня до сих пор побаливает спина. Но всё соответствует Его замыслу. Бог через эту болезнь и слабость вёл меня к более глубокой истине. Как мне писала одна подруга: «порази меня снова, ибо я знаю, что буду жить!»

15 октября 1996

Сегодня я чувствую себя насекомым, приколотым булавкой к картону. Неужели Господь действи-

тельно этого от меня хочет? Он дал себя распять и позволил другим сделать с Ним, что они захотят. И когда я сердито говорила себе: «Но это же не может быть нормальным образом жизни!» — я услышала в своём сердце слова: «*Мы не говорим о нормальной жизни, речь идёт о Евангелии*».

Отец Майкл сказал, что я научусь принимать крест тогда, когда научусь мирно пребывать в своей ранимости и незащитности.

«Тебе надо отказаться от контроля, — сказал он. — Это тебе абсолютно необходимо. Если ты не дашь распять свой ум, ты будешь жить в своих мыслях, думая, что живёшь в реальности. Тебе покажется, что ты попала в иной дом, тогда как на самом деле ты просто переставила мебель!»

«Разум ставит пределы, раскладывает всё по полочкам и строит барьеры, — продолжал он. — Сердце отдаёт всё. Ум рассудителен и стремится всё объяснить. Сердце глупо и доверчиво».

«*Если ты не станешь как дитя, ты никогда не войдешь в Царство Небесное*» (Мк. 10:15).

Невидимая брань

Как-то раз дочь Вероники Нелли, фельдшер, пришла навестить Марию и Альму, которые выздоравливали после вирусной инфекции. Я принесла им в спальню чай и отправилась на кухню, где мы ели рис и бобы с нашим бурятским другом Мишей, Леной и её четырёхлетним сыном Ярославом.

Лена появилась у нас в приходе полгода назад. Эта маленькая крепкая и всегда напряжённая женщина с узким лицом и светлыми глазами всегда носила всё чёрное с головы до ног. Когда её мужа, мусульманина, убили в Узбекистане, Лена убежала оттуда с Ярославом, чтобы родственники мужа не забрали у неё ребёнка. Каким-то образом она оказалась в Магадане. Она думала только об одном: как им с Ярославом выжить. Ничто не могло отвлечь её от этих мыслей, и, похоже, ничто кроме этого её не интересовало. Каждый раз, когда она приходила, мы теряли душевное равновесие.

Альма, Мириам и Мария в Магадане.

Пришла Мирослава. Обычно она не остаётся, если у нас другие гости, но сегодня она присела на табурет в коридоре и сидела. Когда ушёл Миша, Лена завела разговор с Мирославой, а затем к ним присоединилась и Нелли, вышедшая из спальни. Затем Нелли удалось попрощаться с ними и уйти.

Лена начала одевать Ярослава, собираясь домой, что всегда занимало немало времени. Женщины продолжали беседовать, а Ярослав томился в тёплой одежде и вышел на лестницу. Потом Лена звонила по телефону, а я беседовала на кухне с Мирославой. Услышав, что Лена положила трубку, я пошла с ней попрощаться, и мы ещё о чём-то поговорили. Тем временем Мирослава, оставшаяся в одиночестве, отправилась в спальню к больным сёстрам.

Только в три часа дня мне удалось закрыть дверь за Леной и оторвать Мирославу от Марии с Альмой. Лишь тогда они смогли приняться за свой обед, который стоял рядом с ними на подносе два с половиной часа. Мирослава выпила чашку чая и тоже ушла.

И тут в дверь снова позвонили. Это была обезумевшая Лена: Ярослав исчез. Его не было ни на лестничной площадке, ни на

лестнице, ни у нашего подъезда, ни около дома. Лена даже в самую мирную минуту не могла быть спокойной, а теперь она была на грани истерики.

Она категорически отметала ту возможность, что Ярослав решил пойти домой самостоятельно: он никогда не пересекал улицу с оживлённым движением без матери. Но она заметила, что Нелли странным взглядом смотрела на Ярослава, и у неё есть только одно объяснение: Нелли похитила мальчика.

Мы не могли поверить своим ушам, но переубедить Лену было невозможно. Мы, наконец, набрали номер Нелли, думая, что она сможет успокоить обезумевшую женщину, но, несмотря на объяснения потрясённой Нелли, Лена оставалась при своём убеждении.

Мы с Леной вышли из дома и снова осмотрели окрестности, после чего она вернулась, намереваясь позвонить в милицию. Там ей сказали, чтобы она вернулась домой и ждала. Вскоре мы увидели милицейскую машину под нашими окнами и увидели, что Лена в неё села.

Вскоре позвонила плачущая Нелли. У неё только что побывали милиционеры вместе с Леной, которая снова обвиняла Нелли в похищении ребёнка. Нам было крайне неловко из-за того, что наша подруга, пришедшая, чтобы оказать нам медицинскую помощь, оказалась замешанной в это нелепое дело. Мы не могли себе представить, что значит для русской женщины, мать которой сидела в лагерях, визит милиционеров, которые обвиняют её в похищении ребёнка.

Телефон звонил весь день не переставая. Я пошла на мессу, где горячо молилась о разрешении ситуации. Когда я вернулась домой, я узнала от Марии и Альмы, что им звонила Лена, чтобы сообщить, что Ярослав наконец вернулся домой, а по пути он задержался, потому что играл на детской площадке.

После ужина мы отправились в часовню, где провели полчаса в поклонении Святым Дарам. Мы чувствовали полную опустошённость. Тут к нам зашёл отец Майкл, который благословил нас Дарами. Мы поговорили и пришли к выводу, что лукавый в этот день показал свои когти. Отец Майкл сказал, что во время таких нападений нам нужна духовная защита священника:

— Перенаправьте часть огня противника на меня, — сказал он.

Эта духовная битва сделала наши молитвы особенно настойчивыми. Мария предложила отныне посвящать ежедневно поклонению не полчаса, а час.

— Это наше единственное оружие, — сказала она.

12 ноября 1996

Мои эмоции бушуют, и я уже не могу контролировать их умом, как привыкла делать. Отец Майкл сказал, чтобы я позволила чувствам выйти на поверхность и не пыталась в них разбираться. Обстоятельства тут роли не играют. Когда такое происходит, я должна пребывать в молчании и чувствовать боль. Это смягчает сердце. Иначе, сказал он, я буду всё анализировать и объяснять — и это позволит убежать от креста. Оставаясь в боли, мы учимся понимать боль других людей.

Когда мы говорим об этом, я чувствую себя парией, «девочкой без сердца». Мой ум, самый надёжный мой инструмент, внезапно превращается в главное препятствие на пути.

19 ноября 1996

В январе мне исполнится пятьдесят. Может быть, это подходящий момент, чтобы избавиться ото всего лишнего. Скажем, от моей прекрасной зимней куртки, которая испортилась, когда в автобусе я села на сиденье, на которое кто-то пролил хлорку.

Бог хочет, чтобы я отдала свою жизнь во искупление зла. Что значит куртка? Бог говорит мне: *«Не отвлекайся. У тебя есть более важная задача. Я с тобой. Сиди у моих ног».*

Жертвоприношение пред лицом Господним

В декабре к нам на две недели приехала наша любимая хозяйка Джин Фокс. Вскоре после своего приезда она сва-

лилась с ужасным гриппом и крайне высоким давлением. Хотя она заставила себя встать, она всё время чувствовала себя плохо и уехала переутомлённая. Как будто бы её тело приняло на себя духовную борьбу, идущую в Магадане. Она сказала, что когда больная лежала в кровати в нашей «пустыне», она как никогда раньше сильно чувствовала присутствие и защиту Божьей Матери.

В этом была и хорошая сторона: Джин могла провести больше времени с нами, поскольку ей приходилось отклонять разнообразные приглашения. Однажды она почувствовала себя лучше и смогла ходить по квартире — и в этот день, вернувшись с мессы, мы нашли аккуратную стопку постиранного белья и вымытую посуду. Как прекрасно было просто жить рядом с ней!

Однажды Джин присоединилась к нам и нашим друзьям, когда мы читали розарий и пили чай (это происходило еженедельно по средам). По её просьбе Альвина почитала вслух русский перевод очерка Екатерины «Россия на кресте». Я надеялась, что Джин поделится с нами своими мыслями о прочитанном, но тут все разом заговорили, и я еле успевала переводить их реплики для Джин.

Случайно я услышала, как Нина говорит Альвине:

— Я поняла, что ты читала. Мы на кресте, и поэтому Россия должна искупить зло мира.

Джин показалось, что текст Екатерины задел собравшихся за живое.

— Они пытаются понять загадку своих страданий, — сказала она.

Накануне отъезда из Магадана Джин говорила с нами о том, что она поняла во время этого визита:

Джин Фокс

Вам надо оставаться крайне смиренными. Никогда не думайте, что ваша человечность, ваши идеи, ваш ум или даже ваше милосердие на кого-нибудь повлияет в России.

Относитесь к каждому человеку с благоговением. Уважайте его историю и особенно присутствие Бога, которое так ощутимо в каждом из них. Сейчас они находятся в состоянии потрясения и мучительно страдают. Они жертвы истории и той трагедии, которая произошла в стране.

Они сами должны пытаться это понять. Не думайте, что вы их чему-то научите. Слушайте и любите их, будьте рядом с ними, пока они стремятся вернуться к вере. Они снова увидят лик Иисуса Христа, потому что так обещала Богородица.

Всегда помните о том, зачем вы сюда приехали: любить Бога, служить Ему и молиться, страдать и держать пост за людей в России. Есть немало тех, кто готов оказывать им материальную помощь, но *мало таких, кто может быть жертвенным приношением перед лицом Бога, ходатайством о Его милости.*

Богу не нужны геройские поступки, Ему нужна наша любовь. Стойте перед Ним ради этих людей. У них нет времени для этого. Для них мы есть Церковь. Мы собираем их сердца и несём их к Святым дарам.

Юлин младенец

Когда Джин болела, произошло одно странное событие.

Алик Куприн появился у нас полгода назад, как только вышел из тюрьмы, куда попал за мелкую кражу. Он пытался найти себе место в жизни и время от времени заходил к нам. Как-то в октябре он был у своей знакомой, с которой они выпивали. И вот, опьянев, Алик на что-то рассердился и ударил женщину, так что она упала и ударилась головой о батарею. Её в коматозном состоянии отвезли в госпиталь.

На следующий день Алик воспользовался нашим телефоном, чтобы позвонить в больницу. Я была одна в квартире

и ждала на кухне, пока он не кончит говорить. Услышав, что он положил трубку, я вышла в коридор — Алик стоял неподвижно, и лицо его было мертвенно-бледным. Он прижался ко мне и заплакал — это было не горе, но страх. Женщина умерла, и Алику предстояло сесть в тюрьму за убийство при смягчающих обстоятельствах.

Его ужасала мысль о тюрьме, и он скрылся куда-то из города. Мы не хотели знать деталей на тот случай, если нас будут о нём спрашивать.

В конце ноября к нам пришла девушка лет девятнадцати по имени Юля, которая сказала, что она — давняя подруга Алика и мать его восьмимесячного сына. Она сообщила, что Алика арестовали и он ждёт суда в тюрьме в Магадане. Она с ребёнком живёт у друзей за городом. Она сказала, что ребёнок болеет, и мы дали ей денег на лекарства. В декабре, накануне приезда Джин, Юля зашла к нам и сказала, что ребёнка положили в больницу.

Когда Джин заболела, полвторого ночи кто-то позвонил нам в дверь. Мы быстро вскочили, думая, что это Джин, которая поселилась в соседней квартире. Открыв дверь, мы увидели плачущую Юлю.

— Маленький Алик умер, — произнесла она.

Онемевшие от потрясения, мы позвали девушку к нам. Альма обнимала её, а Юля постепенно рассказала о своей трагедии. Малыш попал в больницу из-за высокой температуры. Когда состояние улучшилось и его собирались выписывать, врач настоял на ещё одном внутривенном вливании. Его поручили приготовить неопытной сестре. И в результате ребёнок мгновенно скончался.

Это была кошмарная история, но мы прожили в Магадане достаточно долго и знали, что тут нет ничего неправдоподобного. Мы утешали Юлю как могли, напоили её чаем, дали ей успокаивающее лекарство из трав и уложили её на постель Альмы. Сама же Альма взяла спальный мешок и устроилась на полу часовни.

Юля провела с нами несколько дней. Нам было тяжело, поскольку мы ухаживали за Джин и старались жить обычной жизнью, одновременно стремясь не забывать о Юле, чтобы наша

любовь давала ей утешение. Мы купили ей обратный билет до дома, снабдили запасами еды на три дня и проводили до автобусной станции.

Мы не знали, как связаться с Аликом, но он сам позвонил нам из тюрьмы вскоре после Юлиного отъезда.

— Алик, — начала Мария, — я просто не знаю, как тебе об этом сказать... Ребёнок умер.

— Какой ребёнок?

— Твой сын. Ребёнок Юли.

Алик долго молчал, а затем тихо сказал:

— Она вам всё наврала. Никакого ребёнка не было. Это всё басни.

Нам не было жалко денег, которые мы дали Юле. Но мы открыли для неё сердца, отдали ей себя, и потому её обман оставил в наших душах тяжёлое чувство.

Переориентация

Вернувшись в Комбермер, Джин написала:

Магадан навсегда оставил печать в моём сердце. Я приношу всю мою жизнь как жертву за вас и за ваших русских друзей.

Мы всегда вместе. Ничего не бойтесь. Молитесь о благодати, которая вам нужна, чтобы прожить каждый день. Всё, что происходит, Бог попускает ради Своей славы. Не забывайте раз в неделю удаляться в «пустыню», изо всех сил старайтесь хранить верность этому обычаю. Создайте расписание вместе и придерживайтесь его, это крайне важно. Нас ведёт Богородица.

Передайте от меня привет отцу Майклу и отцу Дэвиду. Скажите прихожанам и всем тем, кто тронул моё сердце своей любовью, что я с глубокой нежностью о них молюсь. Скажите им, что они — иконы самого Бога. Да радуются они тому, что распяты вместе со Спасителем. Он воскресит всю Россию через их веру.

Джин призывала нас придерживаться расписания — я думаю, это было продиктовано заботой о нашем здоровье и желанием уберечь нас от крайностей. Но я всё равно чувствовала смятение. Я только начала учиться быть с бедными и служить им, отдавая всё без остатка, — то есть жить по Евангелию без компромиссов, — и меня пугала мысль о том, что мне нужно придерживаться каких-то ограничений. Как я могу себя сдерживать в тот самый момент, когда я учусь всё отдавать?

Мария считала, что слова Джин требуют безоговорочного послушания. Может быть, всё и должно быть таким простым. В такой-то момент Бог просит тебя сделать одно, а в другой момент — другое. Я была призвана всё оставить и ни за что не держаться, и изо всех сил старалась это осуществить. А теперь мы призваны сделать шаг назад. Значит ли это, что мы в меньшей мере будем жить по Евангелию? Мы можем *чувствовать*, что действуем не столь совершенно, думала я, но важнее всего не закрывать свои сердца.

Нам стало ясно то, что увидела и Джин: мы не можем продолжать оказывать материальную помощь всем, кто к нам приходит. Мы решили не давать денег, но в результате всё время покупали еду для гостей, так что у нас не было времени купить что-то нужное для нас самих! Друзья предупреждали нас, что нас по умолчанию считают богатыми, потому что мы из Америки, и стремятся использовать. Это ли наше призвание в России? Возможно, нам полезно увидеть, как нас «использовали и выбросили» (слова отца Майкла), чтобы смиренно понять, что мы не в состоянии нести такое служение.

«Есть немало тех, кто готов оказывать им материальную помощь, но мало таких, кто может быть жертвенным приношением перед лицом Бога, ходатайством о Его милости», — эти слова Джин касались самой сути дела.

К счастью, отец Майкл предложил нам перенаправлять просьбы о еде и одежде к нему и к ответственным за гуманитарную помощь в приходе.

Альма думала, что теперь нам нужно поставить на первое место молитву. Я пыталась разобраться со своим сердцем, полным сомнений, и у меня не было такой ясности, как у неё.

«Почему так больно?»

10 января 1997

Я всё ещё нахожусь в том же самом духовном и эмоциональном смятении, которое чувствовала во время визита Джин.

Отец Майкл говорил, что переход от головы к сердцу напоминает движения циркового гимнаста, который отпустил одну трапецию и висит в воздухе, ещё не ухватившись за другую. Вера позволяет тебе надеяться на то, что ты всё же ухватишься за вторую трапецию.

Он предложил мне каждый раз, когда я чувствую, что меня обидели, встать на колени (хотя бы мысленно) и каяться, не пытаюсь понять, кто был прав или виноват, не пытаюсь защищаться или оправдываться. У мытаря, стоявшего в храме позади всех, не было с собой списка грехов, он знал только, что он грешник. И мне надо стоять позади всех в храме и не убегать от страданий — какими бы они ни были. Он призывал меня не бояться неясности и тревоги и не пугаться своих слёз или сильных и диких эмоций. Мне надо научиться чувствовать, потому что мышление стало моей привычной защитой от боли.

Это хорошие слова, но на практике — ужасно.

17 января 1997

Я не понимаю, почему эта боль так сильна, как будто меня снова и снова бьют по самому больному месту. Мне, как маленькой обиженной девочке, хочется только плакать.

Отец Майкл по-прежнему призывает меня не противиться боли, но дать Богу возможность совершить своё дело.

— Как долго это будет продолжаться? — спросила я.

— Столько, сколько угодно Богу. Мы не должны выбирать в страдание то, что нам полезно, чтобы

идти дальше по нашему пути. Это начало новой жизни.

20 января 1997, «пустыня»

— Господи, почему это так больно?

Он указал на распятие.

— Да, но Ты страдал за нас!

— Все страдания соединены с Моим страданием.

— Ты уверен, что у меня не просто невроз?

— Я умер и за это.

Накануне моего пятидесятилетия я сказала Богу: *я готова принять эту боль как Твою волю.*

Боль от этого не утихла, во всяком случае, не утихла сразу, но я переступила порог.

На следующий день, когда я пыталась найти в себе отклик на любовь и на искренние добрые пожелания окружающих, мне вдруг стало легче. Объективно ничего не изменилось, но выносить боль стало легче. Может быть, думала я, наконец-то я научилась принимать любовь — не в той форме, которой я желала и о которой мечтала, но такую любовь, какую мне дают?

Затем, в Пепельную среду, у меня снова заболела спина. Эта ситуация мне уже была знакома. Я снова сражалась за то, чтобы подчиниться реальности и оставить всё, что я планировала делать. Прошло десять дней, я выпила противовоспалительные лекарства, но мне не становилось лучше.

— Буду лежать, пока Ты не пожелаешь, чтобы я встала, — сказала я Богу.

Это не было каким-то абстрактным подчинением, но подчинением Его любви.

Этим вечером к нам неожиданно зашла Раиса Николаевна, наша удивительная знакомая, медик на пенсии и специалист по всевозможным практикам исцеления. Она предложила исправить мой позвоночник. Раньше я всегда решительно отвергала все предложения Раисы, но теперь решила дать ей возможность попробовать. Марии дома не было. Альма маячила сзади и была готова вмешаться, как только я подам ей знак, но я хотела посмотреть, что будет.

На следующее утро я почувствовала, что боль в спине усилилась, но днём мне стало лучше. Станным образом я чувствовала благодать вокруг себя.

Позже отец Майкл объяснил мне, что тут происходит. Когда у меня появляется боль в спине, сказал он, чувство беспомощности и физическое мучение вынуждает меня «вернуться от головы к телу». Когда я не могу опереться на мышление, я эмоционально распадаюсь на части и ищу любой поддержки. Но на этот раз поддержки не оказалось. Мне оставалось только принять происходящее как Божью волю и подчиниться ей. Когда я это сделала в глубоком доверии, так что я даже не пыталась контролировать Раису, я пережила духовное исцеление, и моё физическое самочувствие также улучшилось.

Его объяснение было для меня крайне важным.

28 февраля 1997

Вероятно, это моя последняя «пустыня» перед отъездом в Комбермер.

Когда у меня болела спина, со мной произошло нечто важное, и мне хотелось бы это ясно понять, чтобы это событие отпечаталось в моём сердце и уме.

Я принадлежу не себе, но Христу. Боль делала Его таким близким, как никогда. Это не значит, что я желаю боли или готова мирно с ней жить, но что я желаю Тебя, Господи. *Моя жизнь принадлежит Тебе, делай с ней, что Тебе угодно. И молю, дай мне смелость идти туда, куда Ты меня ведёшь.*

Глава девятая

Возьми свой крест

На сей раз пребывание в Комбермере изменило мою жизнь.

В апреле я проходила обычное обследование у окулиста, и оптик выразил желание повторно проверить мои поля зрения. Оказалось, у меня повреждён левый зрительный нерв, что могло быть симптомом рассеянного склероза. Поскольку этой болезнью страдал мой отец, а я испытывала трудности при ходьбе, диагноз представлялся более чем вероятным.

В середине 1980-х я как-то раз упала, и у меня появились боли в спине, которые стали появляться снова и всё чаще. Я всё сильнее уставала от продолжительных пеших прогулок по Магадану, и мне нередко говорили, что я хромаю, но я думала, что эти явления связаны с моей спиной. Я никогда не думала, что это рассеянный склероз, поскольку домашний врач убедил меня в том, что эта болезнь не передаётся по наследству.

Когда я вернулась после обследования зрения, Морин — медсестра нашей общины — не было на месте, и я смогла увидеться с ней только вечером. Меня тронуло её сострадание. Она считала, что надо отнестись к предполагаемому диагнозу серьёзно и объяснила мне, что хотя это заболевание не передаётся непосредственно от поколения к поколению, в нём участвует генетический фактор.

— Глядя, как ты ходишь, — сказала она, — я сама подумала об этом.

В тот момент в Комбермере не было никого из моих близких друзей, они все разъехались отдыхать перед собранием ответственных. Мария покинула Магадан и находилась где-то

в США у племянницы. Я была рада, что у меня есть время примириться с новой ситуацией, прежде чем я буду о ней говорить с людьми.

Это переворачивало всю мою жизнь.

Или нет?

После первого потрясения я стала думать, что эта болезнь странным образом соответствует всей моей жизни и тому, что Бог совершал в моём сердце. Вместе со всей семьёй «Дома Мадонны» я только что снова посвятила себя Иисусу через Богородицу (эта практика идёт от святого Людовика де Монфора): «Я передаю себя Иисусу Христу... чтобы нести свой крест, следуя за Ним, во все дни моей жизни».

Паломничество по колымским лагерям позволило мне понять крест ещё глубже. В течение года всё снова и снова убеждало меня в значении креста, и самым ярким моментом было ощущение тесной связи со Христом тогда, когда у меня болела спина.

Бог призывал меня быть с Ним на самом глубоком уровне моего существа и принести Ему мою жизнь в доверии и повинении. Если у меня рассеянный склероз, то я не смогу долго жить в России, но даже боль от этой мысли была окружена ощущением присутствия Бога, у которого есть свой замысел о моей жизни.

Я продолжала читать «Молитву посвящения» де Монфора и «Молитву предания себя Богу» Шарля де Фуко. И это не казалось мне притворством, как и чувство того, что меня несут в объятиях любви. Когда приехала Мария и другие мои друзья, я рассказала им о том, что меня ждёт, и мы плакали вместе.

Затем началось обследование: у моего врача в Комбермере, у невропатолога из Оттавы, у офтальмолога. Последний считал, что мои проблемы со зрением связаны не с неврологией, но с каким-то врождённым заболеванием или глаукомой с низким давлением.

Обычно диагноз рассеянного склероза ставят с помощью магнитно-резонансной томографии (МРТ). Этой процедуры обычно ждут по нескольку месяцев, но в городской больнице Оттавы только что открылось новое отделение для проведения МРТ, и мой невропатолог смог договориться, чтобы меня обследовали ещё до его официального открытия. Это было уди-

вительно. И поскольку врач должен был отсутствовать в тот момент, когда результаты обследования к нему поступят, он согласился, чтобы я отправилась в Россию, как я и планировала раньше, а он отправит результаты в Комбермер, чтобы мне о них сообщили. В конце концов, думала я, даже если у меня рассеянный склероз, эта болезнь неизлечима, так что это ничего не изменит. Наверное, буду жить как раньше. Зачем же чего-то ждать?

Мы с Марией решили вернуться в Россию вместе, когда закончится встреча ответственных. Я мечтала познакомиться её со своими друзьями в Москве и Петербурге и показать ей меневский приход. Мы также мечтали встретиться с отцом Виктором в Латвии. Мне очень хотелось сделать всё задуманное, и Бог исполнил моё желание: мы покинули Комбермер, как и намечали, в конце мая.

Для нас обеих встреча с отцом Виктором стала глубочайшим благословением. Свет, исходивший от него, воспламенил наши сердца. Его радость, любовь и мир были столь ощутимы, что и моя душа устремилась к небесам. Под любящим взглядом священника она стала лёгкой и спокойной, в его присутствии я была счастлива и свободна, как ребёнок. Мы с Марией почувствовали, сколь глубоко он понимает нас.

Когда мы прощались, я сложила руки для благословения, и он трижды обнял меня в честь Троицы. Я начала плакать — это была не сентиментальность, но ответ на любовь, не похожую на всё, что я знала.

Так это или нет?

Когда мы вернулись в Магадан, прошло пять недель после обследования, и я всё ещё ничего не знала о результатах. Я хотела узнать, но, как ни странно, не слишком беспокоилась о диагнозе. В моём сердце звучали те слова, которые я впервые услышала тогда, когда решила, что, вероятнее всего, больна: *моя жизнь принадлежит Богу. Он волен обращаться с ней, как пожелает.*

Это отличалось от моего всегдашнего подхода к боли: обычно я сберегаю силы для борьбы. Но на сей раз Бог предложил мне приготовиться к такой возможности и её духовным последствиям заранее. Неважно, есть у меня рассеянный

склероз или нет, Он призывал меня отрешиться от заботы о себе. Я погружалась в самую глубинную реальность духовной жизни и не хотела её терять независимо от диагноза. Хотя это казалось безумным, Бог использовал потенциальную возможность страдать неизлечимой болезнью для того, чтобы в моей жизни что-то повернулось решительным образом и необратимо.

Если у меня рассеянный склероз, Его замысел понятен. А если это не так, как я могу жить тем, что мне было открыто? Я понимала, что теперь должна сознательно и решительно взять свой крест и нести его в повседневной жизни. Именно к этому и сводится суть духовности «Дома Мадонны». Даже если Бог не призвал меня отдать свою жизнь с помощью болезни, которая делает человека инвалидом, Он, несомненно, хотел, чтобы я отдавала свою жизнь ежедневно.

Я не желала страдать, но стремилась к «желанию желать», чтобы не убегать от боли, не жаловаться на неё и даже не её терпеть, но чтобы эта боль вела меня к союзу со Христом. Принять всё, что со мной случится, как волю Бога — это ключ к миру, к тому самому миру, который излучал отец Виктор.

27 июня 1997

В прошлую субботу мне сказали, что я должна позвонить в Комбермер. Я позвонила, и Морин сообщила мне, что на МРТ не было обнаружено признаков рассеянного склероза.

Парадоксальным образом, эта, казалось бы, хорошая новость повергла меня в панику. Вся боль и напряжение последних двух месяцев снова всколыхнулись во мне. Это значит, что я страдаю чем-то таким, для чего пока нет объяснения.

Я сообщила эту новость окружающим в тот момент, как мы большой компанией — включая японскую пару, которая занималась гуманитарной помощью, — собирались на пикник. Опираясь на руку Марии, я с трудом шла по неровной поверхности и лишь позже, когда все остальные спустились к морю, могла позволить себе поплакать.

Унизительно чувствовать себя полностью беззащитной и ранимой. Меня переполняли чувства, но я знала, что Бог призывает меня хранить спокойствие.

Мария предлагает мне показаться нашему знакомому врачу, чтобы тот посоветовал мне какие-то ортопедические средства. Хождение по докторам мне так неприятно, но мне нужно что-то делать: я чувствую себя всё хуже.

4 июля 1997

Жить «духовностью лагерей» означает находить жизнь в царстве смерти. Заключённым приходилось отказываться от своих талантов, от своего творческого потенциала, от инициативы — от всего. Быть может, наша жизнь в Магадане с её постоянными сложностями есть путь к искуплению зла.

Мы не в силах накормить всех голодных. Не нам спорить с теми, кто ностальгирует по мнимой безопасности социализма. Мы можем только предстать перед Святыми дарами, перед Господом, который «не воздремлет, ниже уснет» (Пс. 120), и принести Ему наши жизни как ходатайство за людей.

Но насколько весомо моё ходатайство? Вчера я задала себе этот вопрос, когда Нина рассказала, что когда она в прошлом месяце была в Польше, там её подруга решила на год отказаться от алкоголя ради своего сына. «А я, — сказала Нина, — ради *моего* сына отказалась от алкоголя навсегда».

Она готова отдать всё безотчётно, и это меня поразило. Никакая жертва не кажется ей слишком великой, когда речь идёт о Толе.

Вот как надо жить.

11 июля 1997

Отец Майкл рассказал нам, что, когда он был в «пустыне», он спрашивал Бога, как мы можем соединить свои жизни с судьбой заключённых

в лагеря. И получил ответ: «Иди к Богородице. Она научит. Она сама была жертвой».

«Мы не совершаем чего-то, чтобы стать жертвой; мы принимаем Жертву, — сказал он. — Мы призваны не подражать Христу, но стать Христом. Мы принимаем Его в тех, кто страдал. Надо очистить свои сердца, чтобы они смогли раскрыться».

18 июля 1997

Весь день ходила по врачам. Невропатолог сказала, что по всем клиническим данным у меня рассеянный склероз. Я пыталась убедить её в том, что не убегаю от реальности, но что самая передовая канадская технология позволяет утверждать, что у меня нет этого заболевания. Я не знала, как по-русски называется МРТ, а она явно была незнакома с этой процедурой. Она предложила мне лечь в больницу для обследования.

Нет ничего хуже неопределённости. Есть у меня рассеянный склероз или нет? Насколько точна магнитно-резонансная томография? Должна ли я продолжать доступное обследование здесь? Или ехать в Канаду? Что мне хочет этим сказать Бог?

Я слишком сильно реагировала на окружающих. За этими реакциями стояла тревога. За ней скрывался страх.

Отец Майкл дал мне совет, как жить в такой неопределённой и непонятной ситуации.

— Погрузи духовный градусник, — сказал он, — в глубину твоего сердца, туда, где лежит твоё посвящение Божьей Матери и наши обеты. И даже если ты этого не чувствуешь, сделай это просто волевым усилием.

Во время поклонения Святым дарам в субботу вечером я с дерзновением сказала Богу, что хочу соединиться с Ним так же, как я была с Ним едина в моменты страданий. Я знала, что это неразумный шаг, но хотя моя голова говорила: «Ты сошла

с ума!» — что-то более глубокое побудило меня так поступить.

14 сентября 1997 года мы праздновали четырёхлетие нашей жизни в Магадане. Нас стало больше: к первой команде, состоявшей из Марии, Альмы и меня, в марте присоединилась Труди Месснер, а в августе — Суши Хорвиц.

Четыре года назад никто из нас не мог представить всей сложности духовной жизни, к какой нас призовет Бог. Первый год мы преимущественно осваивались. Второй год казался нам бесплодным временем мучений и духовной борьбы. К нам приехал отец Майкл, ставший моим духовным руководителем. Я стала больше любить Господа и открыла свою собственную греховность. Я училась жить в ранимости, отказываться от контроля и не убегать от своих страхов. Я встретила с Божьей Матерью и начала стремиться ко кресту. И вот теперь Бог позволил мне вкусить его реальность.

В начале ноября мы засолили сто восемьдесят пять килограммов капусты для себя, для отца Майкла и отца Дэвида, которые также могли бы делиться ею с нуждающимися. Нам нужно было переместить тридцать пять трёхлитровых банок в подвал. Несколько дней назад я упала и ещё держалась на ногах неуверенно, и мне было страшно спускаться по лестнице с двумя тяжёлыми банками.

На другой день Суши отправилась в «пустыню», а мы с Марией обедали на кухне. Я чувствовала слабость, и мне сильно хотелось белковой пищи, но мы отдали наш сыр, у нас не осталось арахисового масла, и мне не хотелось съесть последнее оставшееся яйцо. Вместо этого я положила себе добавку морской капусты. Хотя эта пища питательна и даже вкусна при умелой готовке, мы никогда её особенно не любили, так что Мария заподозрила, что со мною что-то происходит. Она сварила для меня яйцо, и мы поговорили.

В результате через час мы пришли к такому решению: я отправляюсь в Комбермер и прохожу там обследование, вместо того чтобы попытаться поставить диагноз здесь.

На следующий день я была в «пустыне» и из окна загляделась на прекрасных девушек, которые с изяществом и лёгкостью

спускались по крутому склону и пересекали наш двор. Я же, в отличие от них, всё время спотыкалась на улице.

Я плакала и плакала.

Что это, скорбь? Жалость к себе?

Неделю спустя я отправилась в поликлинику узнать результаты анализа крови. Врач сказала, что с кровью у меня всё нормально. Но я почти не могла скрыть свои чувства, когда она упомянула «мой рассеянный склероз» и сказала мне о другом больном, который ходит так же, как я. Она была уверена, что я просто не хочу признавать реальность.

Когда я вернулась домой, все готовились отправиться на празднование семидесятилетия Брониславы. Мы с Марией вышли из дома пораньше, и когда мы шли по улице Ленина, я сказала ей, что вздохнула с облегчением из-за того, что мне не придётся обследоваться в магаданской больнице. Я бы с этим не справилась. Но когда я начала рассказывать Марии о словах врача, я внезапно разрыдалась посреди тротуара. Мы зашли под арку, ведущую во внутренний дворик, и я там успокоилась. С трудом сохраняя равновесие, весь дальнейший путь я держалась за Марию, чтобы не упасть.

Когда я поведала отцу Майклу об этой напасти, он сказал, что можно обуздать страх.

— Я тебе покажу как, — пообещал он, — а пока молись о милости. Милость поднимает над крестом и ставит перед лицом Божиим.

Позже, во время поклонения, я сказала Христу:

— Сейчас я даже не могу прикоснуться к своему сердцу из-за страха, но я уже отдавала Тебе мою жизнь много раз. Я снова это делаю и прошу Тебя принять то, что я уже Тебе приносила.

18 ноября 1997

Отец Майкл говорит, что я стою в сердцевине борьбы между страхом и верой. Надо сперва принять чувство страха, а затем вернуться к Богу. Это как ты разговариваешь по телефону, и звонят в дверь. Скажи страху: «Извини, мне сейчас не до тебя. Царь пришёл».

Магадан, улица Ленина

Когда я описала внутреннюю боль и унижение из-за моего телесного недуга, он сказал, что я стою лицом к лицу с крестом, а по другую сторону — великая свобода и радость близости с Любимым.

Благодарность ведёт к свободе. Он велел мне не вымучивать её, а лишь делать движение благодарения в своём сердце.

Вчера я упала на льду и сказала что-то суровое Марии и Суши, которые кинулись меня поднимать слишком скоро, не дав мне дух перевести. И тут я обнаружила, что помогли мне не Суши с Марией, а незнакомый русский мужчина. Увидав мою реакцию, он быстро удалился. Суши и Мария вели меня домой в молчании, а я еле сдерживала слёзы. Мы все скользим на льду, но мне это напоминает о моей инвалидности — болезни, — какой бы она ни была.

19 декабря 1997

Весь год мы говорили о близости с Богом в страдании. Мысль омерзительна и сладостна.

Умом страдания не объять. Но в сердце своём говорю Богу: «Я люблю Тебя», — ничего не разбирая, не обдумывая и не взвешивая возможных последствий

этих слов. Моё сердце безогдно говорит: «Я люблю Тебя». Оно беспечно, неразумно и доверчиво.

Моё сердце говорит: «Господи, я обнимаю Твой крест в любви и доверии, в благодарении и поклонении. Я хочу быть с Тобой. Я хочу знать Тебя так же, как тогда, когда у меня болела спина или когда я думала, что у меня рассеянный склероз. Я знаю, что нет иного пути, кроме креста. Я принимаю Твои условия. Я принимаю их, чтобы узнать Тебя, и принимаю их ради всех наших друзей в Магадане, ради России, «Дома Мадонны» и Церкви Востока и Запада».

Февраль 1998

Когда я вернулась в Комбермер, мы с Морин разработали план обследования, который помог бы разобраться с моими проблемами ходьбы. Тревога пришла и ушла. Я обратилась к тому самому специалисту, с которым встречалась год назад. Он сделал обычный неврологический осмотр и, к моему безмерному утешению, сказал, что хотел бы направить меня в главную оттавскую больницу на дальнейшее обследование.

Наутро после моего поступления в больницу мне снова сделали магнитно-резонансной томографию (МРТ). В полдень явились результаты.

— У вас рассеянный склероз, — сказал врач.

Я почти год знала, что это наиболее вероятный диагноз, но всё же была застигнута врасплох. Я захватила с собой стопку книг и рукоделие, чтобы коротать время между обследованиями, и пачку денег на тот случай, если мне позволят покинуть больницу на выходные. Я, не подумав, взяла с собой немалую сумму наличными, как мы всегда это делали в России, но медсёстры неврологического отделения пришли от этого в ужас и заставили меня положить деньги в сейф. За всеми этими мелочами я забыла о том, сколь велика угроза.

Приговор был окончательным. От этого кружилась голова.

Врач сказал, что я могу ехать домой. Я позвонила в «Дом Мадонны». На дорогу от Комбермера до больницы у Морин должно было уйти не менее двух с половиной часов. Я спусти-

лась на первый этаж, чтобы получить свои деньги, которые заперла в сейф всего двадцать четыре часа назад. Я боролась с подымавшимся во мне потоком чувств и была как в тумане. Я достала деньги, вернула ключ на стойку и собиралась на лифте вернуться в палату. Тут мне попался указатель с надписью «часовня», и я бездумно побрела туда.

Я ожидала увидеть комнату для молитвы христиан разных конфессий, но, к своему удивлению, нашла тут Святые дары. Как будто бы сам Бог ждал меня здесь. Я упала на колени и услышала в своём сердце слова: *«Я дарю тебе то, о чём ты просила. Теперь ты будешь вместе со Мной навеки».*

Морин приехала в госпиталь удивительно быстро. Войдя в мою палату, она обняла меня. Я немного поплакала, но за этими слезами стояло согласие — плод того, что Бог сказал мне в часовне. Морин повела меня в ресторан, где мы пообедали и выпили вина, и она с прямою, за которую я ей благодарна, ответила на все мои вопросы о рассеянном склерозе.

Ночь мы провели в Оттаве в доме, принадлежащем монахиням, а утром покатали домой. Въезжая во двор «Дома Мадонны», увидели, что к нам спешит Джин. Я выскочила из машины, чтобы её обнять, и увидела слёзы на её глазах. Морин, сидевшая за рулем, вылезла из машины, чтобы уступить сиденье Джин. По дороге к зданию, в котором я живу, я ей всё рассказала.

Когда я говорила о случившемся со мной в больничной часовне, её глаза снова наполнились слезами.

— Мириам, — сказала она, — ты отдала Ему всё. Ты отдала Ему свой ум, свои чувства, а теперь и своё тело. Он будет верен тебе. Я чувствовала её любовь, заботу и сострадание. И её боль.

Обретение креста

Когда самолёт приземлился в Магадане, я приникла к окну и заплакала.

Всё казалась мне прекрасным — запущенный маленький аэропорт, уродливая Пролетарская улица, наш дом с облупленной краской и изрисованной кем-то дверью. Холодный бодрящий воздух и синее северное небо. Знакомая лестница и наша квартира, всегда казавшаяся такой маленькой и захламлённой в тот

момент, когда ты возвращаешься после долгого отсутствия. Дом!

Мария предоставила мне наиболее «приватную» кровать в нашей спальне-кабинете. На ней лежало новое одеяло, такое мягкое и толстое, что мне стало тепло от одного лишь его вида. Она показала мне письмо от Джин:

Мириам, конечно, не сможет трудиться в полную силу. Ей нужен хороший отдых, то есть возможность вздремнуть после обеда и рано лечь спать. Она должна прислушиваться к своему телу. Героические телесные подвиги не соответствуют Божьей воле для неё. Постарайтесь сделать так, чтобы она добиралась до церкви автобусом, когда это возможно.

Когда Джин говорила об этом со мной в Комбермере, моё сердце как будто пронзал меч. Я не хотела менять свой образ жизни — я любила нашу жизнь! Мне нравилось, что от меня требуется не считаться со своими физическими возможностями, я хотела по-прежнему отдавать себя, но Джин сказала, что теперь Бог требует от меня другого — вкладывать себя в издание наших книг на русском.

— Иначе через два года ты превратишься в полного инвалида! Я не говорю, — уточнила она, — что ты должна заботиться о себе. Это было бы ужасно. Я говорю, что ты должна заботиться о своём теле.

Не могу сказать, что я чувствовала при этом спокойствие, но я не протестовала. Да, я ощущала боль утраты, тревогу и замешательство. Я могла восклицать: «Я не хочу болеть рассеянным склерозом», — и все меня понимали, но ещё глубже лежало моё согласие. Самым глубоким в моей жизни было духовное измерение. И теперь я слишком далеко зашла, чтобы отказываться от креста.

Отец Майкл начал разворачивать передо мной «малый путь» святой Терезы из Лизьё. Он состоял в том, чтобы приносить Богу в жертву абсолютно каждое событие жизни. Например, когда я заявила, что мне не нужны такие виды заботы о само-

чувствии, которые недоступны нашим друзьям, он решительно сказал:

— Верни всё это Богу, как это делала Тереза, ничего не оставляя себе. Принеси твой отдых за тех, кто не может отдыхать. Принимай лекарства за тех, кто не может их приобрести. Всё это ты делаешь из послушания. И тогда страдание становится ходоатайством.

На моих глазах показались слёзы.

— Я боялась, что вы этого не поймёте. Я боялась стать отрезанной от жизни всех других людей. Я так благодарна!

31 марта 1998

Раньше я бы думала, что это счастье: вдоволь высыпаться утром, отдыхать после обеда и в девять вечера отправляться спать. Почему же теперь мне кажется, что на меня надели смирительную рубашку?

— Ты потеряла свободу, — объяснила мне Мария.

А затем добавила, что, быть может, я утратила одну форму свободы лишь затем, чтобы найти другую. Позже мне в голову пришли слова: «Ты привязана к кресту».

Да, утрата свободы приносит скорбь. Я не свободна жить с моей болезнью так, как хочу. Я не могу игнорировать свою усталость или поститься — точнее, не могу поститься физически; моё тело не переносит голода.

Как это случилось, что внезапно я стала такой слабой? До поездки в Комбермер я каждый день пешком ходила в церковь и возвращалась домой, а теперь я утомляюсь даже от одного такого перехода. Как сказала Мария, это потому, что я дала себе позволение уставать.

Мне это не нравится, но у меня нет выбора.

Я раба Господа, раба Божьей Матери.

«Куда Ты пойдёшь, туда и я пойду» (Руфь. 1:16).

8 апреля 1998. Страстная среда

Вчера мы пекли куличи. Точнее, их пекли сёстры, я была в «пустыне». И поскольку всем не хватало на это ни сил, ни времени, Мария решила, что в этом году мы напечём меньше куличей и не будем их раздавать, как раньше, но лишь подавать нашим гостям.

Это причинило мне боль — неприятно уже и то, что я не могла в этом участвовать, но ещё хуже, что меняется жизнь нашего дома! Мне не хотелось, чтобы знакомый мне мир менялся!

На протяжении многих лет я думала, что человек с серьёзной болезнью — это лишнее бремя для такого дома, как наш, где кипит бурная жизнь. Я считала чем-то очевидным, что для жизни в Магадане мне надо постараться, чтобы мои немощи не мешали жизни общины. Когда мы об этом говорили, Мария сказала нечто удивительное. Моя болезнь, как думала Мария, не мешает нашей миссии, более того, она видела в ней знак того, что Бог хочет от нас чего-то иного. Он призывает нас стать жертвой, а одновременно предлагает нам отбросить лишние дела — такие, как раздача куличей. Многие сложности нашей жизни, как она думает, мы создаём себе сами.

Слова Марии напомнили мне о реакции одной из наших подруг на неожиданную беременность дочери: «Мы не будем делать вида, что ничего не произошло. Пусть наша жизнь изменится. Мы примем ребёнка и будем его любить. Мы с любовью посвятим себя ему».

О, русские сердца, эти *христианские* сердца! Как блаженны мы, что и наши сердца открылись, пронзённые копьём страдания! Мы едины, наши жизни нераздельно связаны. Мы призваны отдавать жизнь друг другу и вместе меняться. Бог открывает свою волю через события, и мы отвечаем на них *вместе*. Русским это понятнее, чем нам, американкам, воспитанным в духе индивидуализма. Я сама ещё лишь с трудом это начала понимать.

Целью этого подвига должны стать любовь и сострадание, иначе он окажется тщетным. Я могла это почувствовать однажды вечером, возвращаясь после мессы домой на автобусе вместе с Дарьей Николаевной, беднейшей среди бедных. Остальные шли домой пешком. Я чувствовала такую внутреннюю боль, что могла сделать только одно — дать ей вылиться в нежное отношение к Дарье Николаевне. Хотя бы на один момент моё сердце заняло верную позицию.

В Страстную пятницу я споткнулась и упала по дороге на богослужение. Я выбрала подходящий момент, подумала я, отряхивая снег с куртки. В конце концов, Христос падал ради нас.

Это был день без человеческого утешения, но служба заставила меня забыть обо всём, кроме жертвы Христовой. И когда прихожане ушли из часовни, я преклонила колени перед Святыми дарами и в присутствии отца Майкла и Марии как свидетелей снова посвятила мой рассеянный склероз Христу. Я использовала слова, которые пришли ко мне в пустыне:

Эта болезнь подобна завету. «Я дарю тебе то, о чём ты просила. Теперь ты будешь вместе со Мной навеки».

Это печать любви в моей плоти. Бог даровал мне эту болезнь по своей милости, потому что Он знает мою слабость и знает желание моего сердца. Я уже не могу убежать от Того, от Кого не хочу убегать. Даже мои грехи не отделят меня от Него. Я убегала от креста, но теперь привязана к нему узами любви. Я, которая всегда искала поддержки, теперь вынуждена быть со Христом в одиночестве, которое только с Ним можно разделить.

И теперь я хочу заявить о том, к чему должна стремиться в рамках этого завета. Я хочу посвятить мою болезнь Богу. Я принимаю мой рассеянный склероз от всего сердца и приношу его как жертву за

тех, кто страдал в лагерях Колымы и в других местах России. Я приношу её во искупление зла, совершённого в этой стране и ради прекращения её страданий. Я приношу её за очищение и освящение Католической и Православной церквей в России. Я приношу её как ходатайство о защите и освящении нашего маленького магаданского прихода. Я приношу её за священников этой страны и особенно за наших священников — отца Майкла и отца Дэвида. Я приношу её за «Дом Мадонны».

Многовато для одной маленькой личности, но теперь я стала меньше бояться высоких целей. Своими собственными усилиями воплотить эти слова было невысказано. Я просто уверовала, что по благодати всё возможно, и что жизнь Духом весьма далека от воодушевления. Вопреки страху, всё ещё обитавшему во мне, я могла произнести эти слова, потому что за ними стояла верность Бога.

На земле живых

На пасхальной воскресной литургии одна из прихожанок обернулась и начала скандалить. Я так никогда и не узнала, отчего она так вспыхнула, но Нина, сидевшая рядом с ней, позже заметила:

— Люди так напряжены, и у них столько неразрешимых проблем, что они достигают точки, где не могут больше ничего, и тогда они взрываются. А после этого могут продолжать жить дальше.

Такое же чувство безысходности извергалось на нас этим вечером за пасхальной трапезой. Когда другие гости ушли, отец Майкл тихо произнёс:

— Обстановка здесь, в России буквально сдвигает у людей крышу. И нам её не закрепить. Всё, что мы можем сделать для них, — это стать жертвами.

Государство месяцами не платило зарплат работникам, включая медиков и учителей. Полина зашла попросить у нас денег — не для себя, а для одной из наших общих подруг. Лариса в больнице ждёт хирургической операции, но доктора не ста-

нут оперировать, пока она не приобретёт необходимые медикаменты.

— Мы вкальваем бесплатно, как рабы, и должны выпрашивать антибиотики! — сказала Полина со слезами. — Я не хотела к вам обращаться, но больше не к кому. Только у вас есть какие-то деньги.

А я ещё сетовала на то, что чувствую себя униженной!

Послушав, как Бронислава и Ольга, также сидевшая в лагере, рассказывают о царившем там голоде, мы уже не можем произнести: «Я голодна». После того как мы увидели ледяные карцеры ГУЛага, мы решили никогда больше не жаловаться на холод. Подобным образом я должна принести свои маленькие унижения как жертву за Полину, Ларису и всех других.

18 апреля 1998, первое воскресенье после Пасхи

Я спросила отца Майкла, как приносить Богу свою боль.

Он ответил: «Прими её. Ощути её. Принеси её Христу».

Когда я сказала о своём опасении, что рассеянный склероз поразит мой разум, он помолился и сказал: «Предай жизнь Богу в этот миг. Принеси этот миг Ему. Всё, что тебя отвлекает от этого мига, есть искушение».

Я понимаю, что важно научиться жить сердцем *сейчас*. Ноги могут перестать ходить, глаза видеть, голова соображать. Если моё сокровище — разум, я мертва, но если я живу сердцем, то буду вполне жива.

Альма после пяти лет в Магадане вернётся в июне в Комбермер, и наши друзья — от одиннадцатилетней соседки Леры до семидесятилетней Брониславы — выражают ей свою горячую любовь. Хотя русский язык стал для Альмы крестом, её великодушие и безмерная самоотдача плодотворнее лингвистических достижений. День за днём к нам приходят люди, чтобы попрощаться с ней и вручить ей подарки. Таня со своим сыном Кириллом

заходила не меньше шести раз. Однажды вечером пришли наши друзья из библиотеки. Расставаясь, четверо из них обнялись с Альмой, затем постояли, поговорили — и снова начали обниматься. Только после четвёртой серии объятий библиотекари ушли.

Ночью, когда Альма улетала, мы вызвали такси, чтобы она добралась до аэропорта. С ней отправилась Мария, а мы с Трудой стояли на улице с группой друзей и махали им вслед. Я почувствовала, что период создания основ нашей магаданской миссии закончился.

7 июля 1998

С отъездом Альмы нам снова не стало хватать рабочих рук. Все выбивались из сил, и уже не только я одна страдала от усталости.

Когда я спросила Марию, сохраняют ли силу условия, поставленные мне прошлой весной, в этих новых обстоятельствах, она решительно сказала, что сохраняют. Более того, она предложила мне работать и отдыхать на кухне квартиры, предназначенной для «пустыни», в стороне от суматохи нашей жизни.

Хотя это усиливало во мне чувство отчуждения и одиночества, она считала, что естественная часть моего призвания — заниматься в нашей общине молитвой и созерцанием. Она думает, что этим я указываю путь всем в нашем доме. Но для меня это значило опираться только на веру.

17 июля 1998

Сегодня мы со смешанными чувствами смотрели по телевизору государственное перезахоронение останков царя Николая II и его семьи в часовню Петропавловской крепости в Петербурге. Хотелось верить, что это событие действительно будет иметь историческое значение — как полный разрыв с историей последних семидесяти лет, когда всё общество понимает, что был совершён грех.

Однако императорскую семью хоронило отнюдь не «всё общество», и даже было непонятно, кто стоял за этим событием. Как всегда, потомки Романовых разделились, и их фракции ссорились между собой. Президент Ельцин лишь в последнюю минуту решил посетить похороны, а патриархат Русской православной церкви держался в стороне и даже не позволял поминать имена царя и членов его семьи в молитвах. Патриархат заявляет о невозможности точно установить, что это останки царя и его семьи. Это важно, поскольку, если царскую семью канонизируют, что весьма вероятно, их мощи станут объектом поклонения.

Излишне говорить, что никто ни в чём не калялся и не искал искупления.

Когда я спрашивала друзей об их впечатлениях, ответы простирались от скептицизма до безразличия. Наши друзья в большинстве своём плоды советской воспитательной системы.

Тем не менее, нас не покидало изумление. Ещё восемь лет назад этого никто не мог бы себе представить, и души убитых Романовых по праву обретут покой в молитве Церкви.

22 июля 1998

Невыносимо думать о том, как я хожу: ноги дрожат, плохо управляю движениями. Я теперь одна из бедных. *Господи, помоги мне увидеть в этом благодать. Ты, который «был изуродован, на человека не похож» (Ис. 52:14), покажи мне тайну бедных, изуродованных, «доходяг» – тех, что умирали от голода в лагерях и уже слабо напоминали людей.*

Страх, неуверенность, унижение, одиночество и ограничения – то, что мне надобно принять. Когда я помню это, милость Божьего дара – завета прорывается, чтобы укрыть и избавить меня.

Вчера, когда я ждала автобуса, бабушка дала мне яблоко!

31 августа 1998

Временами моё тело кажется мне бомбой с часовым механизмом, которая скоро взорвётся. Я жадно держусь за жизнь, пока ещё способна двигаться. Хочу упиваться летним солнцем и красотой дачи, пока могу сюда добраться. Но я призвана жить в настоящем моменте, а не готовить себе запасы на будущее. Слова, которые пришли ко мне сквазь боль: *«Я хочу использовать это время, чтобы приготовить твоё сердце».*

Почему же я не могу остановить слёз? Почему мне кажется, что из меня вытаскивают сердце? Если бы Мария не предложила мне поговорить на другой день, смогла бы я пребывать в своей боли до тех пор, пока она не привела бы меня к Тому, Кого любит моё сердце?

Кризис 1998

17 августа 1998 года рубль обесценился, и страна не выполнила обязательств по внешним долгам. Однажды в сентябре обменный курс доллара возрос до двадцати восьми рублей, упав назавтра до пятнадцати. Банки позакрывались, а продукты питания подорожали вдвое. Люди в панике хватали всё подряд. Товарные склады закрылись до переоценки, опустошились прилавки магазинов.

Премьер-министр погорел. Молва пошла, что в пенсионные фонды пусты и теперь пациенты больниц должны приносить свою еду. Поговаривали о том, что иссякают запасы продовольствия и что зимой не будет хватать угля. Учителям сказали, что зарплаты ждать нечего, но работу надо продолжать! Как обычно, в августе у нас отключили горячую воду для прочистки системы, а теперь мы слышали, что её не будет до первого ноября. В посёлках вдоль Колымского шоссе, говорят, положение критическое.

Мы смотрели телевизор, пытаясь понять, что происходит, но видели лишь новости о совещаниях в министерствах и бесконечные дискуссии о финансовой стратегии, которые, казалось, не имели никакого отношения к недовольству и отчаянию, с которыми мы сталкивались каждый день. Вопрос «как

вы поживаете?» вызывал ответное ворчание: «А как *может* человек поживать в такой стране?»

Кризис был, видать, не только политический и экономический, но и духовный. Зияющая бездна, оставленная коммунизмом, обнажилась. Деньги и лоск, материалистическая вестернизация стали царствующими божествами, а их провал повлек страну в руины.

«Нет Бога кроме Тебя, Господи» (Сурах. 36:5).

22 октября 1998

В эти недели, наполненные напряжением и молитвой, Бог учил меня не обращать слишком много внимания на то, как я себя чувствую. Я учусь благодарить Его и за плохое, и за хорошее самочувствие. Важно не как ты себя чувствуешь, важно отдавать Ему всё.

Эта болезнь есть Божья воля обо мне. О, боль придёт опять, наряду с желанием быть способной просто надеть пальто и выйти на улицу, как любой человек. Однако принятие налицо — хрупкое, но реальное.

Я наконец поняла то, что мне трудно было постичь с тех пор, как я получила этот диагноз. В Магадане мы большую часть времени всеми силами стремились всё полнее и полнее жить по Евангелию. И вдруг меня словно попросили сделать нечто обратное: позволить своему телу диктовать выбор и не рваться за пределы природного. Теперь я вижу, что в первом случае опиралась на свою волю, а теперь должна следовать воле Божией. Когда я так поступаю, во мне действует Его благодать. Святая Тереза описывает это как подъём на лифте вместо попытки карабкаться по лестнице.

Мария считает, что все мы призваны так именно и жить.

Дорогая семья!

Экономический и политический кризис, разразившийся в России в середине августа, ещё не разрешился. Хотя положение сейчас слегка улучшилось, этот кризис продолжает влиять на жизнь наших друзей — а их жизнь и без того была предельно трудной.

Непонятно, как люди, которым месяцами не платят зарплату, продолжают кормить свои семьи и сейчас, когда всё подорожало вдвое! Недавно наши друзья из учителей получили свои зарплаты за март — и тут же поняли, что на эти деньги можно купить лишь половину того, что раньше. Одна женщина, которая посылает деньги сыну на Украину, разрыдалась, когда поняла, как мало стоят её рубли после девальвации. Другая наша подруга копила деньги в банке, мечтая переехать в Петербург. Банк закрылся, и она потеряла свои сбережения.

Люди мечтают уехать из России куда-нибудь — в любую страну, где можно жить нормальной жизнью, но большинство из них вынуждены оставаться на месте и справляться с трудностями как могут. Наш православный епископ сказал отцу Майклу: «Дела не так плохи, как прежде бывало». Но прежде надеялись, что будет лучше.

С начала сентября мы стали получать мало почты из-за границы. Насколько мы понимаем, авиакомпании отказываются её перевозить, поскольку банковские счета, с которых снимались деньги за эту услугу, заморожены.

Запасы угля в городе на зиму составляют лишь треть от необходимого, и потому отопление работает так слабо, что мы его почти не замечаем. Когда настанут настоящие холода, нам придётся пользоваться электрообогревателями. Никто не знает, что будет дальше.

По иронии судьбы в тот самый момент, как мы начали сомневаться, сможем ли оставаться в России

вообще, хозяйка двухкомнатной квартиры на нашей площадке сообщила, что готова её продать, — и мы купили третью квартиру! Тут у нас будет «пустыня» и издательство.

Благодарю вас за любовь и молитвы обо мне в минувший март, когда мне поставили диагноз рассеянный склероз. Чувствую себя хорошо. Я благодарна Богу за то, что могу жить в Магадане, и день за днём учусь приносить свою болезнь как жертву за народ и Церковь этой страны. Это новый образ жизни, но он входит в таинственный замысел Бога о нашей жизни здесь в России.

*Под покровом Магаданской Божьей Матери,
Мириам,
от всех нас.*

18 ноября 1998

Вчера я сидела на кухне спиной к окну и разговаривала с Людой Яретик. Я чувствовала, что у нас становится всё холоднее и холоднее, но мне не хотелось прерывать разговор. Поскольку батареи еле тёплые, мы используем на кухне электрическую плиту для обогрева, и я не заметила, что Труди её выключила! Люда, не снявшая пальто, не замечала, как у нас холодно. Но когда она ушла, мои ноги стали неподвижными, а ступни превратились в ледышки. И даже с помощью бутылки горячей воды и электрического обогревателя мне понадобилось часа два, чтобы согреться.

Мысль о ледяном карцере в этот раз мне не помогла — я не могу даже себе представить всей необъятности такого страдания!

1 декабря 1998

Всё чаще по ночам меня беспокоят судороги в ногах. Мария тревожится о том, не усугубляет ли холод развитие рассеянного склероза, и подумывает, не следует ли мне отправиться в Комбермер сразу после Нового года. Я очень боюсь холода, но

ещё больше боюсь расстаться со всем тем, что даёт мне силы двигаться вперёд.

Друзья, которые к нам приходят, нередко плачут у нас. Мы для них такое место, где их принимают сердцем.

Из-за холода в помещениях многие болеют. А как живут маленькие дети, старики, больные? В университете студенты и преподаватели сидят в аудиториях в пальто, тёплых ботинках и варежках. В школах страшно холодно. Сначала учащихся младших классов хотели отправить домой, но поскольку их матери работают, эти дети оказались одни в холодных квартирах. Наша подруга Таня обходила дома первоклассников, чтобы убедиться в том, что у них всё в порядке.

Каждую неделю отец Майкл и отец Дэвид призывают людей открыть для себя более глубокое измерение надежды. В прошлое воскресенье отец Майкл сказал такие сильные слова: «Страдание открывает наши сердца, а когда сердце открыто, *Бог всегда приходит*».

Пусть эти недели перед Рождеством станут временем ожидания, упования и надежды.

Однажды вечером, когда мы обсуждали критическую ситуацию в городе, Мария повернулась к Труди и спросила:

— Ты хочешь остаться тут, если положение ухудшится?

— Я не променяю это ни на что иное в мире, — ответила Труди с тихой улыбкой.

Мария не спрашивала меня! И это понятно, потому что в тот момент мои мышцы были напряжены от холода и я ждала судорог. Я чуть не заплакала.

— Подчинившись необходимости уехать отсюда, ты тоже отдаёшь свою жизнь, — сказал мне отец Майкл позже. И добавил. — Это будет важно для нас.

Его слова должны были бы служить мне утешением, но коварно говорили, что я уже не принадлежу к «нам», и это ранило моё сердце.

Через несколько дней, когда мы сидели на кухне, мы с удивлением обнаружили, что у нас становится теплее! Батареи стали горячее, и уже было не страшно отойти от электрообогревателя и выйти в холодный холл. Морозы также прошли. Я могла снять с себя часть тёплой одежды, поменять валенки на тапочки и ходить по квартире, не опасаясь судорог. Город ожидал поступления новой партии угля.

Похоже, мне была дана передышка, и, несмотря на это, я стала понимать одну вещь: мой ужас в связи с отъездом из Магадана отдалял меня от Бога.

— Я не могу на это согласиться, — сказала я отцу Майклу.

— Мириам, ты должна, — ответил он. — Иначе всё, что ты приносишь Богу, обратится в прах. Твои жертвы покроет твоё «Я» и окутает страх. Ты не способна решиться на это сама. Проси о благодати. Страху противостоит доверие!

В середине января я отправилась в Комбермер проходить обследование. Я зарезервировала обратный билет в Магадан на середину марта, но Джин считала, что мне стоит остаться до Пасхи, чтобы отдохнуть и привыкнуть к новым лекарствам. Этого мне совсем не хотелось! Когда я позвонила в Магадан, чтобы сообщить об этом сёстрам, у них в гостях был отец Майкл, который захотел со мной поговорить. Он сказал мне:

— Бог хочет сломить твою волю, потому что она сильна, и твой ум, который любит строить планы. Он просит тебя отдать Ему то, что тебе всего дороже. Он хочет быть твоей единственной радостью.

Его слова сломили моё сопротивление: то, что казалось ссылкой, стало приглашением. Я остаюсь в Комбермере, потому что *Господь* этого хочет!

Письмо о. Майкла Шилдса к Мириам

5 марта 1999

Дорогая сестра!

Я с молитвой прочёл твоё письмо. Я вижу, что ты борешься со своей волей. Мириам, это касается смерти. Тебе нужно напоминать себе о том, что теперь ничто тебе не принадлежит. Всё принадлежит

Возлюбленному. Твоё тело, твоя воля, твоё будущее, твоя жизнь — не твои. У тебя нет ничего. И это признать очень трудно.

Тебе, дорогая, надо помнить о том, что всё не твоё. Помня это, ты преисполнишься свободы и радости. У кого нет ничего, тому нечего терять и нечего бояться, и сражаться не за что. Ты свободна любить, где бы ты ни была, быть бедной и малой, инструментом милости.

Я вижу смерть как ключ к этой борьбе. Мириам, тебе так или иначе придётся умереть, так что прибегни к рукам Иисуса, отдав Ему всё и не прося ничего для себя. У тебя нет иного пути. Ты на кресте, но в том твоя радость. Пусть смерть станет твоим образом жизни и пусть твоё сердце поёт всякий день: «Я всё ближе к Тому, Кого жаждет моё сердце! Возьми моё тело, мою волю и все мои страхи; я ничего не желаю, кроме Него, чтобы только Он жил в моём сердце». Ничто иное не утолит твой голод ныне, и все попытки держаться за будущее, прошлое или самоё себя только внесут в твою жизнь сумятицу и тревогу. Оставив будущее, прошлое и самоё себя, ты обретёшь мир и совершенную радость.

Так что, дорогая подруга, с которой вместе мы страдаем, давай попросту умрём сейчас, сегодня. Оставь же всё, сражаться бесполезно. Ему принадлежит твоё сердце и вся ты. Позволь Ему любить тебя до смерти, а потому живи для Него отныне и вовеки. Я знаю: этого ты и желаешь.

Я с тобой в молитве и знаю, что Он препоручил тебя заботе своей Матери, — что может быть лучше?

Умри здесь, умри сейчас, ПРОСТО УМРИ! И помни — у нас есть всё что надо для того, чтобы взойти на крест. Разве это не прекрасно?

*С любовью,
отец Майкл Сердца Иисусова*

Глава десятая

Следуй за Мной

*Новости магаданского «Дома Мадонны»
от Труды Месснер*

11 апреля 1999

Дорогая семья «Дома Мадонны»!
Сейчас я сижу в канцелярии церкви после мессы и пишу это длинное запоздалое письмо с новостями, чтобы Мария, которая через четыре дня сядет в самолёт, могла доставить его в Комбермер.

Сегодня в России Пасха, и мы присоединяем свои сердца и молитвы к молитве наших православных братьев и сестёр, радующихся о Воскресении Господа. Уже второе воскресенье в нашей церкви стоит стол, где прихожане освящают яйца и куличи. После долгой, тяжёлой зимы Пасха даёт надежду тем, кто несёт по жизни тяжёлое бремя.

Мы свидетели одного из замечательных событий — мощи святой Терезы из Лизье пробудут у нас десять дней. Она путешествует по России, и весь приход совершает девятидневную молитву ей. Пусть она, мечтавшая в своей небесной жизни делать добрые дела на земле, благословит этот отдалённый приход нашей епархии.

Отец Майкл участвовал в организации поездки её мощей по Сибири. Через несколько недель он покинет нас, чтобы доставить её раку в Иркутск. Я с отцом Дэвидом и Суши также отправлюсь туда, чтобы участвовать в конференции приходских работников — это первое «собрание клана» с тех пор, как епископ Мазур стал ответственным за Восточную Сибирь и Дальний

Труди Месснер

Восток. Мы знаем, что присутствие Терезы, Маленького Цветка, будет для всех нас великой благодатью.

Чтобы вернуться в Магадан, нам придётся лететь в Москву. Это всё равно что лететь из Питтсбурга в Лос-Анджелес, чтобы попасть в Бостон! Мы надеемся встретиться с нашей долгожданной Мириам в московском аэропорту и лететь домой вместе.

На прошлой неделе мы наконец получили ключи от новой двухкомнатной квартиры, которую купили у нашей соседки этой зимой. Рабочая команда уже начала сдирать со стен три слоя обоев, белить потолки и делать другие необходимые замены. У Мириам тут будет своя комната, а также офис, где она сможет готовить публикации книг Екатерины на русском.

Христос воскрес! Воистину воскрес!

Возрадуемся о Его победе! Будем жить Его любовью!

Труди, от имени Марии, Суши

и (находящейся в Комбермере) Мириам

Магадан

Перед отъездом из Комбермера в Магадан я долго говорила с Марией, которая только что приехала на встречу ответственных. Она предложила мне проводить по два дня в «пустыне», как только третья квартира будет готова. Бог переселил меня в иное духовное пространство, определила она, и нужен такой образ жизни, который позволяет стоять перед Ним в готовности подчиняться и доверять. И Мария и Джин говорили, что мне не следует погружаться в повседневные дела нашего дома.

Я с облегчением вздохнула, когда невропатолог сказал, что, несмотря на слабость в моих ногах, болезнь не прогрессирует. После длительного отдыха в Комбермере и назначения новых лекарств я действительно стала чувствовать себя намного лучше. У меня стало меньше болей и усталости, и я могла хоть как-то спать ночью.

Ещё одно начало

13 июня 1999

Несколько дней назад вернулась Мария вместе с Катрин Лесаж, которую мы зовём на русский манер Катей. Она будет жить с нами.

Тут также оказалась Жанет Бурдэ, которая на время приехала из миссии «Дома Мадонны» в Аризоне, чтобы преподавать «Катехизис Доброго Пастыря» по методике Монтессори в приходской летней школе. Её будет переводить молодая девушка из прихода по имени Маша.

Как обычно, изменения в жизни нашего дома — не говоря уже о том, что я стала жить в третьей квартире, — заставили меня искать новые точки опоры. Я лишилась всего привычного и была заживо погребена в этой новой холодной и прекрасной комнате и оказалась в стороне от повседневной жизни общины. Как будто бы у меня отняли мою жизнь. Я понимаю, что это не совсем так и что вещи, которые я потеряла, не слишком важны, но раньше они составляли суть моей магаданской жизни.

Меня освободили от обязанностей, чтобы я молилась, отдыхала и работала над русскими изданиями. Почему свобода от ответственности за жизнь дома причиняет мне такую сильную боль? Меня гложет страх того, что я потеряла способность руководить. Мне трудно мыслить отвлечённо и держать в голове широкую картину. Утомляемость и потребность всегда считаться со своим внутренним ритмом лишают меня возможности участвовать в общей жизни так, как я это делала раньше.

Это кенозис*, его повлек за собой мой рассеянный склероз. Это важная часть моего призвания жизни в «пустыне», но никто не спрашивал, хочу я того или нет! Нет, неправда. Бог спросил меня об этом, и я сказала «да», и теперь мне нужно оставить одну жизнь, чтобы росла другая.

* Кенозис (греческое слово) — внутреннее опустошение себя, которое позволяет наполниться Христом.

Я встречаюсь с Ним на брачном ложе креста.

15 июня 1999

Отец Майкл сказал мне: «На том пути, по которому тебя ведёт Бог, тебе нужно отказаться от опоры на взаимоотношения».

Это уже не пугает меня так, как раньше. Я чувствовала «сопротивление» – вот более подходящее слово. Но прошлым вечером на фоне внутренней боли вдруг ко мне пришла мысль: «Всё это надо оставить, чтобы Он мог наполнить тебя Собой». Мне следует думать не о лишении, но о наполнении.

Я попросила Бога защитить меня от искушения. Я прочла молитву передачи себя Шарля де Фуко, молитву посвящения себя Богородице и о том, чтобы посвятить Богу мой рассеянный склероз. Это было актом воли, актом веры, я добровольно приняла волю Божию относительно меня. Это всё, что я могу сделать на данный момент.

20 июля 1999

Я снова не спала ночью, во мне шла духовная битва. Часто, когда я не сплю ночью, лукавый пытается уловить меня с помощью эмоций. Все слова, которые я в таких случаях говорю, казались мне формальными и пустыми. Я припала к распятию и повторяла снова и снова: «Господи Иисусе Христе, Сыне Бога живого, помилуй меня, грешную». Я сопротивлялась искушениям – жалости к себе, страху, желанию контролировать свою жизнь.

И главным врагом была мысль о том, что мои обязанности и строй взаимоотношений изменились *только* из-за действия болезни на мой ум, а не по Божьей воле. Это скрытая причина моего страха. Когда дьявол начал нападать на меня таким образом, я встала с постели, взяла святую воду и распахнула форточку и дверь комнаты, чтобы его изгнать.

Потом мне удалось поспать несколько часов. Я проснулась измученной, но с чувством победы.

Это была победа креста. Теперь я лучше понимала, как лукавый использует мои слабости. Самая лучшая защита — доверие и подчинение. Моё сердце уже сказало «да» этому призванию, но каждый раз, когда я искала удовлетворения своих эмоциональных потребностей, потакала себе или выбирала меньшее благо, я делалась беззащитной от духовных нападений. Лукавый пытается проникнуть в мой ум, но я могу его туда не пускать.

Сегодня мои чувства в беспорядке, но это неважно. Моё тело также не в порядке — я проснулась из-за боли в ногах, — но и это неважно. И моё тело, и мои чувства находятся в руках Божией Матери.

26 июля 1999

Я не понимаю, что произошло, однако после двух недель, когда во мне шла борьба и я чувствовала сильную боль в душе, вдруг наступило затишье. Суши отправилась на Гавайи, чтобы побыть с умирающей матерью. На выходных я была с Жанет и Катей. Их свежесть и любовь были бальзамом для моего сердца.

В моих терзаниях участвовала Божья благодать, заставлявшая меня снова и снова говорить «да». Его благодать работает через людей и обстоятельства. Мне нужно лишь оставаться в данном моменте и позволить Ему действовать.

Новости магаданского Дома Мадонны от Жанет Бурдэ

5 августа 1999

Zdrastvuite! Приветствую вас, дорогая семья!

На протяжении двух первых недель я даже не могла ни с кем тут поздороваться — нужные слова было слишком трудно произносить! Но теперь, после семи недель в Магадане, сказать «до свиданья» мешает мне не произношение, а самый факт, что мне надо уехать. К моему счастью, обратный рейс

был аннулирован и мой отъезд отложен на неделю, я могу приготовить себе чашку чая и рассказать о летней школе «Доброго Пастыря».

Два воскресенья тому назад я сидела в церкви рядом с плачущей бабушкой. Что с ней случилось? Я представляла себе ужасные вещи. После мессы она начала разговор с Марией, а та сделала мне знак рукой, чтобы я подошла. Мария переводила мне слова бабушки. Вот какую историю та рассказала:

История горчичного зерна

На лестничной площадке перед её квартирой собирались подростки. Когда она проходила мимо их компании, они плевались на бабушку и её обзывали. Она была огорчена и поступила самым необычным образом — пригласила их в нашу летнюю школу. Вам там дадут обед, сказала она, и оплатят проезд на автобусе.

Так из сердца бабушки выпало горчичное зёрнышко. Политое её слезами и их плевками, оно начало расти.

Первая неделя

Скучающая и голодная компания пришла в часовню.

«Кто они, эти подростки?» — думала я. Никто их никогда не видел раньше. Казалось, это суровые ребята и девчонки, которые плохо питаются и познали жизнь с её самых мрачных сторон. Я боялась, что они начнут хохотать, когда я достану свою маленькую овчарню с крохотными овечками. Они не смеялись, но к концу недели кто-то сказал Маше, моей юной переводчице, что этой компании тут скучно.

На что Маша ответила с негодованием:

— Почему им скучно? Мне не скучно!

Наша команда решила, что ситуация станет полегче, если мы посвятим по полчаса ежедневно играм на открытом воздухе.

Вторая неделя

Во время обеда некоторые из ребят на лестнице тайно курили. Их застукали и попросили больше сюда не приходить, поскольку они нарушили правила. Они начали просить прощения и буквально умоляли нас не изгонять их.

Горчичное зерно становится кустиком.

На другой день во время игры возникла драка. Девочка попросила прощения, но мальчик отказался принимать её извинения и с плачем убежал. Больше мы никогда не увидим Стаса, сказала я себе. Он считает себя крутым и постесняется встретиться с нами, видевшими, как он заплакал, когда его ударила девчонка. Однако через пятнадцать минут, когда начались занятия, он вернулся и извинился.

На кроне куста, выросшего из горчичного зерна, две птички поют новую мелодию.

Середина второй недели

В комнате царит глубокий мир. Наши размышления над притчами о добром самарянине и мытаре и фарисее были глубокими и искренними. Дети задают массу вопросов: что такое милосердие? Как можно любить того, кто тебя ненавидит? Почему мы не можем увидеть Бога сейчас? Какие добрые дела надо делать, чтобы попасть на небеса?

После разговора о Тайной вечере я спросила:

— Почему мы верим словам Иисуса: «Это тело Моё, это кровь Моя»?

Молчание. Наконец Семён поднимает руку. Маша наклоняется ко мне и переводит его слова: «Потому что это правда».

В эту минуту священной тишины горчичное дерево стало на метр выше, а затем все заговорили.

— В чём дело? — спросила я Машу. — Что они говорят?

— Они говорят: «Свет сильнее тьмы!»

Третья неделя

Это уже не вызывает сомнений: дерево, выросшее из горчичного зерна, велико, и его ветви распространяются по комнате. Дети спрашивают, нельзя ли остаться внутри и поработать вместо игр на улице. Восьмилетняя пророчица Даша выражает то, что происходит, такими словами: «Радость горчичного зерна и Царства Небесного так велика, что мне нужно поделиться ею с другими!»

Вот из-за чего плакала та бабушка.

Из России с любовью,

*Жанет, от имени Марии, Труды, Мириам, Кати
и Суши (которая сейчас у матери)*

22 августа 1999

Мне всегда тяжело бывать на даче — тут труднее ходить и мои недостатки всем куда заметнее. Я всегда рада, когда там остаёмся «только мы» или, быть может, когда там только те, кто хорошо меня знает.

Меня ранит и унижает то, что я так искалечена и зависима. Тут мне остаётся только приковать внутренний взор к распятому Христу.

31 августа 1999

Вчера я споткнулась и упала на цементное покрытие около бачков для мусора. Обошлось без серьёзных травм, но я получила встряску.

Вечером пришла Акулина со своими историями о чудесах выживания в лагере. В этот раз меня поразил её рассказ о том, что она сказала какому-то начальнику, который не мог понять, почему она не замёрзла насмерть: «Вы говорите, что Бога нет, но поглядите — Бог есть! Бог есть!»

— Акулина всех нас приведёт на небо, — сказала позже Мария.

5 сентября 1999

Всю ночь меня мучили судороги, а затем я задумалась о словах Псалма: «Преклоним колени пред лицом Господа, Творца нашего». Мне пришло в голову, что я была сотворена именно для того, чтобы приносить Богу эту болезнь и её последствия день за днём как искупительную жертву и прошение. Таков мой путь к полноте жизни: найти единство со Христом, единство любви на брачном ложе креста.

Я могу искренне сказать, что тут есть радость. Не эмоциональной природы и обычно не на пике страданий, — это духовная и внутренняя радость от того, что мне открывается цель моей жизни.

«Я подарил тебе то, о чем ты просила».

Максим

В середине сентября мы с Марией, Трудой и Катей отправились в Иркутск на вторую пастырскую конференцию для священников, монашествующих и активных мирян. До Иркутска из Магадана лететь всего четыре часа, но, поскольку прямых рейсов мы не нашли, нам пришлось лететь туда через Красноярск, где мы переночевали у отцов-кларетинцев.

Молодой русский семинарист по имени Максим открыл нам дверь дома кларетинцев. Когда мы представились и он понял, что мы из «Дома Мадонны», он устался на нас с радостным удивлением.

— «Дом Мадонны»! Я всё время вас искал, и вот вы сами приходите к нам!

Максим познакомился с книгой «Пустыня» в ГДР, где служил его отец, офицер Советской армии. Затем он прочёл все книги Екатерины, которые мог найти, на русском и английском. Ему понравилась система духовной жизни «Дома Мадонны».

На следующее утро после завтрака Максим предложил нам посетить православную часовню, возвышающуюся над городом. Меня должны были отвезти на машине, а другие намеревались пойти пешком.

— Что у тебя с ногой? — любопытствовал Максим.

— Это рассеянный склероз.

Он долго изумлённо смотрел на меня. Все остальные молчали. Наконец он раскинул руки ладонями вверх.

— У тебя тоже? — спросила я недоверчиво.

Он кивнул.

На мои глаза навернулись слёзы. Слёзы были и в его глазах. Все окружающие нас тоже готовы были заплакать.

Труда и Бронислава

«Я веду тебя»

Через неделю после возвращения из Иркутска меня свалила сильная кишечная инфекция. Нелли предполагала, что это сальмонеллёз. Особенно меня напугали те моменты, когда высокая температура усугубляла проявления рассеянного склероза. Я переместилась в общую квартиру. На протяжении недели я питалась только сухариками, рисом и чаем. Поскольку я почувствовала сильный голод и моё состояние улучшилось, Мария с Катей решили, что мне можно дать крутое яйцо. У него был небесный вкус, однако Нелли упрекала нас, говоря, что яйцо может ухудшить течение кишечной инфекции. Хотя я уже вылечила первоначальную инфекцию антибиотиками, у меня появилось острое воспаление кишечника. Непрерывные понос и диета — те же сухари, рис и чай — настолько истощили мои силы, что сёстры подумывали о том, не пора ли положить меня в больницу.

Я была настолько слаба, что не могла делать ничего другого, а только отдавать всё Богу. Мария посоветовала мне помолиться Ксении Петербургской об исцелении, что я и сделала. Проснувшись первого октября, в день памяти Малой Терезы, я впервые не почувствовала боли в животе. Я подумала, что в болезни наступил переломный момент. Отец Майкл принёс мне причастие и совершил надо мной елеосвящение. Кроме того он освятил новую квартиру, которую, к моему удивлению, назвали в честь святой Терезы Младенца Иисуса.

Весь этот день я получала подарки от святой Терезы. Думаю, это она принесла мне исцеление, вместе с Ксенией... Надеюсь, Ксения не будет недовольна тем, что я так крепко верю Терезе. И я представила себе двух этих святых, которые на небесах дружно смеются над этими моими заботами. Таково общение святых!

Отец Майкл поместил Святые дары в спальне, где я отдыхала. Я лежала под теплом Божьего взгляда и тут услышала в своём сердце Его слова: *«Не бойся. Я Сам тебя веду».*

18 октября 1999

Вчера после воскресной мессы я представляла прихожанам новое русское издание «Историй рус-

ской странницы». Хотя я знала, что хочу сказать, внезапно я сбилась. Что это — просто усталость или действие рассеянного склероза? Меня больше пугает действие болезни на мозг, чем потеря способности ходить.

Но если я не могу говорить, как раньше, значит, Господь призывает меня молчать. Я могу принести эту жертву за Россию. Я могу отдать всё. Но я должна оставаться «внутри» этих вещей, отказавшись от самонаблюдения и твёрдо предстоя перед Богом в сердце. Может быть, потому Он призывает меня к поклонению Святым Дарам.

25 октября 1999

Ночью с субботы на воскресенье я внезапно проснулась в такой тревоге, что не могла даже произнести, как обычно, молитву принесения себя в жертву. И внезапно я поняла: жертва уже была принесена. И она была принята. И теперь я её проживаю — вот что объясняет мои чувства. Бояться нормально...

Новости магаданского «Дома Мадонны» от Марии Яворы
17 ноября 1999

Дорогая семья!

Мы давно вам не писали, и я даже не знаю, как рассказать о нашей жизни за последние три месяца. На данный момент нас четверо: Мириам, Катя, Суши и я, — но скоро всё изменится. На следующей неделе Мириам отправится в Москву, чтобы заниматься там издательскими делами и обновить контакты, нужные для миссии, а оттуда полетит в Комбермер, чтобы пройти ежегодное обследование. В конце месяца из Комбермера вернётся Труд. В середине января Суши какое-то время будет изучать русский в нашем доме в Вашингтоне.

Надвигается зима, и температура временами снижается до минус двадцати. Вскоре на нашей даче появится новая печь, которую можно будет топить и дровами, и углём, и тогда её можно

будет использовать как зимнюю «пустыню». Хотя я не уверена, что кто-либо, кроме морозоустойчивой Труды, решится на такое приключение!

Катя изучает русский с преподавателем университета, который приходит к нам дважды в неделю.

В эти дни мы всё время куда-то бегаем. Мы ходим по канцеляриям, чтобы возобновить наши визы (это приходится делать раз в три месяца), в домоуправление, чтобы нашу квартиру не заливала неисправная труба, в Министерство юстиции, собрав нужные бумаги, чтобы заново зарегистрироваться как религиозная организация, а также ходим платить за квартиру, электричество, канализацию и холодную воду, отопление и горячую воду.

Но всё это мелочи по сравнению с теми проблемами, которые приходится решать нашим друзьям. Русские, живущие обеспеченно, составляют крохотное меньшинство, в то время как наши друзья, работающие по своей профессии, всё ещё не могут купить самого необходимого. Нас постоянно удивляет скромный героизм людей, справляющихся с трудностями, но постоянное напряжение порождает депрессию и отчаяние, которые корёжат жизни. Иногда это способствует развитию алкоголизма со всеми его ужасающими последствиями.

Отец Майкл недавно посетил тюрьму в трёхстах километрах от Магадана, где отбывает свой срок сын одной из наших прихожанок. Заключённых там кормят почти так же, как в сталинских лагерях. Отец Майкл старается организовать регулярную поставку еды через местный филиал «Каритаса», международной организации для оказания гуманитарной помощи.

В ответ на нужды окружающих мы посвятили один день в неделю поклонению Святым дарам, это каждая среда от десяти утра до пяти тридцати вечера. Мы постепенно приглашаем других людей участвовать в этом вместе с нами. Как сказала нам Джин Фокс, посетившая Магадан два года назад, нам надо стать молитвенной жертвой и приносить Господу все безнадёжные ситуации, с которыми к нам приходят люди.

В приходе по воскресеньям Адвента отец Майкл также устраивает поклонение Дарам, оно начинается сразу после мессы и оканчивается в семь вечера, после чего участники са-

дятся за скромный ужин. Самые малые и самые бедные обычно чаще остаются до конца молитвы. Это прекрасная подготовка к приходу нашего Спасителя!

*С любовью и с благодарностью за наши узы любви и единства,
Мария от имени Суши, Мириам, Кати
и Труды (которая вскоре к нам присоединится)*

Комбермер

Иисус Христос — сегодня, вчера и навеки

2 января 2000

Кончился век, кончилось тысячелетие, но мне трудно понять, что из этого следует. Многие вздохнули с облегчением, поняв, что предсказания о выходе из строя всех компьютеров с последующим воцарением беспорядка во всём мире оказались ложными. Думаю, никому не хотелось такой катастрофы, которая повлекла бы за собой реальные страдания людей, но — ничего не могу с собой поделать — я немного разочарована: мне бы хотелось, чтобы технологический век показал свою непрочность. Это бы чему-то научило людей.

В полночь на мессе мы молились за народы всего мира и просили Бога о милости к людям каждой страны на земле. «Сколько месс совершается на земле в эту ночь? — думала я. — И сколько их было за все века после того, как Христос отдал своё тело и кровь за жизнь мира?»

Вот уже почти две тысячи лет Он изливает свою милость на бедное человечество. Это два тысячелетия любви, хотя мы постоянно пренебрегаем Его любовью и продолжаем её отвергать. Все мы грешники и продолжаем грешить, а наш Спаситель всё равно ищет заблудших овец, ищет голодные сердца. Это мало зависит от нашей верности — и целиком и полностью зависит от верности Христа.

Смысл нового тысячелетия и всей истории до конца мира заключается в том, что Бог изливает свою любовь на каждого человека, предлагает каждому даром вечную жизнь и любовь уже здесь и теперь. Искупление обращено не к цивилизации, но к каждому человеку.

Магадан

Утешение распятого Христа

2 мая 2000

Несколько недель назад мы смотрели окончание фильма «Евангелие от Матфея» на видео. Этот фильм не выходит из моей головы. Там мы видим человеческого, мужественного и кроткого Иисуса, который излучает радость и горячую любовь. Но в момент Страстей всё это исчезает, и Иисус действительно становится человеком, от которого люди «отворачивают лицо своё» (Ис. 53:3). Я тут впервые поняла, как Он выглядел в те часы, которые изменили ход истории человечества.

Именно перед таким Иисусом — изуродованным, окровавленным, лишённым привлекательности и обаяния — я призвана стоять, именно Его я должна видеть в уличных алкоголиках, в больных и страдающих. Хочу ли я быть тут с Ним?

*Из проповеди отца Майкла на субботней мессе
в «Доме Мадонны»*

Мы не можем ответить на все нынешние нужды. Что же нам делать? Мы можем принять страдание, гнев, раздоры на себя, сказав: «Пусть они прекратятся тут», — и вознести их ко Господу. Вот как мы призваны жить.

Иисус спас наш мир не чудесами и исцелениями, но смертью на кресте. Он спас нас именно тогда, когда стал слабым.

15 мая 2000

Мы в ужасе от трагедии, случившейся с десятилетней Марией, ученицей Тани Кононовой и одноклассницей некоторых детей из нашего прихода. Её изнасиловали, пытали и убили. Убийца шёл за ней от школы до дома и как-то пробрался в квартиру. Она была единственным ребёнком, а её мать была на работе, когда это произошло.

Неудовлетворённость, отвлекающая меня от главного, перестала меня терзать, потеряла свою силу. Мы тут только для одного: чтобы нести крест за этих людей и вместе с ними.

Когда мы вернулись от Тани вечером в день убийства, Бог дал мне удивительную благодать. Я вспомнила распятого Христа из видео, который «был изуродован, на человека не похож». И внезапно тело маленькой Марии стало Его телом — изуродованный Иисус стал Марией. Это не устранило боль, но изменило её.

В воскресенье отец Майкл заговорил об этом событии, которое было у всех на уме, уже в самом конце службы. Вместо заключительного благословения он пригласил подойти всех желающих для собо­рования. «Сегодня сердцу каждого из нас нужно исцеление», — сказал он тихо.

Человеческие слова неадекватны этой боли. Только распятый и воскресший Христос может претворить сломленность в любовь. Только Он может победить зло.

Все устремились к отцу Майклу. Хор запел «Магнификат», а затем канон Тэзе «Аве Мария», а я хотела попросить исполнить гимн на слова «Песни песней», не подозревая того, что и Полина собиралась его петь.

«Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!»
Встань, маленькая Мария. Ты воистину омыла свою одежду в крови Агнца. Твои муки остались позади, Бог отрёт твои слёзы, и ты вечно будешь пить из источника воды живой.

16 мая 2000

Труди зашла ко мне в «пустыню» утром с сообщением о том, что произошло ещё одно убийство. Схема та же, но на сей раз жертвой стала молодая женщина. Кажется, преступник пойман.

В этот же день мы узнали, что кто-то проник на нашу дачу и в стоящий рядом сарай. Оттуда пропали кровельные материалы, два спальника и подушка. Всё было перевёрнуто, молитвенники разбросаны.

Вдобавок ко всем этим трагедиям у Надиной дочери случился выкидыш.

22 мая 2000

На отпевание маленькой Марии в православной церкви собралось множество людей. Многие дети пришли туда самостоятельно, без родителей. В Таниной школе отменили занятия, тут должны были пройти поминки по Марии после похорон. Таня всё организовала. Она сказала, что каждый раз, когда она заходила в магазин, люди протягивали ей деньги для матери Марии. Городские власти обещали дать ей новую квартиру.

После похорон и ареста убийцы страх утих, и люди в городе стали спокойнее. Но осталось трезвое напоминание о том, что мы живём на поле духовной битвы, и потому мы должны быть верны нашему призванию и отдать себя до конца.

14 июня 2000

Вчера вечером по пути домой после мессы я зашла к Римме и осталась у неё на ужин. Разговор зашел об Ольге, сидевшей в лагерях, которая рассказывала, как её и других украинцев, учившихся во Львове, арестовали и обвинили в национализме.

— А в чём она провинилась? — спросила Римма.

— Как в чём? Абсолютно ни в чём!

— Но если её осудили, значит, за ней была какая-то вина.

Я не могла поверить своим ушам.

— Римма, она совершенно невинна. Как и Бронислава. Никто из них не делал ничего плохого.

Я не раз слышала, что политических преступников считают в чём-то замешанными — «иначе бы они не попали в лагеря». Но для меня было шоком услышать нечто подобное из уст близкого человека, причём Римма хорошо знала и любила Ольгу, поскольку они были в одном приходе.

26 июня 2000

Катя и Труды вернулись из Иркутска, где они были на ретрите (духовных упражнениях) для монахинь и посвящённых мирянок, они также присутствовали на рукоположении Максима в дьяконы в Красноярске. Они полны новых впечатлений. Особенно их поразили интерес к «Дому Мадонны» со стороны тех, кого они встречали.

Стоит признать горькую истину: меня гложет зависть. Мне хотелось бы активно участвовать в нашей миссии. Мне хочется путешествовать, соприкоснуться с самыми разными гранями жизни этой страны. Я начала это делать до того, как у меня нашли рассеянный склероз; теперь я ни на что не способна.

Прошлой ночью я проснулась и начала плакать, и уже не могла уснуть. Меня утешает только одно — моя солидарность с погибшими на Колыме и в других лагерях, включая нацистские концлагеря. В этом суть моего призвания, смысл моей жизни. Но сама я бы этого никогда не выбрала.

27 июня 2000

Прошлой ночью я проснулась с чувством глубокого умиротворения. В моём полусонном состоянии ко мне пришли слова:

«Зачем ты выбиваешься из сил? Я несу тебя».

Мария

В начале июля Трудя уехала, чтобы отдохнуть и провести несколько месяцев в Комбермере.

Мария задержалась в Комбермере после встречи ответственных, чтобы провести сорокадневный ретрит. Она уезжала из Магадана переутомлённая, и мы надеялись, что ей удастся как следует отдохнуть. Не знаю, насколько это у неё получилось физически, но когда она вернулась, все чувствовали, что от неё исходит глубокий мир.

Она сказала нам:

— Когда я молилась о нашем доме, я поняла, что в России христианская вера держится прежде всего на жизни святых. В Магадане нам не стоит распространять нашу духовность с помощью слов, но через нашу внутреннюю смерть и воскресение. Если это в нас будет происходить, то надежда, о которой мы призваны свидетельствовать, будет передаваться через само наше существование.

Мария была готова отдавать себя безгранично, однако к середине августа она стала выглядеть такой усталой, что это беспокоило Катю, Суши и меня. Она обычно так редко на что-нибудь жаловалась, а тут стала говорить о том, что у неё кружится и болит голова. Когда она заболела фарингитом, мы вызвали Нелли, и та заметила, что один угол рта у Марии немного опущен. Нелли решила, что это преходящее нарушение мозгового кровообращения, которое может быть предвестником инсульта, и велела Марии придерживаться строгого постельного режима.

Это известие нас потрясло. Мы не могли вынести и мысли о том, что Марии придётся покинуть Магадан. Она вложила всё своё сердце в нашу жизнь, а её духовные дары, которые развернулись во всей своей силе, удивительно точно соответствовали нашей миссии и окружавшей нас культуре. Но мы могли только лишь жить теперешним моментом, держась за Бога и отгоняя от себя тревоги, которые, словно мухи, кружились вокруг наших сердец.

Каждая из нас поддерживала Марию по-своему. Катя, медсестра по специальности, ухаживала за ней с большой чуткостью и вниманием. А между мной и Марией за эти годы выросла такая глубокая духовная связь, что нам не нужны были слова.

Катя, Суши, Мириам и Лиза

И не случайно в день Успения я почувствовала, Матерь Божья мне очень близка. Она была нам особенно нужна в этот момент. Она, Царица Сострадания, участвовала в страданиях Христа. В ней мы были едины друг с другом, едины в сострадании.

22 августа 2000, день Пресвятой Девы Марии Царицы

Я почувствовала, что Марии придётся нас покинуть, и теперь она об этом сказала. Ей самой трудно это принять.

Мы все грустим. Я пришла в церковную канцелярию за письмом с просьбой о срочной выдаче выездной визы для Марии — и увидела слёзы в глазах нашего секретаря. Я сама чуть не разрыдалась.

Нелли пытается понять, в какой мере симптомы Марии объясняются воздействием климата Магадана. Я сама не знала, что лучше: угроза инсульта, из-за которой необходимо на несколько месяцев ограничить всякую активность, после чего Мария, возможно, вернётся к обычной жизни, — или заболевание, связанное с местным климатом, которое делает возвращение в Магадан невозможным.

Я не могу себе представить ближайшие месяцы жизни без Марии.

Вчера Джин написала нам по электронной почте: если никто из нас не может без вреда переносить

местный климат, нам стоит подумать о том, чтобы закрыть наш дом в Магадане и создать миссию в другом месте России. Эта идея меня ужаснула. Как мы покинем этих людей, этот приход?

Чтобы наш дом функционировал, нам нужны как минимум двое здоровых людей, чувствующих призвание к «пустыне» и готовых отдать свои жизни, и чтобы хотя бы один из них овладел русским. Как трезво заметила Мария, кандидатов для этого наберётся немного.

Вчера Мария передала ответственность за дом Кате до их отъезда в Канаду. Я понимаю, что это разумно, но это было мне как соль на рану.

Господи, я принесла Тебе моё унижение и утрату способностей. Помоги мне жить не головой, но сердцем, чувствовать боль и приносить её за Марию, за наш дом, за Магадан.

Джин написала, что Труды задержится в Комбермере на достаточно долгий срок. Мария будет отсутствовать как минимум три-шесть месяцев. Катя полетит вместе с ней в Комбермер, и Джин думала, что ей в первую очередь следует изучать язык. Это значит, что в Магадане остаётся только мы с Суши. Хотя Суши полна энергии, я с трудом двигаюсь, несмотря на десятичасовой сон и дневной отдых.

Дни перед отъездом Марии и Кати были крайне тяжёлыми и опустошительными из-за постоянного потока желавших попрощаться, так что мы все мечтали, чтобы они поскорее кончились. Утомление притупило в нас боль разлуки и сгладило чувства, которые иначе нам было бы трудно вынести.

6 сентября Суши присоединилась к делегации из нашего прихода и отправилась на освящение нового кафедрального собора в Иркутске. Несколько часов спустя Мария с Катей отправились в аэропорт. Остывшая от событий последних недель, я была рада побыть несколько дней в одиночестве.

Глава одиннадцатая

О, если бы вы ныне послушали гласа Его

Сентябрь 2000

Из отчета Суши Горвиц

Мне посчастливилось побывать в Иркутске, в центре нашего диоцеза, на освящении нового кафедрального собора Непорочного Сердца Марии.

Празднование длилось три дня, и центральное место в нём занимали «исповедники» ГУЛАГа. Духовная насыщенность становилась сильнее с каждым днём. В субботу днём между молитвами розария мы слушали свидетельства бывших узников лагерей, включая наших Брониславу и Ольгу, которые рассказывали, как Божия Матерь помогала им в годы страданий. Одна из наших старейших магаданских прихожанок сказала, что до этого дня не понимала всего того, что происходило в её стране.

Воскресную мессу служил восьмидесятисемилетний кардинал Казимир Свентек, архиепископ Минска, который провёл пятнадцать лет в тюрьме и лагерях под угрозой смертного приговора. В этот раз он впервые приехал в Сибирь не как заключённый.

Архиепископ Кондрусевич из Москвы говорил проповедь и плакал, вспоминая о том, как на его глазах кафедральный собор в его родном городе сравнивали с землёй. Он призывал нас всех восстанавливать веру и Церковь в России. Окончив проповедь, он подошёл к кардиналу, обнял его и сказал:

— Он тоже вкусил страдания.

Это вызвало слёзы у кардинала, и они долго стояли вместе.

После мессы кардинал Свентек возглавил процессию из собора к часовне Мира и Примирения, посвящённой тем, кто страдал и погиб в лагерях. Там есть мемориал — четырнадцать камней, соответствующих четырнадцати стояниям креста. На каждом камне написано название одного из лагерей, а под камнями располагаются урны. На одном из камней написано: «Магадан, Колыма».

Когда в прошлом году закладывали краеугольный камень собора, из разных районов диоцеза сюда привезли землю с тех мест, где были лагеря, — в том числе и из того места около Магадана, где находится ледяной карцер. И теперь старый кардинал своими руками без перчаток пересыпал землю из четырнадцати кувшинов в соответствующие урны. Потом урны закрыли, и кардинал зажёл лампаду у каждого камня. Дойдя до камня с названием лагеря, где он сам был в заключении, кардинал закрыл лицо руками и тихо заплакал. Наш епископ Мазур помог ему вернуться к микрофону. Окончив молитвы, кардинал опустил свою голову на посох и стоял так, как будто бы его согнула скорбь...

14 сентября, в день Воздвижения креста, когда мы отмечали семилетие нашей магаданской миссии, большинство из наших сестёр находилось не в России, а в Комбермере. Только Бог мог задумать и осуществить такой план. На следующий день мы получили по электронной почте письмо от Джин:

Никто из вас не будет ответственной за дом. Используйте это время для того, чтобы подчиняться друг другу, любить друг друга и общаться на равных ради блага дома и тех, кто к вам приходит. Живите в гармонии, уступайте друг другу, и вы получите обильную благодать. Доверяйте милости Божьей с особой силой и крепко храните верность кресту. Передавайте всё сердцу Матери Божьей. Она трудится тут.

Никто из вас не будет ответственной за дом. Этого мы совершенно не ожидали, но это было решением по вдохновению

свыше, которое освобождало обеих нас от проблем, связанных с властью. Джин также сообщила нам, что когда в декабре я уеду для ежегодного обследования и визитов к врачам в Канаду, в Магадан приедет Альма, чтобы быть вместе с Суши.

На исповеди неделю тому назад отец Майкл сказал мне:

— Каждый раз, когда тебя искушает стремление к власти, вспоминай о богатом юноше. Он боялся продать всё своё имение — и оказался ни с чем.

Задача ответственности — а не власть — всегда привлекала меня. А теперь Бог поставил передо мной другую задачу. Он просил меня отказаться от той защищённости, что даёт эта роль, ради защиты жизни в Духе.

Из письма к Джин от 30 октября 2000

...Дома у нас очень тихо. Несколько дней к нам никто не заходил, и даже по средам собрание для молитвы розарием проходит спокойнее. Тем не менее приезд Альмы будет нам очень кстати. Хотя мы с Суши прекрасно ладим друг с другом — куда лучше, чем могли ожидать мы или кто-то другой, — по большому счёту это нельзя назвать нормальной жизнью общины.

Мы уже не занимаемся гуманитарной помощью, хотя всё ещё раз в месяц даём еду нашим друзьям из старообрядцев — матушке Параскеве и её сыну Симе, которого также снабжаем нужными лекарствами. Я так же, как и прежде, регулярно посылаю посылки нашему другу Алику Куприну, который отбывает двенадцатилетний срок в тюрьме. Сима и Алик заставляют нас хлопотать, но благодаря им мы помним о том, что нам тоже всё дают.

Отец Майкл надеется весной приступить к строительству церкви. Хотя всем нравится уют нашей маленькой часовни, нам важно иметь настоящий храм.

На праздник Розария, когда мы с Суши после поклонения Дарам в субботу вечером снова посвятили

себя Божией Матери, я передала нашу миссию и всю нашу жизнь в её руки. Всё чаще мне кажется, что из-за нашей ограниченности мы мало что можем делать, а можем только жить. И тем не менее мне всё чаще и чаще кажется, что просто жить — это и есть наше призвание в Магадане.

«Вы все такие разные, но вы все любите», — сказала вчера Нина. А ещё одна наша подруга сказала: «Просто знать, что вы здесь, что я могу к вам прийти, когда это нужно, и что вы молитесь за меня, — это всё меняет».

Надя, уже стоя в дверях после розария, сказала: «Вы так много нам даёте. Вы даёте мир и надежду. Я часто думаю, а что мы даём вам взамен?»

Суши чуть не поперхнулась: «Я бы тебе сказала — на это уйдёт несколько часов».

Вчера в приходе я случайно услышала, как одна женщина — причём не из самых близких друзей — сказала, что «Дом Мадонны» показывает пример того, что одинокая женщина может жить в этом мире целомудренно, с честью и достоинством. Впервые за время жизни в Магадане я слышу, как кто-то говорит о призвании мирянок.

Мы приехали сюда не для того, чтобы менять людей, но чтобы их любить. И не так важно, хорошо ли мы владеем русским и сколько нас в доме, двое или пятеро. Наша миссия состоит в том, чтобы любить каждого из тех, кто нам встречается, получать Божью любовь, каким бы образом Он её ни дарил, и передавать её через наше присутствие, через самоотдачу, нашу повседневную жизнь и нашу молитву. Значимо именно это, а не наша деятельность.

Комбермер

Какой радостью было для меня встретиться с Марией, когда в декабре я приехала в Комбермер! Но меня тут ждало новое испытание. Джин предложила Труди и Кате попутешествовать по

западной части России и Прибалтике и сказала, что они там должны «принюхиваться к Духу». В каком-то смысле это будет продолжением миссии, начатой мной в Москве и Латвии, которая сейчас явно не соответствовала Божьей воле относительно меня. Но моя зависть свидетельствовала о том, что я с этим ещё не полностью смирилась.

Твоя воля для меня сегодня – это крест. Только соединившись с Тобой, я могу сохранить единство с моими сёстрами.

8 января 2001

Я провела мучительный день в «пустыне». Крест слишком тяжёл, а я утратила выносливость. Я не могу распорядиться своими чувствами, но с помощью воли я выбираю крест.

Мы слишком далеко зашли, Господи. Обратной дороги нет.

Иисус сказал: *«Теперь Я часть тебя. Твой крест – это Мой крест. Вложи твою руку в Мою. Мы понесём его вместе».*

5 февраля 2001

Ночью болезненные как никогда судороги в ногах, я чувствую слабость, усталость и зависимость от Господа. Я пыталась посвятить это Трудю и Кате.

Благодарю Тебя, Господи, за два сравнительно благополучных последних месяца, за здоровый сон и прилив сил. Это был Твой дар, и я постараюсь за него не цепляться. Та боль, которую я чувствовала прошлой ночью, соединяет меня с Тобой крепче, чем что-либо ещё.

7 февраля 2001, вторник недели перед Великим постом

Несколько недель назад «комбермерские магаданки» – Мария, Трудя, Катя и я – встретились с Джин, чтобы обсудить нашу миссию в России и задачи, стоящие перед Трудю и Катей. Святой Дух призывает их к чему-то новому; мы увидим, куда Бог их зовёт и какие возможности Он открывает перед «Домом Мадонны» в России.

В Магадане начнётся новый этап жизни. Отец Майкл будет заниматься строительством церкви и, вероятно, станет недоступнее для нас. Нам следует внимательно прислушиваться, чтобы понять, чего Бог хочет от нас.

Когда Джин предложила всем нам поделиться тем, что у нас на сердце, я рассказала о моей боли из-за того, что мне придётся отказаться от активной роли в миссии. Но вчера во время мессы перед прощанием с Катей и Трудой ко мне пришли слова, которые были весомее всех моих переживаний: «Это дело Божие, оно зависит только от Него и ни от кого другого».

Мне не нужно думать — «если бы я не болела рассеянным склерозом» или «если бы всё шло по-другому». Это замысел Божий, и мне нужно не просто ему подчиниться, но соединиться с ним и радоваться ему. Иначе я противостою воле Бога.

Катя и Труда были избраны для следующего шага, как нам с Марией и Альмой было предназначено сделать первый шаг. Бог хочет, чтобы я благоговела это дело свободно и от всего сердца.

5 марта 2001

Вчера я проснулась со звонком будильника после очередной ночи с сильными судорогами. Весь день я себя чувствовала так, как если бы меня избили.

Есть что-то ужасное в этих одиноких ночах, когда я тайно страдаю от болей. Ужасное и родное. Прошлой ночью я читала молитвы воскресного вечернего богослужения, куда входит и Псалом 90: *«Живущий под кровом Всевышнего»*, и я знала, что Бог не даст моей ноге преткнуться о камень. И ночь делалась лучше, хотя и не принесла отдыха. *«Ибо Ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих»*.

19 марта 2001

Ещё один мягкий и солнечный весенний день. Все радуются возможности пойти погулять при такой погоде. Я тоже вышла пройтись (совсем немного), а затем просто стояла на парковке, опираясь на трость. И я подумала о магаданских бабушках, которые делают точно так же. Мне хочется в Россию.

Легче, когда тебя не замечают, чем когда тебя жалуют; однако порой утешительно услышать, когда тебя спрашивают: «Тебе грустно, что ты не можешь наслаждаться свежим воздухом?» Конечно, это непривычно; все ждут от слабого человека, что он начнёт о себе говорить, но я этого не делаю, потому что большинство людей не знают, как на это реагировать.

Важно ничего не ожидать. Это крест, который никуда не денется. Только я могу нести его — вместе со Христом. А сейчас боль слишком велика, так что я не могу останавливаться на ней.

«Никто не отнимает Мою жизнь у Меня, но Я Сам отдаю её» (Ин. 10:18).

Сегодня у меня это не слишком хорошо получилось.

Я приношу её, Господи, вместе с Тобой за всех, чью жизнь искорёжили обстоятельства или ход истории, за всех, кто не может пойти туда, куда его бы естественным образом повели его желания, таланты и способности.

Магадан

14 мая 2001

Наконец-то я вернулась. Никогда раньше Магадан не казался мне таким серым.

В четверг к нам на ужин приходил отец Майкл и рассказывал о некоторых проблемах, с которыми он столкнулся. Он говорил и говорил. И в конце, уже завязывая ботинки, он добавил: «Если каждое утро, просыпаясь, я говорю Богу: „Я принадлежу Тебе“, — и возвращаюсь к этому на протяжении

всего дня, тогда я понимаю, что это Его битва, а не моя. Он знает, что происходит, и вмешивается в происходящее. А я могу позволить Ему меня использовать».

Это касается и всех нас.

Мне кажется, что в нашем доме мы все инвалиды, каждая по-своему — физически, эмоционально, с точки зрения русского языка, — и никто из нас не живёт в соответствии со своими природными талантами и наклонностями. Мы можем принести это с любовью и благодарностью как жертву за людей в Магадане. Мало кто из них делает то, что предпочёл бы делать при иных обстоятельствах.

18 мая 2001

Сегодня я услышала в сердце: *«Если сегодня вы услышите голос Его, откройте сердце, чтобы Дух вас всему научил»*. И именно за это нам всем нужно держаться. Мы можем стараться принимать слабости друг друга, но ещё более важная задача — слушать, что говорит нам Святой Дух друг через друга.

28 мая 2001

Отец Майкл сказал нам сегодня, что наши русские друзья обладают таким глубоким доверием, которого нам не хватает. Столь часто мы слышали, как они говорят: «Ничего — переживём. Не беспокойтесь». Не понимая, что их жизнь проникнута героизмом, они день за днём встают рано утром и отдают свою жизнь другим, сами не ведая о том, что живут по Евангелию.

Мы солидарны с ними, поднимаясь утром с рассеянным склерозом, неумением объясняться по-русски или с чувством, что мы неспособны сделать то, чего нам бы хотелось. Как и наши друзья, мы не в силах преодолеть свои ограниченные возможности. Наши друзья и наша общая жизнь — источник нашей силы.

6 августа 2001, Преображение Господне

Два дня назад мы получили по электронной почте такое письмо из Комбермера, от Марии:

Джин зашла в офис и поручила мне передать вам, что назначила ответственной за магаданский дом Бет Холмс. Кажется, это решение вдохновлено свыше, и я ему полностью доверяю. Джин верит, что это поможет наладить жизнь дома.

Бет, которую мы звали Лизой, влюбилась в Россию в 1995 году, когда приезжала в Магадан, чтобы нам помогать. Ей придётся учить новый язык и осваивать массу других вещей, но мы все можем трудиться вместе и помогать друг другу.

То, что я сейчас написала, описывает зрелую реакцию, к которой я только стремлюсь. Эмоционально это меня ранит, как горькое напоминание о том, что я уже не могу нести ответственность за миссию, которую понимаю лучше, чем все остальные.

Господи, помоги мне стоять в истине. Помоги мне отказаться, раз и навсегда, от стремления вести других за собой. Ты не к этому меня призываешь.

Днём 12 сентября я сидела в нашем издательском кабинете, пытаюсь осознать известие, которое только что получила по электронной почте от Джин из Комбермера. Она писала, что два самолёта врезались в башни-близнецы в Нью-Йорке. Я подсчитала разницу во времени: девять утра в Нью-Йорке соответствует часу ночи следующего числа в Магадане. Я пыталась понять, что это значит, как ко мне вошла Лиза со смертельно бледным лицом.

— Звонил отец Дэвид, — сказала она. — В США теракты. Два самолёта врезались в башни-близнецы в Нью-Йорке, а ещё один — в здание Пентагона в Вашингтоне. Четвёртый самолет, похоже, также направлялся в Вашингтон, но потерпел аварию над Пенсильванией.

Мы устали друг на дружку в недоумении. Я показала ей письмо Джин. Тут мы вспомнили, что в час дня будет выпуск

новостей, и поспешили к телевизору в тот самый миг, когда там показывали кошмарные кадры с медленно разрушающимися нью-йоркскими башнями.

Русские обладают замечательной способностью сострадать жертвам, и в течение дня люди постоянно звонили нам и выражали свои соболезнования и поддержку. Одновременно мы почувствовали, что в них пробудился страх. На мессе прихожане просили о том, чтобы не разразилась Третья мировая война. Они понимали, какой мощью обладает Америка, и знали, чем для них обернется война.

29 октября 2001

Трудно привыкнуть ко всем головокружительным изменениям нашей жизни. К нашей радости — и к радости наших друзей — в Магадан вернулась Мария. Лиза оставалась ответственной, а Мария поддерживала её своей мудростью и опытом, и потому наша жизнь существенно оздоровилась.

Катя и Труды побывали в Литве и на Украине, где они познакомились со многими людьми и приобрели ценный опыт, после чего Катя осталась в Москве, чтобы изучать русский. Ей нужно заложить крепкие основы для будущего, каким бы оно ни было, а активное участие в миссии действительно не оставляет времени учиться.

Мигрени настолько подорвали силы Труды, что ей пришлось вернуться в Комбермер для лечения. Альма находится там же.

Мария неустанно напоминает мне, что теперь моя роль — служить духовной опорой дома. «Не только твоя издательская работа важна для нас», — часто повторяет она.

Мне надо принять свою инвалидность — не как личную потерю, но как *добровольную* жертву за наш дом и за мир — силою Духа. В этом есть свобода и радость, к которым я так стремлюсь.

Бог не желает страданий, но Он их преображает. Он собирает осколки нашего падшего мира, чтобы

ничто из наших переживаний не отделяло нас от Него. Хотя я не могу сказать с полной искренностью: «Я предпочитаю смерть во Христе Иисусе всему тому, что может дать мне мир», — я хотела бы обрести такую искренность и верю в то, что Христос мне в этом помогает.

Комбермер

«Узница» Господа ради

27 декабря 2001

Вчера, когда я работала за своим столом, в дверях появилась Джин Фокс.

— Я только что получила письмо по электронной почте из Магадана, — сообщила она. — Мария и Бет хотят на шесть месяцев ограничить активность миссии, чтобы изучать русский. Бет необходимо его освоить.

— Что значит «ограничить активность миссии»?

— Предельно упростить жизнь. Труды туда не вернётся — ей не позволяет здоровье. Альма останется в Комбермере в любом случае. Суши приедет сюда на пару месяцев. И они хотят, чтобы ты оставалась тут до окончания встречи ответственных в мае.

— Остаться тут до мая? — Я старалась контролировать свой голос, но весь мой мир развалился. Моим миром был Магадан, я принадлежала ему. Как можно меня его лишить?

Джин не сказала об одной вещи, о которой можно было и не говорить, потому что она для всех очевидна: если они хотели экономить силы, чтобы учиться, моё присутствие там стало бы для них лишним бременем. Вдвоём они, ограничив внешнюю деятельность, могут жить спокойно. А я не способна готовить еду, убираться и стирать своё бельё. Мне самой нужна помощь.

Прошлой осенью Мария говорила со мной о необходимости искать компромисс, если кто-то болен

или его возможности ограничены, между личными потребностями этого человека и долговременными задачами миссии. Это тот самый случай? Почему же тогда она говорила, что мои страдания служат опорой для всей жизни нашего дома?

Теперь я понимаю, почему несколько дней назад Мария говорила со мной по телефону столь туманно. Но почему она просто не сказала: «Возможно, у нас кое-что изменится, но я не могу тебе об этом сказать, пока мы не решим этот вопрос с Джин?» Я была уже чужой для магаданской миссии? Если бы мне это объяснили, я бы не стала спорить.

— Можешь ли ты принести это как жертву за нашу миссию в Магадане, за будущее «Дома Мадонны» в России? — тихо спросила Джин.

Я кивнула. Я боялась открыть рот, потому что не доверяла себе.

Я чувствовала себя полностью преданной и отверженной.

29 декабря 2001

Я не знаю, как всё это произошло, я боюсь злости и обиды, которые готовы подняться в моём сердце.

Самое страшное искушение — это разделение.

Два года назад Мария мне сказала: «Мы едины, и потому ты часть нашей жизни. Единство пересекает границы времени и пространства. Оно не связано с географией».

Да, так оно и есть. И я могу принять это решение как волю Божью обо мне.

Я знаю, о чём Он меня просит, но мой ум — не говоря уже об эмоциях — это распинает.

Нужна вера.

31 декабря 2001

Последний день года. Я всё ещё пребываю во внутренней борьбе, но, по крайней мере, я борюсь

за то, чтобы стоять перед Богом, подчиняться Ему и вести эту борьбу на правильном поле.

Самые худшие часы у меня по утрам, когда я ещё лежу в постели. Я не знаю, как пройти через эту боль.

3 января 2002

«Молитесь также и о нас, чтобы Бог отверз нам дверь для слова, возвещать тайну Христову, за которую я и в узлах, дабы я открыл её, как должно мне возвещать» (Кол. 4:3-4).

Я себя тоже чувствую узницей за Христа. Альма говорит, что я нахожусь «под домашним арестом».

Я в ссылке, меня лишили дома.

Господи, не Ты ли позволил этим словам войти в мой ум, чтобы напомнить мне о моей духовной связи с узниками лагерей?

4 января 2002

Бог знает, как глубоко я люблю Магадан и как я желаю там быть. Не желает ли Он очистить это страстное желание, чтобы на первом месте стояли мои отношения с Ним?

Несколько дней тому назад на мессе ко мне пришли слова: *«Твои нынешние переживания принесут плод»*. Это крест, а крест спас наш мир.

Чтобы стоять на лезвии боли и всё время приносить её в жертву, не скатываясь к саможалению, требуется бдительность. Мне надо каяться в моём гневе. Бог зовёт меня жить в Его Царстве.

7 января 2002

Прошлой ночью мне снилась птичка, мозг которой слишком мал, чтобы понять гимны святой Терезы из Лизье, и которая умерла «в тревоге и отчаянии».

Это у меня «мозг птички». Бог указывает мне на путь, который непонятен для разума человека, и если я буду упорно пытаться его постичь, мне не стоит удивляться последствиям. Тревога и отчаяние — вот два демона, которые меня искушают.

11 января 2002

Мне не совсем понятно, что случилось, но, похоже, я перешла Рубикон. Я чувствую устойчивость, которой во мне не было раньше, и даже спокойствие и мир, как будто меня несёт волна благодати.

Бог просит меня жить лишь настоящим моментом — в Нём, для Него и через Него.

Из письма к Марии от 15 января 2002

Я только что закончила индивидуальный ретрит, во время которого я размышляла над текстами Екатерины. Никогда не думала, что они могут так сильно на меня повлиять. Как будто она писала именно о моём нынешнем борении.

Хотя я смирилась с тем, что мне придётся остаться в Комбермере на несколько ближайших месяцев, мои эмоции кипят.

Но надо сделать следующий шаг.

В первый день ретрита я непрерывно плакала. Но если Екатерина думала, что её послушание важно для спасения священников, я не вправе думать, что моё согласие с Божьей волей останется без последствий, пускай даже куда более скромных.

Мне надо признать, что Бог может осуществить задуманное им в Магадане теми средствами, которые Он пожелает выбрать. Ему не нужно, чтобы я там была. Он — Спаситель. Если Он просит меня оставаться в Комбермере для блага нашей миссии в России, крайне важно, чтобы я сказала на это своё «да».

Не стоит успокаиваться

На Страстной неделе 2002 года у Марии появились те же симптомы, что беспокоили её в 2000 году. Затем ей поставили диагноз нейтропении — это состояние, при котором в крови находится слишком мало лейкоцитов определённого типа. Она как-то продержалась до Пасхи, а во вторник на Светлой неделе они с Лизой полетели в Москву. Там они провели несколько

дней вместе с Катей. Марии внутривенно вводили большие дозы антибиотиков в американской клинике. Затем Мария в сопровождении Кати отправилась в Торонто, где тут же была госпитализирована.

Когда через две недели после того они вернулись в Комбермер, Мария выглядела куда лучше, чем я ожидала. И естественно, она была потрясена тем, что произошло.

Подобные неожиданности происходили не только с нами. В конце апреля епископа Мазура не пустили в Россию. Его визу, выданную на год, без объяснения аннулировали в московском аэропорту, когда он возвращался в Россию после визита в свою родную Польшу, так что ему осталось только вернуться назад в Варшаву.

В Магадане появился новый православный епископ, который, выступая по телевидению, рассказывал о «педофильских скандалах» в Католической церкви Америки. Он сказал, что многие священники, боясь разоблачения и суда, покинули свои диоцезы, из чего косвенно следовал вывод: возможно, и отец Майкл именно поэтому оказался в Магадане.

Мне стало больно за отца Майкла.

Господи, помоги мне отдать всё.

7 июня 2002

Через два дня Лиза отправится в Вашингтон, где ей предстоит в течение года изучать русский язык. Катя вернётся в Москву, чтобы также продолжить занятия языком, и Джин хочет, чтобы я подождала в Комбермере, пока Мария не сможет расстаться с врачами, что в лучшем случае произойдёт в начале июля.

В это время в Магадане останется одна Суши вместе с друзьями, которая также будет заниматься освоением русского. Она с нетерпением ждёт этого.

Мне не хотелось усваивать уроки этого года — не хотелось думать о том, что, даже если состояние моего здоровья будет стабильным, я уже никогда не могу быть уверенной в том, что буду в Магадане.

Наша жизнь зависит от воли Божией. Ни в чём нельзя быть уверенными. Нам не стоит успокаиваться. Именно это мне всегда было сложно принять.

12 июля 2002

Мы с Марией встретились с Джин, чтобы поговорить о возвращении в Магадан.

Суши станет новой ответственной за дом. Мы с Марией должны молиться за неё и её поддерживать.

— Не ищите результатов вашей работы, — сказала нам Джин. — Если вы отдадите жизнь Богу, люди, которым вы служите, получают от вас свет. Не бойтесь страданий, слабости и всех внешних событий, которые с вами могут случиться. В Магадане есть только одна радость — радость креста. Со смирением почитайте друг друга.

Позже я говорила с Марией о том, как трудно жить в общине, когда твои физические возможности ограничены.

— Это унижительно, — согласилась она. А затем низким голосом и почти запинаясь добавила. — И это самый драгоценный дар.

Дар Распятого. Смогу ли я его принять?

Глава двенадцатая

Всегда быть маленькой

Магадан

27 августа 2002

Дорогая Джин!
Мы во всех смыслах этого слова всё глубже и глубже погружаемся в тайну России.

Почти девять лет назад мы прибыли в Магадан безо всяких планов и не понимая, в чём тут будет заключаться наша миссия. Первые несколько лет Бог как бы обучал нас. С помощью людей мы учились любить безотчётно. Мы не колеблясь были готовы пройти лишнее поприще и прикоснулись к опьяняющей радости жить согласно Евангелию без компромиссов, хотя нас поглощали целиком и мы выходили за рамки своих физических и эмоциональных возможностей.

Когда ты навестила нас в декабре 1996 года, ты увидела, что мы истощились, оказывая материальную помощь, и решила, что Бог ждёт от нас чего-то иного. Ты сказала, что такую помощь могут оказывать многие люди, но не каждый способен стать жертвоприношением.

Инстинкт западных людей учит нас всегда сперва выявить потребности, а потом уже на них отвечать. Но Россия не благоприятствует созидателям. Столетие за столетием на неё накатывала очередная волна разрушения и всё смывала. Поколение за поколением жили тайной креста.

Бог даровал нашей маленькой миссии драгоценную возможность участвовать в этой тайне. Он сделал нас маленькими и бедными, чтобы нас можно было использовать. Он ценит наше стремление отдавать себя на самом глубоком уровне и даёт нам возможность участвовать в искупительных страданиях, к которым, по-видимому, призвана Россия.

Один из самых великих уроков русской духовности — это смирение. Без смирения мы не можем служить Богу. Быть может, нам, католикам, которые не знали тех испытаний, что за последнее столетие выпали на долю Русской православной церкви, нужно очищение сердец — и даже через такие события, как недавнее изгнание епископа Мазура из России.

Похоже, отцу Майклу позволят остаться в Магадане. Россия не только земля страданий, но и земля чудес!

Люди так обрадовались нашему возвращению, мы почувствовали, что они только хотят одного, чтобы мы остались с ними. Им совсем неважно, что мы делаем. Но сама задача *присутствовать* делает нас зависимыми от Бога.

Суши молилась о том, чтобы найти людей, которые помогут нам готовить, стирать и убираться — друзей, которые смогут вписаться в нашу жизнь. Ещё недавно меня ужасала мысль о том, что мы будем пользоваться чьими-то платными услугами. Но теперь я понимаю наши задачи глубже — нам в первую очередь важно *быть здесь*. Важно не то, что *мы* делаем, но что делает Бог, и мы видим, что Он действует и в таких ситуациях, которые на первый взгляд кажутся нам нелепыми.

Первой нам начала помогать Ира, восемнадцатилетняя девушка, полная жизни и веры, член молодёжной группы Суши. Затем занятия в университете помешали ей у нас работать, и появилась Валя, русская женщина немецкого происхождения за

пятьдесят, которая нуждалась в дополнительном заработке. Она выросла в Казахстане, переехала в Магадан вместе с мужем около пяти лет назад. Мы для неё стали «своими», как говорят русские.

Однажды Валя принесла нам фотографии своей семьи, в том числе фото бабушки и тёти, которые умерли от голода (во многом искусственного, связанного со сталинским планом масштабной коллективизации) в 1931 году. В другой раз она напекла оладий и подала их к чаю после адорации. Поскольку я заботилась о своём весе, я отказалась от второй порции. Тогда Валя, довольно полная женщина, вспомнила слова своей матери: «Пока еда на столе — нужно есть!» Я подумала о её предках и положила себе ещё.

Продолжается строительство нашей церкви. Она будет прекрасной! Мы молимся о том, чтобы все работы закончились к Рождеству. Поскольку правительство всё ещё не разрешает епископу Мазуру въезд в страну, он просил нас отложить освящение и пока ограничиться простым благословением.

Хотя в нашем доме безумная ситуация, а положение церкви неустойчиво, я чувствую такой мир, как никогда раньше. Я верю в ту глубокую тайну, которую мы проживаем. Она даёт смысл и направление моей жизни. Быть здесь — бесценная привилегия, и мою благодарность за это не выразить словами.

*С любовью и молитвой,
Мириам*

19 августа 2002

Нам троим нужно поддерживать друг друга, но не пытаться друг друга менять или контролировать. Мы не можем жить в страхе за болезни друг друга и не должны чувствовать, что отвечаем за них. Вот что имела в виду Джин, призывая нас стоять вместе в нашей бедности. Это — наша «малость».

23 сентября 2002

Прошлым вечером во время розария я сказала Косте, что ему надо простить одного из прихожан. Он в ответ рассказал, что, когда ему было три года, у него на глазах мать обезглавили проводом, в то время как его отец лежал пьяный в соседней комнате. Затем Костя описал ужасы детского дома, в котором он рос, и заключил:

— Вот почему я не могу простить обидчика или молиться за него.

Это снова напомнило мне о том, что я не знаю, какой груз несут в себе люди, и не понимаю, как действуют на человека подобные переживания. Я только могу любить и молиться изо всех сил, чтобы Отец излил свою исцеляющую любовь на искорёженное и раненное сердце этого юноши.

11 ноября 2002

Здоровье Марии снова ухудшается. После квашения капусты три недели назад она начала испытывать головные боли и головокружение. Ей стало лучше, но она чуть не упала в часовне вечером в воскресенье и продолжает чувствовать головокружение и общую слабость. Она связалась с Комбермером и с внимательным московским доктором, который лечил её в прошлом году. За всем этим стоят мучительные воспоминания о двух серьёзных ухудшениях самочувствия в прошлом.

Мы не могли поверить в то, что это повторится в третий раз.

В эти перегруженные и мучительные недели я удивлялась тому, как Суши, шаг за шагом, удаётся справляться с ситуацией. Хотя она чувствовала себя беспомощной перед страданиями Марии и не понимала ясно, что нужно делать, она не показывала никаких признаков тревоги.

Однажды, когда мы собрались в часовне вокруг Марии, Суши начала молиться за неё — и от неё исходила такая власть,

что это удивило даже её самоё. Затем, во время спонтанных прошений, она внезапно остановилась и сказала:

— Это слишком слабо — давайте найдём *настоящую* молитву!

Мы все засмеялись, но после этого стали произносить молитву о заступничестве каждый день. Мы молились об исцелении и умиротворении Марии и мазали её маслом с могилы блаженной Ксении. Несмотря на наши тревоги, среди нас троих царило такое единство и доверие, которого не было раньше.

Мария была в слишком плохом физическом и душевном состоянии, чтобы путешествовать самостоятельно. Суши позвонила Кате в Москву, чтобы известить её о том, что у нас происходит. Катя сразу же, хотя мы её не просили, выразила готовность прилететь в Магадан, чтобы сопроводить Марию в Москву для лечения в Американской клинике. Она приехала на следующий день и включилась в нашу жизнь с тактом и самоотдачей, привнеся сюда своё особое качество — лёгкость.

Следующим вечером, когда мы закончили молебный канон ко Пресвятой Богородице, Мария попросила нас остаться в часовне, сказав:

— Я хочу с вами кое-чем поделиться.

И она рассказала, что, когда сегодня гуляла в одиночестве, она почувствовала, как Божья благодать пробивается сквозь охвативший её мрак. Она услышала в сердце слова: *«Если Я не пойду, Святой Дух не придёт к вам»*. И затем она сказала, что ответственность за «Дом Мадонны» должна взять на себя Суши. Мария благословила Суши, добавив, что, если она и вернётся сюда, то ненадолго.

Это был необычайно сильный и яркий момент нашей жизни. Я отчётливо понимала, что тут действует благодать и что Мария прислушивается к тому, что говорит Святой Дух, и отвечает Ему целиком и полностью. Я видела в этом плод её верности и обетование Божье всем нам.

Хотя в моей жизни было немало ярких моментов, я никогда не видела подобного — чтобы мрак так быстро превратился в свет, как это произошло в пронзённом сердце Марии. Духовная сила превозмогла слабость её тела и превратила то, что секунду назад казалось великой трагедией, в новое понимание, ясность и сияние надежды.

Мы все были поражены. Мы и сами изменились. Как будто Мария превратила тот луч света, что Бог направил в её сердце, в поток благодати для всех нас.

Так завершился ещё один этап нашей магаданской миссии и начался другой. Никто из нас не думал, что это произойдёт таким образом. Я никогда не думала, что из трёх нас, основательниц, Мария будет взята, а я останусь. Я даже говорила Богу, что готова пожертвовать пребыванием в Магадане ради Марии. Но Он не просил меня о такой жертве.

25 ноября 2002

После отъезда Марии в течение недели в нашей жизни царил ужасающая пустота, но в понедельник вечером она позвонила нам по телефону. Теперь мы с Суши стараемся быть перед Богом, не приходя в смятение при каждом очередном телефонном звонке.

Мы не можем думать о будущем. Джин написала, что ей некого послать в Магадан. Нам надо прожить день за днём в доверии к Богу. Мы не должны смотреть друг на друга, мы вместе должны предстоять перед Богом.

Джин написала мне:

Если вы с Суши получаете благодать, тому причиной крест Марии. Она была громоотводом магаданской миссии. Если она покинет Россию, кому-то другому придётся взять эту роль на себя. Кто готов к такому страданию? Мы смотрим на всё с человеческой точки зрения, но небеса предлагают нам новые глаза, новые уши и новое сердце.

В её словах я услышала вызов. Я вдруг вспомнила, как Эдит Штайн задавала себе вопрос: «Кто принесёт жертву за нацистов? Я!» Она погибла в газовой камере в день прибытия в Освенцим.

Я написала Джин, что, хотя и не обладаю дарами Марии, я принесла себя в жертву за русскую миссию. Даже самые маленькие из нас могут принести жизнь в жертву.

Этот обмен письмами потряс меня до глубины.

2 декабря 2002

После утренней воскресной мессы и чая Бронислава с Ольгой — обе они еле ходят — собирались пойти на собрание бывших заключённых лагерей в библиотеке. Здоровый человек может до неё от нашей квартиры за пять минут, но если ты с трудом передвигаешься, нужно больше времени.

Решив, что я устала, Суши предложила взять такси — ой, только не это! Она напомнила мне, что когда я перенапрягаюсь, это потом отражается на жизни всего нашего дома.

Это особенно мучительная для меня ситуация: мне нужно оценить свои силы и превозмочь страхи — либо пожертвовать своей независимостью ради общего блага.

Я решила пойти пешком. Так прекрасно слушать Бога во время движений — этой роскошью мне приходится наслаждаться не слишком часто.

На фоне волнения, вызванного этим инцидентом, мне пришла в голову мысль: *принять унижение*. Мне представился униженный Христос, Который, «будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба... и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Фил. 2:6-8).

*Бронислава, Ольга и Мириам
по дороге в храм.*

Это предвкушение союза более драгоценного, чем независимость, более драгоценного, чем всё, что есть в мире. Я шла на встречу бывших узников ГУЛАГа. Это полное соответствие!

Церковь Рождества Христова

Поскольку российское правительство решительно отказывало епископу Мазуру в визе, отец Майкл попросил архиепископа Фрэнсиса Харли, недавно ушедшего на покой с кафедры в Анкоридже, благословить новую церковь, когда она должна была открыться перед Рождеством.

Мы с Суши ужасались перспективе остаться без подкрепления на праздничные дни. Празднование открытия, визит архиепископа, которого мы прекрасно знали, и друзья, которые собираются приехать на это событие из других частей России, — всё это было слишком много для нас двоих. Но вопреки нашим волнениям, нас в эти дни несла благодать. Для нас обеих это был один из самых радостных рождественских праздников за всю жизнь.

Торжественное переселение в новую церковь состоялось в воскресенье перед Рождеством. Этому предшествовала неделя праздничных богослужений, концерт муниципального хора, встреча с бывшими узниками лагерей в церкви и собрание, на котором выражали благодарность всем участникам строительства. Это были дни радости!

Меня поразила красота новой церкви. Её ширина и высота создавали ощущение большого пространства. Два ряда окон, окружавших алтарь и почти доходивших до потолка, и круглые окна над балконом освещали храм. Всё внутри, включая алтарь, было отделано белым мрамором и сияло. Над позолоченной дарохранительницей возвышалась большая икона Рождества Христова, её тёплые тона красного, зелёного, оранжевого и золотого излучали радость о рождении Спасителя. А ещё выше, почти на самом потолке, висела огромная копия распятия из Сан-Дамиано, связанного с именем святого Франциска.

Радость и красота — этих вещей было так мало в жизни обитателей Магадана — какой ещё дар Церковь может подарить своим детям?

Храм Рождества Христова в Магадане.

Люди не жалели о том, что лишились домашней обстановки прежней часовенки. На этой земле, так тесно связанной с православной традицией, настоящий храм для католиков был знаком их законности. Они гордились его красотой. Изумленная Полина воскликнула:

— Я хотела бы тут жить всё время!

Письмо к Джин Фокс от отца Майкла

20 февраля 2003

Дорогая Джин!

Я хочу рассказать тебе, что для меня значит призвание «Дома Мадонны» поддерживать священников и заботиться о них.

От всего сердца я благодарю Бога за моих сестёр. За Марию, которая далеко от нас; я делюсь с ней моей болью по электронной почте, и она упорядочивает мои хаотичные чувства. За Мириам, которая через свои страдания обрела новую глубину понимания, новую мудрость и сострадание, которые меня просто поражают. За Суши, за её гостеприимство и её удивительное сердце, которое она заново открыла в Магадане и отдаёт людям ещё больше.

Ольга, Суши и Мириам в день открытия храма Рождества Христова в Магадане.

Присутствие «Дома Мадонны» в моей жизни — это бесценный дар, и я благодарю Бога за силу молитвы всех священников и друзей из Комбермера. Я знаю всем своим сердцем, что без этих молитв оказался бы духовно мёртвым. Когда я сижу за столом в магаданском «Доме Мадонны» и пью чай с этими женщинами, сокрытыми в сердце Иисуса и любящими священников, я нахожу великое утешение. Вместе с ними я нахожу тот мир, что превышает всякого понимания, и обретаю новые силы для сражения за души — в первую очередь, за мою собственную.

Кто может пожелать висеть на кресте? И кто может себе представить, на что похоже воскресение? Лишь тот, кто держится за Его обетование и продолжает кричать из могилы: «Я верю, что Ты в силах это совершить во мне», кто не пытается вылезти из могилы своей собственной силой, чтобы получить всего лишь несколько мгновений прежней жизни, но кто вместо того продолжает верить и молиться о том, чтобы благодать помогла ему ожидать совершенно новой жизни, которую только Бог может сотворить в глубине его души.

Он говорит: «Зачем вам реанимация, когда вы можете получить воскресение?!» Реанимация — это возвращение к той жизни, какой она была прежде; воскресение — совершенно новая и неведомая жизнь. Цена — смерть, награда — горняя жизнь во Христе Иисусе.

Как Бог совершает свои великие дела в жизни человека, который чувствует себя ненужным ковриком для ног, остаётся тайной. Но Он есть жизнь, даже если мы не понимаем, как Он даёт жизнь. Он есть надежда, даже когда нам кажется, что мы сбились с пути. Он есть любовь, даже когда нам кажется, что вокруг слишком много войны.

Я — священник, и в «Доме Мадонны» у меня есть заступницы, которые почитают то, что Бог навсегда освятил. Конечно, сатана может дразнить меня своей мерзкой полуправдой, но мои сёстры напоминают мне об Истине и о том, что Истина уже одержала победу.

Джин, я хочу, чтобы ты знала: на северо-востоке России в тесной квартире священник почтительно склоняется перед двумя женщинами и их призыванием и благодарит Бога за всё то, что Он совершает через них. Они сами страдают, когда стремятся любить друг друга сверхъестественным образом как сёстры в Господе. В своей слабости они действительно стали сильными во Христе. Их свидетельство — благодать, их свидетельство — это сам Христос.

Отец Майкл Сердца Иисусова

5 марта 2003, Пепельная среда

Вчера мы снова сцепились с Суши. Предмет нашего спора был ничтожным, и сегодня я чувствую вкус пепла моей самоуверенности. Я похожа на старшего брата блудного сына. Как я оказалась в таком положении? Что случилось с моим сердцем?

Великий пост — это время покаяния в *моих* грехах, а не поиска грехов других. Это время покаяния, а не проповеди покаяния. Мне нужно воздержание не только от пищи, но и от критики.

Комбермер

25 марта 2003, Благовещение

В этом году мне труднее привыкнуть к жизни в Комбермере. Мою тревогу усугубляют усталость и то, что у меня нет определённой роли и мне не с кем поговорить.

Что с этим делать? Укорениться в пустыне моего сердца, быть жертвой, занять последнее место, быть у подножия креста, в Царстве Заповедей блаженств.

5 мая 2003

Я всё время стремлюсь найти такое положение, которое избавило бы меня от внутренней боли. Но ведь дело не в устранении боли, а в искупительном страдании! Это две совершенно разные вещи.

Глубоко внутри я продолжаю доверять Богу, но на поверхности всё кипит и бушует. Мне явно не нравится быть малой, а моё прежнее «я» сильнее сопротивляется смерти, чем мне бы того хотелось. После пяти лет жизни с рассеянным склерозом я остаюсь где-то у самого начала.

Ответ понятен, но от него все стремятся убежать: надо стоять в боли и дать ей место, не погружаясь в неё с головой, но и не пытаясь от неё убежать. Как же это трудно! Мы всегда хотим страдать «правильно».

Мне кажется, суть дела в том, чтобы не сопротивляться. Победа состоит в том, чтобы не позволять боли меня разделять на части или изолировать от других, но принимать её со смирением и приносить Богу в жертву, стремясь к тому, чтобы она строила единство. Это возможно только через молитву и соединение с искупительной жертвой Иисуса.

Господи, помоги мне оставаться с Тобой! Я всё время инстинктивно пытаюсь всё делать сама. А вопрос не в том, как делать, но в том, чтобы жить в Тебе.

7 мая 2003

Главой нашего диоцеза стал епископ Кирилл Климович, сменивший епископа Ежи Мазура. После одного года неопределённости, назначение Климовича вызывает вздох облегчения. Можно надеяться, что епископу Кириллу, гражданину Белоруссии, российские власти не откажут в визе.

Пока нас нет, в нашей магаданской квартире живёт моя крестница Галя с матерью и сыном. Они делают ремонт в своей квартире и спросили, нельзя ли им пожить у нас до возвращения Суши после встречи ответственных. Поскольку я вернусь в Магадан раньше Суши, я буду какое-то время жить вместе с ними.

Магадан

Я прилетела в Магадан 10 июня, и в аэропорту меня встретил наш приходской водитель Игорь. Мы подъехали к дому. На улице нас встречала Галя.

— Куда отнести ваши вещи? — спросил Игорь.

Я не успела произнести: «В квартиру, посвящённую святой Терезе», — как Галя опередила меня, сказав: «В девятнадцатую».

Ей казалось логичным разместиться в квартире святой Терезы, освободив главное помещение для меня и наших гостей. Они уже перевезли туда свои вещи и кошку. И хотя такое решение казалось разумным, я поняла, как сильно мне хочется вернуться именно в свою комнату и как на самом деле велика моя привязанность к вещам.

Я была рада, что сразу на это согласилась и в конечном итоге была благодарна за возможность пожить рядом с русской семьёй. Мама Гали сказала, что она будет на всех готовить, хотя при этом она работала ночным сторожем в школе. У каждого из нас была своя жизнь, и каждый ел, когда ему было удобно. Нередко мы ужинали вместе с Галей. За эти несколько недель мы стали настоящими друзьями.

В конце июня эта семья вернулась в свою отремонтированную квартиру, а Галя помогла мне подготовиться к приезду

Суши. Студентка Ира, которая помогала нам по дому в прошлом году, могла помогать нам и в этом.

В течение двух последних лет группа девушек-подростков из нашего прихода регулярно собиралась у нас с Суши для молитвы и бесед. В августе Суши отправилась вместе с некоторыми из них в трёхнедельное паломничество в Меджугорье, и она попросила Иру во время её отсутствия побелить потолок на кухне.

Я ничего не понимала в побелке, но хорошо знала, что в Магадане любое дело осуществить сложнее, чем ты думаешь. Как я и боялась, вместо трёх запланированных дней на это ушло десять дней работы без передышки.

Нужно было отскрести с потолка старую штукатурку — и открылись щели, которые нужно было заделать. Галя, которая должна была помогать Ире только советами, потратила неделю на то, чтобы помочь ей очистить потолок и заделать дыры. К счастью, к нам случайно зашёл Илья, молодой человек из прихода, который предложил свою помощь. Я не могла чистить потолок и белить, но я готовила еду для молодых тружеников, используя другую квартиру, поскольку кухня была недоступна. Я мыла посуду в ванной, стирала и гладила, поливала растения во всех трёх квартирах и как могла поддерживала порядок. Чтобы Ира могла заниматься только потолком, я взяла на себя все дела, которые должна была выполнять она, чтобы мне помочь.

Вечером накануне приезда Суши Илья с Ирой закончили побелку и приступили к уборке, на которую ушло два часа. Они хотели порадовать Суши — и им это удалось.

В начале сентября вернулась Лиза. Мы с Суши поразились тому, как сильно она продвинулась в знании русского. Катя, находившаяся в тот момент в Комбермере, должна была присоединиться к нам после Нового года.

Десять лет в Магадане

14 сентября 2003. Крестовоздвижение

Хотя я пыталась это скрыть, во время празднования десятилетия нашей миссии в Магадане я ощущала мучительную пустоту. Не было ни одного из тех людей, с кем можно было бы поделиться воспоминаниями о первых годах. С нами не было ни

Марии, ни Альмы, а телефонный разговор с ними — Альма еле говорила из-за рыданий — лишь увеличил ощущение одиночества.

Не было и отца Майкла — ему пришлось уехать, чтобы возобновить визу. Он предлагал нам отложить торжество до момента его возвращения. Но поскольку важной частью нашего призвания было искупление зла лагерей, мы решили не отделять это событие от праздника Воздвижения Креста.

Воскресная месса давала возможность отпраздновать наш юбилей вместе с прихожанами, но туда пришло на удивление мало народу. Там не оказалось почти никого из наших самых близких друзей. Многие уже разъехались, иные не вернулись с летних каникул, или у них были другие дела.

Я переживала все эти вещи острее, чем другие. Хотя в целом праздник был полон радости и мы видели, что люди действительно ценят «Дом Мадонны». Отец Дэвид просто и сердечно выразил благодарность за нашу жизнь, наши молитвы, за поддержку священников и прихода. После мессы состоялся приём, где царил любовь.

Днём к нам пришли старые и новые друзья, не только члены прихода, в том числе некоторые наши соседи. Меня порадовало то, что среди них было много молодых. Они рассматривали фотографии, размещённые на десяти листах, — я вложила в это много сил, — где каждый лист был посвящён определённому году. Потом мы сели за стол. Суши пришло в голову показывать в спальне пятнадцатиминутный фильм о «Доме Мадонны» в Магадане* — это оказалось удачной идеей. Мы трое хорошо работали единой командой.

Галя со своими двумя друзьями оказалась в углу, и они долго между собой говорили. Затем она объяснила: «Нам казалось, что мы у себя дома». И тут

* «Молчание пустыни». Когда в 2002 году на открытие церкви к нам приехала группа Католического телевидения Новосибирска, мы попросили их снять фильм и о «Доме Мадонны».

я невольно вспомнила 1993 год, когда Мария сказала нашим гостям: «Это дом Богородицы, а значит, это также и ваш дом».

Да будет так, Мириам. Оставайся в своей боли и знай, что Я тут действую.

Комбермер

20 марта 2003

Только что мы вместе с Джин Фокс вернулись с просмотра фильма Мела Гибсона «Страсти Христовы». Она сидела за рулём, и мы разговаривали все полтора часа по дороге в Пембрук. Она сказала: — Я понимаю всё, что ты говоришь. Но в данный исторический момент изменить мир может только одно — когда люди устоят в страданиях и принесут их в жертву.

Вывод был ясен. Наша ситуация в Магадане — это крест, предложенный мне Богом. И от того, приму ли я эти страдания, зависит гораздо больше, чем я осмеливаюсь думать. Таково наследие, переданное нам Екатериной. Оно совершенно чуждо западной ментальности. Мы как община должны нести свой крест. Я сказала «да». Затем мы посмотрели этот фильм. После него всё уже как будто было сказано.

6 апреля 2003

Нынче утром Джин Фокс умерла. Два дня назад, когда она одевалась, чтобы пойти на службу Вербного воскресенья, у неё случился инсульт, после которого она так и не приходила в сознание.

За два дня до этого, в пятницу, мы с Лизой провели около часа с Джин, обсуждая вопрос об участии Лизы в изданиях на русском. Джин выглядела утомлённой, но она была, как обычно, полна доброты, и наша беседа оказалась очень ценной. Как же я спорила с Суши, которая настаивала, что я должна побыть в Комбермере в это время года!

По милости Бога я оказалась тут.
Мне трудно выразить словами большее.

17 апреля 2003, суббота Светлой недели

Впервые после смерти Екатерины я оказалась в Комбермере на похоронах. Плакать вместе со своей семьёй — это само по себе утешение и благодать.

Для каждой из наших сестёр, а также для многих братьев и священников Джин была человеком, который знает тебя до глубин, находит в твоём сердце добро и помогает тебе открыть присутствие Бога в твоей жизни.

Когда я сегодня раскрыла Писание, боль накалила на меня с новой силой, и я не могла читать.

Мне будет лучше, когда я вернусь в Магадан и приступлю к своим делам. Джин как бы поручила мне миссию несения креста. Но без неё у моего одиночества появится новое измерение.

Магадан

Кровь мучеников – семя Церкви

В конце июня мы образовали четвёрку: Суши, Катя, Лиза и я. И нам сразу пришлось приступить к подготовке мероприятий, связанных с освящением новой церкви.

Это событие особенно значимо тем, что оно происходит в городе, который своим существованием неразрывно связан с ГУЛАГом. Освящение часовни Мучеников вечером накануне освящения церкви напоминало о том, что наш приход стоит на страданиях и вере узников трудовых лагерей Колымы.

Молитва началась в главной части церкви, куда пришло сорок-пятьдесят бывших заключённых лагерей. Вместе с нашим епископом Кириллом Климовичем служили новый архиепископ Анкориджа, новосибирский епископ Йозеф Верт, глава католиков Западной Сибири, и епископ Клеменс Пикель, чей диоцез находится на юге европейской части России.

Во время службы епископ Верт рассказывал о том, как в 1991 году посетил лагерь на урановых родниках в Бутугычаге, на северо-западе от Магадана.

— Я смотрел на лагерь из крохотных окошечек бараков и пытался себе представить, о чём мог тут размышлять заключённый священник и как он молился. Он должен был помнить слова Тертуллиана: «Кровь мучеников — семя Церкви». Он должен был молиться в надежде на то, что настанет время возрождения Церкви, когда верующие смогут свободно и открыто жить своей верой.

На последних словах его голос дрогнул.

Епископ Верт родился в семье поволжских немцев, потомков иммигрантов, приехавших в Россию из Германии во второй половине восемнадцатого века по приглашению Екатерины Великой, чтобы создавать сельскохозяйственные поселения. Во время Второй мировой войны Сталин переселил всех немцев в Сибирь и Среднюю Азию. Взяв только то, что они могли унести в руках, бабушка и дедушка епископа и их семья в вагоне для перевозки скота отправились в Казахстан. Зимой их высадили в голой степи, где они сами должны были заботиться о своём выживании. Они вырыли себе землянки, чтобы укрыться от холода, питались съедобными корнями растений и выпрашивали еду у местных жителей. Переселенцы умирали сотнями. Дедушку епископа сослали на Колыму. Так что эта история была запечатлена в его сердце.

Затем с лампадами и маленькими металлическими крестами все отправились в часовню Мучеников. Эта небольшая квадратная часовня с высоким потолком и глубокими окнами была украшена двумя большими иконами работы того же московского иконописца, который написал иконы для основной церкви. На первой иконе были изображены российские мученики двадцатого века. Она была необычна тем, что на ней были изображены и католические, и православные клирики: первых можно было узнать по митрам, вторых — по клобукам. Вторая икона, написанная в том же стиле, называлась «Мученики Колымы». Изображённые на ней исповедники веры, имена которых были выгравированы на золотых нимбах, окружали Богородицу. За ними стояли ряды безымянных мучеников.

«Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение Твое славим», — пели люди, образовавшие бесконечную шеренгу, многие из которых двигались с трудом и опирались на трости. Они возлагали кресты на алтарь и зажигали свечи в па-

мять о друзьях и близких, погибших в лагерях. Затем эти кресты должны были прикрепить к гранитным плитам на нижней части стен часовни.

На следующий день состоялось освящение церкви. День был солнечным и тёплым — по крайней мере, для Магадана. Церковь заполнили прихожане, гости, друзья, незнакомые люди и многие бывшие узники лагерей, которые присутствовали на вчерашней службе. И снова службу возглавлял епископ Кирилл.

Наш новый епископ был невысоким коренастым человеком с рыжеватыми волосами, голубыми глазами и редкостной улыбкой, которая озаряла и преображала его лицо. Он родился в Казахстане в семье ссыльных поляков. Когда он ещё был ребёнком, его родители переехали в Белоруссию. Затем его рукоположили в Польше, и он служил в одном белорусском приходе, а затем стал викарным епископом Минска. В прошлом году, когда стало ясно, что епископу Мазуру не разрешат вернуться на кафедру, епископа Кирилла сделали главой нашего диоцеза. Это был его первый визит в Магадан.

Нас поразила сила его речи, когда он начал свою проповедь. Он не пользовался ни микрофоном, ни записями, и звонким голосом говорил о той вере, что поддерживала христиан в лагерях: та же вера, сказал он, поддерживает и ведёт нас сегодня, она позволяет нам без страха смотреть в будущее, которое нам неизвестно. Христос, который страдал вместе с узниками в лагерях, живёт и с нами, наполняя нас надеждой и стойкостью.

Епископ упомянул об одной важной теме, о которой не говорилось накануне: о необходимости прощать. Он призвал бывших узников лагерей простить своих палачей. Жёны алкоголиков, сказал он, должны простить своих мужей, дети и молодые люди — своих родителей, и все мы без исключения должны стремиться к примирению с теми, кто нас обидел или причинил нам боль. Он говорил с силой и недвусмысленно, собравшиеся его внимательно слушали.

В моей памяти сохранилось три ярких картины этого дня: епископ Кирилл, закатав рукава своей рясы до локтей, усердно помазует елеем всю поверхность мраморного алтаря; четыре епископа в облачениях взбираются на стулья, чтобы помазать двенадцать

*Архиепископ Роджер Швайц из Анкориджа (Аляска, США),
епископы Кирилл Климович, Иосиф Верт, Клеменс Пиккель
с членами «Дома Мадонны»*

крестов, вделанных в стену в память о двенадцати апостолах; и наконец, две наши прихожанки стирают масло с алтаря и готовят стол для пира Агнца, двигаясь согласованно и благоговейно.

На наших глазах бетон и сталь, мрамор, камень и дерево Духом Святым преобразились в дом Божий.

После банкета в приходском доме мы четверо препроводили троих русских епископов и одного американского архиепископа в «Дом Мадонны» на чай. Мы ожидали этой встречи: она давала нам уникальную возможность познакомиться епископов с нашей миссией. Но оказалось, все они слишком устали и были перегружены впечатлениями этого дня, так что уже не могли воспринимать наши слова. Они были потрясены особенностью Магадана

Отказавшись от своих планов, мы заговорили о том, что их действительно интересовало, — не о нашей миссии, но о Колыме. Мы показывали им собранные нами статьи о ГУЛАГе и карты, на которых были отмечены лагеря.

В нашей библиотеке хранилось немало мемуаров о лагерях и тюрьмах. Особенно удивительной была книга, которую я только что привезла из Москвы: большой альбом с рисунками

и текстами Евфросинии Керсновской, которая ярко изобразила восемнадцать лет своей жизни в ссылке, тюрьме и трудовом лагере за Полярным кругом. Епископ Верт, на территории диоцеза которого происходила большая часть описанного, воскликнул: «Каждому епископу в Сибири нужно дать эту книгу!» Любой русский тотчас же подарил бы ему свой экземпляр, но я этого не сделала.

Суши дала книгу посмотреть епископу Кириллу, который не мог оторваться от неё до двух часов ночи.

Я попросила Раю и Володю купить в Москве ещё один экземпляр этой книги для епископа Верта.

Расставаясь с нами, епископ Кирилл сказал слова, которые мы никогда не забудем:

— Ваша молитва тут очень важна. Как и ваше присутствие. Исполняйте волю Божью. Важна только Его воля, а не то, что думают люди!

Дыхание Духа

В сентябре мы с Суши отправились на озеро Байкал на ретрит для монахинь и посвящённых мирянок нашего диоцеза, который проводил отец Майкл. После возвращения в Магадан я написала об этом Сьюзен Стаббс, ставшей настоятельницей вместо покойной Джин:

Помнишь ли ты песню: «По всей этой земле Дух дышит...»? После ретрита для монахинь и посвящённых мирянок диоцеза я думаю этими словами о нашей миссии в России.

Ретрит проводил отец Майкл. Он говорил о том, что все мы призваны войти в тесный союз с Богом, и описывал препятствия, стоящие на этом пути, и меры их преодоления. В его словах звучал призыв к обращению, и я снова захотела подчинить свою жизнь распятому Христу на более глубоком уровне.

Десять монахинь, которые участвовали в ретрите вместе со мной и Суши, перегружены работой, и они спешили использовать эту передышку, чтобы

проводить долгое время в поклонении Святым дарам, совместной молитве и личном размышлении. В последний вечер, когда мы сидели и разговаривали, одна из монахинь спросила о только что о. Майклом упомянутой «пустыне». И тут же мы с Суши оказались в центре внимания. Некоторые сёстры уже прочли «Пустыню» в русском или польском переводах, а одна из них совершает «пустыню» раз в месяц. Похоже, все они жаждут прикоснуться к Богу таким образом.

За неделю до этого проходил ретрит для священников, и там пастыри двух самых крупных приходов диоцезии сказали отцу Майклу: «У „Дома Мадонны“ есть духовность для мирян». Отец Антоний Бадура, глава кларетинцев в Красноярске, добавил: «Нам *нужен* „Дом Мадонны“!»

Когда отец Майкл рассказал мне об этом, моё сердце возликовало. Я услышала в этом призыв служить церкви нашего диоцеза, в частности — делиться с людьми духовностью «Дома Мадонны». Мы с Катей могли бы Великим постом или после Пасхи путешествовать по приходам и рассказывать группам мирян о духовности Екатерины. Книги, уже переведённые на русский, могут стать основой такой работы.

Сюзен, наш дом пережил столько страданий! Мария, Альма и Труды дорого заплатили за участие в нашей миссии. Теперь мне кажется, что последние пять лет были периодом подготовки, а ныне Бог открывает новые возможности перед «Домом Мадонны» в России.

11 октября 2004

Вчера Суши отправилась в Комбермер. Ответственной за дом была назначена Катя. Я знаю, что Бог даст ей всё нужное для этого.

Она станет четвёртым ответственным за последние четыре года. Нелегко подчиняться сестре, которая намного тебя моложе по возрасту и не

столь опытна в нашем деле, но я благодарю Бога за то доверие и любовь, которые возникли между нами за этот год. Я благодарю за её чуткость и желание служить. Я не всегда с ней соглашаюсь, но я призвана молиться, поддерживать и слушаться. В очередной раз Святой Дух зовёт меня стать малой.

После нашего вчерашнего разговора я почувствовала, что с моих плеч снимают бремя последних лет.

Когда вечером я молилась перед Святыми дарами, в моём сердце царила удивительная тишина.

23 октября 2004

Я показала Кате моё письмо к Сьюзен с отчётом о нашей поездке на Байкал. Вчера вечером мы обсуждали возможность отправиться в Красноярск и, быть может, в Иркутск с рассказом о «Доме Мадонны».

Катя выразила сомнение в том, что способна говорить на русском перед аудиторией, но добавила:

— Если ты готова взять это на себя, я буду рада оказывать тебе поддержку. Думаю, я могу у тебя многому научиться.

Мне хотелось плакать.

Мы должны обсудить наши планы с Лизой, а затем поговорить со Сьюзен. Если она даст согласие, я напишу отцу Антонию Бадуре. Поскольку через несколько недель я должна, как обычно, на два месяца уехать в Комбермер, до моего возвращения ничего особенного происходить не будет. Мы будем двигаться не спеша, шаг за шагом, пытаюсь понять замысел Божий.

1 ноября 2004, День Всех святых

Я привыкла сражаться со своей тревогой в сложных ситуациях, когда не могу определить свою роль. Но на прошлой неделе Бог позволил мне выйти за эти рамки и ясно показал, чего Он желает. Поскольку

Катя с Лизой справляются с делами нашего дома и миссии, я способна жить со своими ограничениями и служить другим как могу, не отрывая взора от Христа — живя для Него, в Нем и через Него. Это потрясающая свобода! Кто перед нею устоит?

Господи, помоги мне не терять это из виду. Духовная жизнь состоит не в «гармоничном использовании способностей», но в том, чтобы мои умственные конструкции рассыпались и я могла найти реальность существования в Тебе, источнике жизни.

Я стала понимать, что времена великой боли рождают великие благословения. Нет, не стоит отбрасывать чувства. Они ведут к духовной реальности: к покаянию, доверию, самоотвержению, свободе и радости.

9 ноября 2004

Бог дал мне силы справляться с трудностями тогда, когда мы тут были только вдвоём с Суши, но теперь рассеянный склероз снова начал властно напоминать о себе. Во время ретрита на Байкале я снова под действием Святого Духа решила принести себя в жертву и теснее соединиться с распятым Христом. Я знала, что это исходит от Господа, потому что я бы сама этого не придумала. Я сделала это из послушания и веры, зная, сколь глубока эта бездна, но Он будет мне верен.

В этом состоял фон моей жизни с Катей и Лизой на протяжении последнего месяца.

Я, вероятно, вернусь в Магадан после Комбермера, но интуиция говорит мне, что не пробуду в России слишком долго. Удивительно, что это уже меня не расстраивает. Важны только призыв Бога, моё доверие к Нему и Его обетование.

«Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11:29-30).

«Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28:20).

Глава тринадцатая

Не бойся

Магадан

7 февраля 2005, понедельник перед Пепельной средой

Вчера после мессы мы с Катей остались в церкви, чтобы собрать книжечки песнопений. Мы около часа проговорили о том, как справляться с домом, пока Лиза будет в Комбермере.

Катино понимание моего состояния здоровья глубоко трогало меня. Пришлось признаться, что чувствую себя хуже, чем в ноябре.

Больше не могу! Я превышаю пределы своей утомляемости и дохожу до края, который всегда оказывается ближе, чем мне бы хотелось. Работаю столько, что начинаю двигаться с трудом, до истощения не только мышц, но и нервной системы, так что мне кажется, что от меня уже ничего не остаётся.

Мне не хотелось говорить: «Не могу». Часто я получала благодать, позволявшую жить за пределами моих возможностей. На протяжении нескольких последних лет нам всегда не хватало рабочих рук, так что у нас просто не было выбора. Когда мы с Суши остались вдвоём, я выработала привычку «копить силы для большого рывка» (слова Джин) и пыталась делать всё, что требовалось. Я стремилась отдать всё без остатка. И возможно, не было бы преувеличением сказать, что иначе наш дом просто бы не выжил.

Чего Бог хочет от меня теперь?

21 февраля 2005

Отец Майкл попросил нашу подругу Люду записывать рассказы тех бывших узников лагерей, что ещё остались в Магадане. Меня порадовало то, что она захотела обсудить это со мной. Однако Кате казалось, что нам не стоит участвовать в приходских делах. «Сегодня я зайду в церковь и поговорю с Людой», — сказала она.

Я кивнула, подавив свой протест. Мне так хотелось работать с кем-нибудь из внешнего мира, и мне редко выпадала возможность побыть с Людой, хотя мы все её любим. Но я не вправе использовать других, чтобы удовлетворять свою жажду деятельности — это очевидно.

Этот случай — предупреждение.

Жить в истине означает понимать и принимать усиление моего рассеянного склероза и приносить его как жертву.

Думаю, приближается время, когда мне придётся покинуть Магадан.

Письмо к Марии Яворе в Комбермер

23 февраля 2005

Дорогая Мария, когда я писала прошлое письмо, я ещё не была готова принять то, что, похоже, говорит мне Бог. Тем не менее Он действовал стремительнее, чем я бы могла ожидать. В тот самый день мы говорили с Катей, и внезапно я сказала, что мне пора уехать из Магадана. К нашему взаимному удивлению, похоже, Бог внушил ту же мысль и ей.

В понедельник в «пустыне», когда я записывала мысли в дневник, я начала это осмысливать прямо на бумаге. Во-первых, как я уже писала, скоро мне придётся покинуть Магадан. Не пришлось себя заставлять с этим примириться, просто в моём сердце жило спокойное понимание того, что это так.

Затем я поняла, что это отразится на нашей миссии в Магадане. Это было что-то новое. Из троих

нынешних «магаданок» Катя и Лиза глубоко чувствуют своё призвание жить в России, но только я ощущаю особое призвание – отдать свою жизнь за Колыму. «Ощущала» тут не самое подходящее слово. Это желание в моё сердце вложил Бог.

Призвание Креста всегда казалось мне самым глубоким смыслом нашей миссии в Магадане. В нём была наша основа, оно давало нам силы быть на том месте, где идёт самая напряжённая духовная битва. Через него мы понимали самую суть призвания Екатерины, стремившейся отдать свою жизнь за Церковь и священников.

Искупительная жертва всегда будет важнейшей частью нашей миссии в России. Но поскольку рассеянный склероз сделал это моей особой «работой», что будет после моего отъезда? Чего Бог ждёт от «Дома Мадонны» в России?

На развитие нашей магаданской миссии повлияла ситуация с Католической церковью в России, особенности Магадана и нашего прихода.

Магадан – маленький город, и мы устанавливаем тут связи с людьми в первую очередь через приход, хотя и не ограничиваемся этим. Приход и наш дом росли вместе. Мы незаметно трудились, поддерживая и священников, и мирян, отказываясь принимать на себя ответственность в приходе, чтобы сохранить лицо и дух «Дома Мадонны». Отец Майкл нас понимал; у нас с ним сложилось редкостное духовное единство – это дар Божий. У нас один из немногих католических приходов в России, где трудятся исключительно миряне из русских.

После освящения новой церкви прошлым летом мы все почувствовали, что приход обрёл второе дыхание. Этот храм стал центром приходской жизни. И для подростков, которые встречались в нашем доме, будет совершенно естественным переместиться в церковь. Когда один из них поссорился со

своей девушкой, он с приятелем стал после полуночи стучаться в окно отца Майкла. Он искал утешения у своего священника!

Теперь к отцу Майклу и отцу Дэвиду присоединится третий священник из Словакии. Монахини их ордена «Дочери милосердия» всерьёз думают открыть свой дом в Магадане. У прихода было хорошее начало, а сейчас у отца Майкла есть много планов на будущий год.

Большинство из наших самых близких друзей уехали отсюда. Следует ожидать, что подобное будет продолжаться и дальше, потому что все, кто может, в конечном итоге покидают Магадан. Разумеется, им на смену придут новые прихожане, но на их духовные нужды сможет ответить приход.

Мы окружены искренней любовью. Но не закончили ли мы уже свою работу? И поскольку я верю, что назаретская жизнь сама по себе обладает глубокой запредельной ценностью, я поставила бы вопрос так: *можем ли мы дать России нечто большее, чем то, что мы можем дать здесь, в Магадане?*

Я думаю — можем.

Русские переводы книг Екатерины помогают нам делиться богатствами нашей духовности, но люди из других районов страны не могут прийти и посмотреть, как мы живём. Магадан расположен слишком далеко, стоимость проезда сюда невероятно высока, а те, кто приезжает, бывают переполнены впечатлениями от истории Колымы. Мы это поняли прошлым летом, когда увидели, что епископы, посетившие нас после освящения церкви, больше интересовались нашими материалами по ГУЛАГу, чем духовностью нашей общины.

И вот перед нами открывает дверь Красноярск. Отец Майкл, вернувшись со встречи диоцеза на прошлой неделе, сказал нам:

— Отец Антоний действительно хочет, чтобы «Дом Мадонны» открыл свою миссию.

И вот, учитывая все перечисленные мною факторы, я перехожу к заключению.

Мой отъезд может стать поворотным моментом. Конечно, нам надо действовать неспешно, но мне кажется, что Святой Дух уже указывает нам путь.

Как я говорила вначале, мне не хотелось делиться этими мыслями с другими до тех пор, пока я их сама как следует не переварю. Тем не менее, они становятся яснее, когда я их записываю.

*В великом страхе и трепете
и с большой любовью,*

Мириам

С Духом Святым

25 февраля 2005

Я поделилась с Катей теми мыслями, о которых писала к Марии, и мне показалось, что возможности, которые мы обсуждали, превратились в реальность! Если ситуация действительно такова, как мы её видим, а не плод нашего воображения, трудно представить себе иной исход.

Как сказала Катя, Магадан — это чёрный ход России. Но никто не останется у входа навсегда.

28 февраля 2005

Происходит что-то невероятное. Внезапно случилось так, как будто мы уже закрыли свой дом в Магадане и открыли новый в Красноярске — не советуясь ни с кем!

Когда мы наконец дозвонились до отца Антония, оказалось, что он и не получал нашего письма, где мы говорили о своём желании приехать в Красноярск и рассказать людям о «Доме Мадонны». После того как мы снова послали это письмо по электронной почте, я обнаружила ещё одно: я сказала, что согласна принять его «давнишнее приглашение», не подозревая, что он приглашал «Дом Мадонны» не просто нанести визит, а открыть свою

миссию в Красноярске. Мы поспешили уточнить: мы не вправе хотя бы просто обсуждать такую возможность, пока не поговорим с нашими настоятелями!

7 марта 2005

Мы с Катей написали свои письма Сьюзен, где говорили о том, что случилось и куда, как нам кажется, нас зовёт Бог. После этого мы жили в ожидании её ответа.

И вот сегодня ответ пришёл: Сьюзен хочет, чтобы мы отправились в Красноярск и поговорили с отцом Антонием об открытии нового дома. Это подкрепляло наше убеждение в том, что эту идею внушил нам Дух Святой.

Мы позвонили отцу Антонию, и он предложил нам приехать после Пасхи, чтобы встретиться с ним и с другими кларетинцами, а также выступить перед группой мирян, которые готовятся стать катехизаторами. На каждую презентацию нам будет дано по три часа.

Я подумала: насколько это реально с точки зрения моих физических возможностей?

12 марта 2005

Это были мучительные дни. Всё больше мне кажется, что с моим отъездом наше дело в Магадане будет завершено. Как будто всё так хорошо знакомое мне внезапно услышало свой смертный приговор. Никогда раньше я с такой ясностью не замечала, что нас тут любят. Люди не подозревают, что всё это может измениться.

20 марта 2005

На прошлой неделе Магадан посетил архиепископ Харли в сопровождении двух дочерей милосердия святого Викентия де Поля. Последние надеются скоро сюда вернуться, чтобы работать в приходе.

Когда мы поделились с архиепископом нашими планами, он от всего сердца их одобрил.

Вчера вечером после ужина в приходе перед отъездом гостей я разговаривала с архиепископом Харли, пока другие мыли посуду. Он спрашивал меня о «пустыне», и, к своему ужасу, я с трудом находила нужные слова. Это был длинный день, и вот, оказалось, я не в состоянии связно рассказать о том, на чём основана вся моя жизнь. Тут к нам присоединился отец Майкл, который начал рассказывать о своем опыте «пустыни» и тем спас положение.

Меня это убило.

Это самое страшное, что можно себе представить: мой мир сужается не только в физическом, но и в интеллектуальном смысле. Однако Бог дал мне понять, что суть моей жизни не в моих интеллектуальных способностях. Он постоянно давал мне свет и благодать и открывал моё духовное зрение, чтобы я могла принять свою болезнь и её развитие. Он будет рядом со мной на каждом шагу, я не смогу двигаться без Него. Я передаю себя в Его руки — всю, без остатка.

Господи, мало Тебя, дай мне разума и сил исполнять Твою волю, когда в следующем месяце мы будем в Красноярске. Я доверяю Тебе, Иисусе. Ты ведёшь нас.

21 марта 2005. Страстной понедельник

Что же мы сделали? Как будто мы предали своих друзей, которые просят у нас лишь одного — чтобы мы побыли с ними? И разве мы сами этого же не хотим? Но Бог поручает нам другое дело. Я не могу себе представить, что мы тут останемся, независимо от того, что будет со мной.

Помоги мне идти с Тобой, Господи, на этой неделе Твоих страданий. Когда мы идём с Тобой, по Твоей воле, мы едины со всеми, кого любим и помним, и наши чувства занимают должное место. Мать Божия, помоги нам. Никто никого не предаёт! Помоги нам остаться с тобой в мире сердечном, даже когда нас наполняет боль.

Любовь и боль отличаются от сентиментальности. Последняя смотрит на себя, тогда как любовь и боль проживаются во Христе, со Христом и через Христа. Разница между сентиментальным и подлинным чувством — это Страсти Господни. Тут я проживаю то, чего хочет от меня Христос: *«не моя воля, но Твоя да будет»* (см. Лк. 22:42).

2 апреля 2005, первое воскресенье после Пасхи

Я спросила отца Майкла, как стоять перед Богом в те моменты, когда усталость обволакивает меня своим плотным туманом, изолируя меня от людей, и обращает на самую себя. Он сказал, что я начинаю понимать разницу между богословием страдания и его реальным опытом. «Не пытайся думать о Кресте, — предупредил он. — Старайся часто призывать Господа в кратких молитвах. И Он придёт к тебе».

Я сказала, что утратила стремление к Кресту, потеряла самую суть своего призвания. Он ответил: «Молись о желании желать».

Красноярск

Красноярск находится в самом центре Сибири, на полпути между Магаданом и Москвой; тут живёт около миллиона человек. По своему духу этот город сильно отличается от Магадана. Похоже, тут жизнь людей в меньшей степени сводится к отчаянной борьбе за выживание. Мы встречались с прихожанами двух католических храмов, и нам показалось, что тут больше свободы выбирать свой путь, свою профессию и реализовывать мечты. В них жила надежда. И они интересовались «Домом Мадонны».

Пригласившие нас кларетинцы старались проявлять гостеприимство.

— Мы хотим, чтобы вы почувствовали себя как дома — тогда вы создадите тут свой дом! — сказал мне один священник, наградив меня широкой улыбкой.

В день нашего приезда мы долго говорили с отцом Антоном, главой общины кларетинцев, который предложил кому-

то из нас осенью пожить несколько месяцев в этом городе, прежде чем мы примем окончательное решение. Поскольку он всё время предполагал, что это будем мы с Катей, пришлось сказать ему о моём неизбежном отъезде.

Я думала, что смогу оставаться в России до конца года, но теперь увидела, что нашу жизнь нужно будет подчинить расписанию. И я сказала — сначала самой себе, а потом Кате:

— Я уеду в тот момент, когда это нужно с точки зрения интересов нашей миссии.

Эта перспектива меня удручала.

В эти дни Катя изо всех сил стремилась исполнять свою задачу — слушать Святого Духа. Ей нужно было действовать независимо от меня, потому что мне было трудно даже пройти по окрестностям или сходить вместе с отцом Антонием в магазин. Я также понимала, что мне нужно беречь силы для выступлений перед публикой. Последние недели мы с Катей были очень близки, а теперь это сменилось чувством глубокого одиночества, которое я стремилась принести Богу за Катю и будущее «Дома Мадонны» в России.

Мы рассказывали о нашей общине и духовности Екатерины небольшой группе людей, готовящихся стать катехизаторами диоцеза. Встреча проходила на квартире, принадлежавшей приходу. Когда в воскресенье днём мы с Катей встретились с этими людьми, они приветствовали нас так, как будто мы были давно знакомы.

Несмотря на мои тревоги, презентация прошла гладко. Я рассказала о жизни Екатерины, пытаясь показать, как её послушание Святому Духу, страстное желание исполнять Божью волю и открытость к боли, которая «утешает одинокого Христа», привели к возникновению международной миссии мирян. Затем мы показали видео, где было интервью с Екатериной и кадры с её похорон. Фильм был профессионально дублирован по переводу, сделанному Альвиной. Это видео так хорошо отражало человеческую и духовную харизму Екатерины, что его часто называли «благословенным». В этот раз также после просмотра люди молчали и в них чувствовалась радость.

После перерыва на чай я кратко описала духовную практику «Дома Мадонны», пользуясь маленькой книжечкой с текстами

* Самородки. Екатерины, которую я составила, а Альвина перевела.*
Москва, 2002

И в заключение мы показали пятнадцатиминутный фильм о нашем доме в Магадане под названием «Молчание пустыни». Я чувствовала, что встреча тронула эту группу.

Позже я спросила Катю о её впечатлениях, и она сухо ответила:

— Если тот факт, что двое из них плакали при прощании, о чём-то говорит, то встреча прошла вполне хорошо.

Из Красноярска мы с Катей вылетели в Москву. Она должна была оттуда отправиться на встречу ответственных в Канаде, а я планировала провести несколько дней с Раей и Володей.

За два дня до моего предполагаемого отъезда в Магадан Володю около его дома жестоко избili двое головорезов. Его положили в больницу, и состояние было тяжёлым, так что я осталась ещё на неделю, чтобы поддержать Раю. Её благодарность недвусмысленно свидетельствовала о том, что присутствие — это самый ценный дар из всех, что я способна дать.

В тот вечер, когда Володя попал в больницу, телефон звонил не переставая. И каждый раз, снимая трубку, мы боялись, что нас известят о его смерти, но это были звонки людей, которые предлагали свою помощь, выражали беспокойство и желали помолиться за Володю. Где-то после полуночи Рая сказала:

— Вся Москва молится о нём. Эти молитвы поддерживают в нём жизнь.

Какая же она необыкновенная женщина! Володя находился в реанимации неделю, посетителей туда не пускали, и Рая сказала:

— Мне надо пойти к нему. Он должен знать, что люди его любят.

Магадан

4 мая 2005

Как хорошо было вернуться в Магадан! Я счастлива, что Сьюзен разрешила мне тут остаться одной до возвращения Лизы из Канады. Я наслаждаюсь тишиной и одиночеством.

Прошлым вечером я долго сидела в часовне. Было около половины одиннадцатого, начинало

смеркаться. Казалось, я так давно не сидела в тишине. И так давно этой тишины не было во мне.

В это время у нас не было никакой явной деятельности. Никаких ситуаций, с которыми нужно что-то делать. Мне не нужно было оправдывать своё существование делами. Я вернулась к тому, чтобы просто быть.

Я не могу «почувствовать Россию». В наш дом даже никто не заходит. Любовь смирила моё сердце. Всё бушевавшее ушло. Осталась только тишина.

18 мая 2005

Катя позвонила по телефону из Комбермера и сказала, что они с Марией приедут в Магадан в конце июня. Они вместе отправятся в Красноярск для знакомства с городом не в октябре, как мы предполагали, но в августе. В это время Лиза будет продолжать осваивать русский.

Это означало, что меняется и день моего отъезда. Сначала я ощутила себя беспомощной жертвой обстоятельств, тем более что в августе мои московские друзья ещё не должны были вернуться домой с летних каникул. Я готова была поддаться чувству негодования в ответ на несправедливость: «Мне надо хотя бы попрощаться с друзьями!» Но это бы означало, что я ставлю свои условия Богу, когда мне нужно от всего сердца принять Его волю.

Русские не ожидают от жизни, что она будет соответствовать их пожеланиям. Каждый делает то, что должен. Была ли у жертв Сталина возможность попрощаться с близкими? Конечно, это нельзя сравнивать с моей ситуацией, но я могу принести своё разочарование как дань их памяти.

Положи фуку на плуг и не оглядывайся назад
(см. Лк. 9:62).

Господи, Ты создал нас для жизни в Тебе, и я верю, что это возможно. И когда ты становишься центром жизни, даже наши эмоции утихают.

24 мая 2005

Вернулась Лиза!

Я согласилась с новой датой моего отъезда и предала это в руки Господа в желании принять Его волю всем существом, а потому была готова уехать в любой момент.

И в связи с этим мне пришло в голову, что:

1. Когда мы действительно верим в Божью волю, дающую жизнь, мы можем позволить ему писать сценарий нашей жизни. Мы можем отказаться от контроля над тем, что с нами происходит. И мы освобождаемся от великого бремени страха — страха того, что если то или иное условие не будет выполнено, нас постигнет внутренняя смерть.

2. И ещё один великий страх покидает нас, когда мы готовы принять страдание. Освободившись от уз страха, мы можем предоставить себя Богу, чтобы Он использовал нас, как пожелает.

«И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8:32).

6 июня 2005

Вчера вечером я начала читать книгу папы Иоанна Павла II «Переступить порог надежды». Уже в самой первой главе он затрагивает тему, которая окрашивает весь его понтификат, — «не бойся».

Страх всегда был моим основным грехом. Я молилась о смелости, и в этом году на Пятидесятницу, когда мы вытаскивали из корзины бумажки с написанными на них дарами и плодами Святого Духа, мне досталась «стойкость». Я была изумлена — это ближе всего к теме. «Стойкость» есть дар Святого Духа, а «любовь» — плод.

27 июня 2005

Сегодня я ходила в ОВИР, где мне сказали, что никто не знает, когда будет готов мой вид на жительство. Поскольку без этой бумажки я не могу

уехать, мне снова остаётся только подчиняться и доверять.

Я уже продумала сценарий своего отъезда и прощания с сёстрами и отцом Майклом. Я только надеялась, что мне удастся уехать раньше, чем все узнают о неизбежности закрытия нашего дома. Теперь же всё стало неопределённым.

Господи, таков Твой сценарий? Я отказываюсь от желания его писать. Помоги мне идти этой дорогой свободы. Пресвятая Богородица Комбермерская, возьми меня за руку и помоги мне бежать с тобой, куда ты хочешь, подобно ребёнку, который старается не отстать от матери. Благодарю Тебя, Господи, за то, что Ты помог мне увидеть эти узы страха. Я сбрасываю их всякий раз, когда подчиняюсь Твоей воле в доверии и надежде.

11 июля 2005

Мы только что узнали, что я могу путешествовать со своим старым видом на жительство, а это значит, что можно вернуться к прежнему плану. 11 августа мы с Лизой отправимся в Москву, а семнадцатого Катя с Марией полетят в Красноярск.

Отец Майкл посоветовал нам сообщить прихожанам о том, что мы их покидаем, «чтобы дать им время для скорби».

Русские умеют горевать. Этому я у них научилась. Они не скрывают своих чувств, и благодаря русским друзьям я поняла, что боль и слёзы могут сочетаться с приятием и подчинением. Для них это не «или одно, или другое», но «и то, и другое».

18 июля 2005

Возможно, меня минует чаша страданий — тот момент, когда мы объявим о закрытии дома. Мы с Лизой уже написали русский текст, который Катя должна была зачитать прихожанам после воскресной службы, но вчера утром Сьюзен написала Кате, что, по её мнению, делать такое объявление

рано. Она думает, что нам надо двигаться шаг за шагом и не опережать Бога. Поскольку сроки всех грядущих событий, за исключением даты моего отъезда, неизвестны, нам пока не следует начинать прощаться.

20 июля 2005

Проснувшись утром, я дремала, тосковала, плакала и боролась. Меня поглощает боль. Боль моей болезни, боль одиночества, утраты возможностей, изоляции и близкого отъезда.

«Где я нахожусь?» — тихо вопрошала я.

Христос ответил: «Ты со Мной». Я прячусь в Его руке, в Его сердце. Да, на кресте, но сегодня — в Его сердце.

Я это принимаю. Я приношу это в жертву. При каждом новом ударе я теряюсь, в моей душе поднимается буря. И я взываю к Нему, и Его голос возвращает покой. Или же вера даёт мне покой, и затем я могу слышать Его голос? Неважно.

Его слова дают мне силу сохранять мир, когда мне больно. Я принимаю боль, я приношу её в жертву. Я делаю ещё один шагок вперёд. *Благодарю Тебя, Господи.*

25 июля 2005

Похоже, моя внутренняя буря утихла. Исповедь прекратила эмоциональные битвы и запечатала щели, через которые проникают искушения. Разговоры с Катей и Марией избавили меня от ощущения изолированности. Общение всегда восстанавливает моё равновесие. *Благодарю Тебя, Господи. Благодарю Тебя за моих сестёр.*

Отец Майкл был удивительно мягок. «У тебя открытая рана, и каждая крупинка соли усугубляет боль. Это понятно. Ты призвана страдать за Россию, так что тебе остаётся только приносить эту боль в жертву».

Благодарю Тебя, Господи, за то, что Ты подарил мне отца Майкла. Ты властно использовал его, чтобы вернуть меня к себе, и защищал меня от эмоциональной привязанности к нему. О чём ещё я могла бы просить? Благодарю Тебя за то, что я поняла в эти последние годы, за тихую благодать исповедей и наши беседы, когда я искала у него мудрости. Снова и снова его способность облекать старые истины в свежие слова, его дар чёткости, его реалистичность и его знание о Твоём присутствии открывали передо мной новые пути и наполняли меня энергией, свободой и доверием.

Я уже начинаю тяготиться разлукой с ним. Но вера позволяет надеяться, что скоро Ты наполнишь эту печаль новой жизнью.

Так что я хочу теперь отпустить отца Майкла. Я чувствую, что Ты просишь меня это сделать. Такова Твоя воля. Ты не просишь меня поврать отношения или выкинуть его из моей жизни. Когда я смотрю на Твой прекрасный лик на рублёвской иконе, я понимаю, что все вещи действительно находятся на своих местах в таком чудесном порядке, какой я не могла бы себе представить. Я всё оставляю – в любви, доверии и глубокой благодарности, для которой нет слов.

«Что воздам Господу за все благодеяния Его ко мне? Чашу спасения прииму и имя Господне призову». (Пс. 115: 3-4)

28 июля 2005

Вчера я рано проснулась и поняла, что мысленно пишу письмо Брониславе и Ольге. Впервые я нашла слова, способные выразить то, что переполняло моё сердце, но не смогла их сразу записать, и теперь не могу ясно сказать, что хотела.

Господи, если есть на то Твоя воля, верни мне те слова. Если я что-то могу дать этим людям, помоги мне сделать так.

В эти годы я постоянно возвращалась мыслями к пережитому ими, это давало силы переносить мои собственные трудности и приносить их Богу.

Сколько раз, когда жизнь казалась мне тюрьмой, мысль об их судьбе избавляла меня от недовольства! Сколько раз, когда я наталкивалась на преграды в моей жизни, мысль о том, что они раз и навсегда были лишены многого, ставила меня на место! Их страдания придавали смысл моим. В той степени, в какой я могу сохранить верность всему тому, чему они меня научили, их страдания и страдания миллионов других не останутся тщетными.

Благодарю Тебя, Господи, за этот невероятный дар – за то, что Ты дал мне разделить жизнь с ними.

31 июля 2005

Вчера Катя попросила меня отложить публикацию книги Екатерины о священниках «Дорогой отец» до той поры, пока наша жизнь не наладится. Я забыла, что мы уже говорили об этом в апреле, и занималась этой книгой целеустремлённо. Конечно, я хочу увидеть её выход, но это не моя публикация.

Это призыв подчиниться ещё в одной сфере. Хотя в Комбермере я продолжу работу над публикацией и исправлением перевода, логичнее делать это в России. Но в моём сердце нет протеста, и я могу позволить себе слёзы. Боль мучительна, но её можно нести. *Я приношу её Тебе, Господи, за будущее нашей работы в России.*

6 августа 2005

Я проснулась ночью и плакала, думая о всей той любви, которую мне дарили в эти дни. Я села на кровати и помолилась перед маленькой иконкой Богородицы, которую мне подарили друзья в Канаде, — уезжая, я оставляю её Гале Кноль. Колеблющийся огонёк лампы освещал лик Марии и отбрасывал на стену тени от полевых цветов.

Я не хочу погружаться в сентиментальность, но в то же время не хочу защищаться от подлинных

эмоций. Когда я молилась, я поняла, что теперь Бога невозможно отделить от того, как я воспринимаю реальность. Это нечто новое для меня.

Прощание в церкви оказалось именно таким, какого я только могла бы пожелать. В субботу у меня не было времени репетировать свою речь, и, встав утром в воскресенье, я передала её в руки Бога и почувствовала, что всё пройдёт должным образом.

Собравшихся было немного — летом многие разъезжаются или работают у себя на даче. Все молодые люди уехали в Кёльн на День молодёжи. Ольга извинилась, что не будет на мессе, потому что ей нужно посетить сына на его день рождения, зато пришла Бронислава и другие бывшие узники лагерей. Когда я взбиралась на кафедру, чтобы произнести речь, я решила не пользоваться записями, лежавшими в моём кармане. Моё сердце было наполнено, и я решила просто дать ему волю.

Представив меня, отец Майкл сказал:

— Мириам — воистину моя сестра.

И снова повторил:

— Мириам — моя сестра.

Наверное, не найдя других слов, он жестом предложил мне говорить.

Я рассказала собравшимся о том, чему они меня научили. Что они показали мне и всем нам, как выглядит евангельская любовь и самоотдача. Я сказала, что их жизнь и готовность принимать страдания подготовили меня к моему кресту, рассеянному склерозу, и что именно затем Бог привёл меня в Магадан.

Когда я закончила, отец Майкл вручил мне «ещё один крест» — распятие, привезённое им прошлой зимой из Иерусалима из храма Гроба Господня. Катя подошла и помогла мне преодолеть три ступеньки и спуститься с кафедры.

Бронислава не скрывала слёз, как и другие прихожане. Галя Кноль обняла меня со словами:

— Это была лучшая проповедь о Кресте из всех мною слышанных!

Меня просто завалили подарками, и мы перешли в комнату при церкви, где был чай со сладостями. Накануне вечером сюда

пришли Катя, Лиза и Мария, чтобы надуть пятнадцать воздушных шариков. Как сказала Галя, это позволит мне «вдохнуть воздух Магадана, когда мне будет одиноко».

Слова прощания, фотографирование, слёзы, объятия.

Благодарю Тебя, Господи, за Твой бесценный дар – любовь этих людей.

9 августа 2005

Через несколько дней я покину Магадан. Бог был бесконечно добр ко мне, так что этот шаг, которого я так давно боялась, я принимаю с кротостью, которую трудно было бы от меня ожидать.

Бог привёл меня в Россию, чтобы я научилась тут любить и страдать. Не знаю, что бы со мной было без этих лет. Пережитое мною в России стало неотъемлемой частью моего бытия.

Один период жизни подходит к концу, и начинается другой. После двадцати лет, проведённых в России и Франции, после того, как из тридцати трёх лет моей жизни, посвящённой нашей миссии, я провела тридцать один год в разных дочерних домах, я возвращаюсь в Комбермер, где меня ждёт новое духовное путешествие.

Радость креста

*Из статьи в информационной газете
«Дома Мадонны» Restoration, январь 2002*

Моя Иерусалимская Библия в бумажном переплётё рассыпалась. Я пыталась её склеивать и связывать, и сейчас её скрепляет толстая резинка. Я могла бы сменить её на новую, но что-то меня останавливает. Библии нельзя просто выкидывать, старую мне пришлось бы сжечь, и когда я себе это представляю, я сразу вспоминаю Россию, где ещё совсем недавно Библия была таким великим сокровищем, что люди переписывали её от руки.

Я прожила двенадцать лет в Магадане — городе, который некогда был административным центром всех колымских лагерей. Двенадцать лет моей внешней и внутренней жизни прошли в тени ГУЛАГа. Это сотни тысяч жизней, которые были покалечены или прервались тут.

Миссия «Дома Мадонны» в Магадане включала в себя искупление зла, совершившегося в этих лагерях. Размышляя о том, что это значит для меня, я начала понимать, что моя собственная жизнь неразрывно связана с судьбой людей, которых принесли в жертву непонятно чему.

В Магадане вопрос о смысле жизни и жертвы никогда не казался мне теоретическим. Тут тайна Креста и Воскресения была осязаемой реальностью, которая освещала не только прошлое, но и нынешнее повседневное существование с его трудностями и противоречиями.

Годы, проведённые в Магадане, дали мне понять, что конечный смысл жизни не связан с тем что можно утратить. Он не связан с имуществом, взаимоотношениями, работой или здоровьем — всего этого лишали тех, кто попадал в лагерь, так что и прошлое, и будущее сводилось для них к одному: как прожить ещё один день. Мне тоже следует искать смысл жизни в настоящем моменте.

Наша жизнь нам не принадлежит. Она вверена нам, как таланты вверены рабам из притчи, — чтобы мы наполнили её любовью и с благодарностью вернули Тому, Кто её нам дал, —

каждый момент этой жизни. *«Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся»* (эти слова произносят на литургии Иоанна Златоуста).

Наше физическое и эмоциональное самочувствие не имеет к этому никакого отношения. Каким бы ни было содержание дня, что бы ты ни приносил Отцу, Он всё принимает и преобразует, через жертвоприношение Христа, в благодать, спасающую весь мир. Мы ничего не можем потерять, потому что ничего вообще нельзя назвать «нашим» — всё есть Божья любовь, дающаяся нам даром с высоты Креста.

Для меня Крест Иисуса Христа стал чем-то совершенно конкретным из-за того, что я заболела рассеянным склерозом. Чтобы приготовить меня к этому, Бог послал меня в Магадан. Тут Он открыл моё сердце любви и страданиям людей, которым мы приехали служить, но от которых мы получили гораздо больше, чем то, что мы могли им дать. Постепенно мы поняли, что способны делать для них лишь одно: принести свои жизни как жертву за них.

В России, как недавно сказал один из моих друзей, сплошные крайности. Крест — это тоже крайность, хотя, несомненно, это следствие стремления любить.

Поскольку никто, кроме мазохистов и великих святых, не ищет страданий, когда мы принимаем выпадающие на нашу долю страдания, мы делаем это, повинувшись Божьей воле, а не своим желаниям. Приняв страдание, мы можем отдать его Ему. И тогда последствия грехопадения стираются нашим добровольным участием в спасительном деле Христовой любви.

Это трудно облечь в слова, но вот что объединяет меня с мучениками Колымы. Память о них требует от меня, чтобы я принимала свои трудности, а не сражалась с ними, и приносила их Христу, соединяла их с Его жертвой. Если я так поступаю, я тем самым говорю о ценности их страданий. Если я бегу от Креста и отрицаю его жизнеподательную силу, я предаю тех, кто не мог от него убежать.

В иудео-христианской традиции «вспоминание» — священная обязанность. *«Будем помнить всегда: рабами были мы в Египте, и Господь избавил нас рукою крепкою и мышцею простертою»*, — говорят евреи, празднуя Пасху.

Тот же Господь говорит нам на каждой Литургии: *«Сие творите в воспоминание обо Мне»*.

В России, молясь за умерших, поют «Вечную память».

Когда мы сознательно живём в истории — что редко встречается в нашем веке, — мы понимаем, что ушедшие до нас люди участвуют в нынешней жизни. Если мы живём в Боге, мы едины с живыми и умершими. Жизнь в тени лагерей — это, в конечном итоге, жизнь в свете Воскресения, где одежды мучеников омыты кровью Агнца, где уже нет ночной тьмы, но всё освещает свет Господа Бога.

Это преображает всю нашу жизнь и даёт нам свободу от страха и иллюзий, чтобы мы могли искать то сокровище, которого больше всего желают наши сердца.

Это — радость Креста и сокровище, сокрытое в Магадане.

Оглавление

Протоиерей Александр Борисов
Несколько слов о книге
про католических сестёр в Магадане

5

От автора

6

Маленькая заповедь

7

Глава первая

Бог зовёт меня Мириам

8

Глава вторая

Твой народ будет моим народом

35

Глава третья

Рая и Володя

55

Глава четвёртая

«Встань – и иди!»

101

Глава пятая

«Дом Мадонны» в Магадане

112

Глава шестая

С нами Бог

134

Глава седьмая

Крест Колымы

167

Глава восьмая

Сокровище смиренных

188

Глава девятая

Возьми свой крест

211

Глава десятая

Следуй за Мной

237

Глава одиннадцатая

О, если бы вы ныне послушали
гласа Его

257

Глава двенадцатая

Всегда быть маленькой

273

Глава тринадцатая

Не бойся

297

Радость креста

315

УДК 82/89
ББК 84.7 США
С88

Мириам Стулберг. Бог зовёт меня Мириам.
М.: Волшебный фонарь, 2014. — 320 с., ил.

Перевод с английского *М.И. Завалова*
Редактор перевода *В.П. Ерохин*
Дизайнер *Р.Б. Герizon*

ISBN 978-5-903505-30-2

ISBN 978-5-903505-30-2

9 785903 505302 >

© Мириам Стулберг, текст, фото, 2014
© «Волшебный фонарь», макет, 2014

Отпечатано в ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Шубинский пер., 6.
Формат 60x90/16. Объём 20 п.л.